

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
26 апреля 2017 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2 (2017)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. Правила назначения наказания, предусмотренные ч. 1 ст. 62 УК РФ, применяются в отношении женщин и в тех случаях, когда санкция статьи предусматривает пожизненное лишение свободы, поскольку этот вид наказания не может быть назначен женщинам в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 57 УК РФ.

При установлении ограничений на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования, указание конкретного муниципального образования в приговоре не требуется. Исходя из положений ч. 3 ст. 47¹ УИК РФ наименование муниципального образования определяется той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденный должен будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

По приговору суда С., судимая 10 февраля 2009 г. по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года, осуждена по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 14 годам лишения свободы с ограничением свободы на 2 года. В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение и на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения к назначенному наказанию неотбытой части наказания по приговору от 10 февраля 2009 г. окончательно назначено 15 лет лишения свободы с ограничением свободы на 2 года, с установлением на этот срок в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ следующих ограничений: не изменять место жительства и пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием

осужденными наказания в виде ограничения свободы, не выезжать за пределы территории муниципального образования г. Новосибирска, являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, два раза в месяц для регистрации.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в отношении С. оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденной, изменил судебные решения в части назначенного С. наказания по следующим основаниям.

Из содержания приговора следует, что суд первой инстанции смягчающим наказание осужденной С. признал явку с повинной. Обстоятельств, отягчающих наказание, судом не установлено.

Согласно положениям ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ (к которым относится явка с повинной), и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

В соответствии с ч. 2 ст. 57, ч. 2 ст. 59 УК РФ пожизненное лишение свободы и смертная казнь женщинам не назначаются.

Следовательно, с учетом требований ст. 62 УК РФ С. по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не могло быть назначено наказание, превышающее 13 лет 4 месяцев лишения свободы. Однако ей за указанное преступление назначено 14 лет лишения свободы. Не была исправлена допущенная ошибка и при рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции.

Кроме того, при назначении в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ дополнительного наказания в виде ограничения свободы суд первой инстанции ошибочно указал на запрет С. выезжать за пределы территории муниципального образования – г. Новосибирска, поскольку исходя из положений ч. 3 ст. 47¹ УИК РФ наименование муниципального образования определяется той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденная должна будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и кассационное определение в отношении С. и смягчил ей наказание по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ до 13 лет лишения свободы с ограничением свободы сроком на 2 года, установив в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ следующие ограничения: не изменять место жительства или пребывания, а также не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор

за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, с возложением обязанности являться в специализированный государственный орган для регистрации два раза в месяц.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 6-П17*

2. Если установленное в санкции статьи дополнительное наказание в виде штрафа или ограничения свободы не является обязательным, то суд в описательно-мотивировочной части приговора должен привести основания их назначения.

По приговору суда, постановленному с участием присяжных заседателей, К. осужден по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к 11 годам лишения свободы со штрафом в размере 500 000 руб. с ограничением свободы сроком на 1 год, по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к 14 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев, по ч. 2 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) к 3 годам лишения свободы.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено 18 лет лишения свободы со штрафом в размере 500 000 руб., с ограничением свободы сроком на 2 года, запрещено изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также выезжать за пределы территории г. Подольска Московской области, на него возложена обязанность являться в специализированный государственный орган для регистрации четыре раза в месяц.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения в части назначенного К. наказания по следующим основаниям.

Суд первой инстанции, квалифицировав действия осужденного по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, помимо основного наказания в виде лишения свободы назначил ему дополнительные наказания в соответствии с санкцией этой нормы в виде штрафа в размере 500 000 руб. и ограничения свободы сроком на 1 год с установлением указанных в приговоре ограничений.

Однако, как следует из редакции данной статьи уголовного закона, назначение дополнительных наказаний в виде штрафа и ограничения свободы не является обязательным, их применение возможно по усмотрению суда. Между тем суд, назначив по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ дополнительные наказания в виде штрафа и ограничения свободы, в описательно-мотивировочной части приговора данное решение не мотивировал.

При таких обстоятельствах Президиум исключил из судебных решений дополнительные наказания в виде штрафа в размере 500 000 руб. и ограничения свободы, назначенные К. по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Также из судебных решений исключено указание на запрет К. выезжать за пределы территории г. Подольска Московской области при назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ), поскольку исходя из положений ч. 3 ст. 47¹ УИК РФ наименование муниципального образования определяется той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденный должен будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 191-П16*

3. В соответствии с ч. 4 ст. 132 УПК РФ, если подозреваемый, обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации адвокатам А. и В. выплачено вознаграждение за осуществление защиты осужденных М. и Ч. в суде апелляционной инстанции соответственно в размере 21 600 и 25 200 руб. из средств федерального бюджета. Процессуальные издержки в размере 21 600 и 25 200 руб. взысканы в доход федерального бюджета с осужденных.

Осужденные в надзорных жалобах просили отменить указанные определения в части взыскания с них процессуальных издержек, поскольку от услуг адвокатов они отказались.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации исключил из определений указания о взыскании с осужденных процессуальных издержек, мотивировав свое решение следующим.

Согласно ч. 4 ст. 132 УПК РФ, если подозреваемый, обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник

участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Из материалов уголовного дела следует, что осужденный М. отказался от услуг адвоката А. при рассмотрении дела в апелляционном порядке, указав на это в соответствующей расписке, подтвердив отказ в заседании суда апелляционной инстанции.

Однако для осуществления защиты осужденного в суде апелляционной инстанции был назначен адвокат А., которому выплачено вознаграждение в размере 21 600 руб. за осуществление защиты осужденного. Указанная сумма взыскана с осужденного М. в доход федерального бюджета.

Осужденный Ч. также отказался от услуг адвоката В. при рассмотрении дела в апелляционном порядке в письменном виде, подтвердив отказ в судебном заседании суда апелляционной инстанции. Несмотря на это, для осуществления защиты осужденного в суде апелляционной инстанции был назначен адвокат В., которому выплачено вознаграждение в размере 25 200 руб. за осуществление защиты осужденного. Указанная сумма взыскана с осужденного Ч. в доход федерального бюджета.

При таких обстоятельствах, когда осужденные М. и Ч. отказались от услуг защитников при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, однако их отказ не был удовлетворен и защитники участвовали при рассмотрении дела по назначению суда, на осужденных не может быть возложена обязанность по возмещению расходов, связанных с оплатой труда адвокатов.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 196-П16*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих в связи с защитой права собственности и других вещных прав

4. Восстановление жилого помещения после пожара не является созданием нового объекта, на который необходимо признание права собственности.

К. обратился в суд к С. с иском о прекращении права общей долевой собственности на жилой дом, признании права собственности на оставшуюся после пожара часть жилого дома, об обязанности устранить нарушения противопожарных требований, допущенных при возведении жилого дома. В обоснование иска К. указал, что он и А. являлись

собственниками жилого дома и земельного участка. В соответствии с договором реального раздела земельного участка и жилого дома и сложившимся порядком пользования часть дома находилась в пользовании А., а другая часть находилась в пользовании К. После пожара, уничтожившего жилой дом, А. продал свой участок.

С. снес сохранившуюся после пожара часть дома, находившуюся в пользовании А., и в настоящее время возводит на ее месте новый объект. К. отказано в государственной регистрации права на принадлежащую ему часть жилого дома, хотя она является объектом капитального строительства, он принимает меры к ее полному восстановлению. К. полагал, что при возведении жилого дома ответчиком нарушены градостроительные и противопожарные нормы.

С учетом изложенного К. просил суд прекратить право общей долевой собственности на спорный жилой дом, признать за ним право собственности на сохранившуюся после пожара часть жилого дома, а также обязать С. устранить нарушения противопожарных требований, допущенные при возведении нового жилого дома.

Решением суда исковые требования К. удовлетворены.

Апелляционным определением данное решение суда отменено в части удовлетворения исковых требований К. о признании права собственности на часть жилого дома, об обязанности С. устранить нарушения противопожарных требований, в указанной части принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований К. отказано.

Судом установлено, что на основании договора купли-продажи 1993 года К. и А. принадлежали на праве общей долевой собственности по $\frac{1}{2}$ доли жилого дома.

18 сентября 2008 г. между К. и А. заключен договор реального раздела земельного участка с жилым домом, согласно которому часть жилого дома площадью 85,6 м² и земельный участок площадью 1167 м² принадлежат А., часть жилого дома площадью 166,8 м² и земельный участок площадью 1150,5 м² принадлежат К.

На основании указанного договора К. выдано свидетельство о государственной регистрации права от 16 сентября 2013 г. на земельный участок площадью 1136 м², на часть жилого дома свидетельство не выдано.

16 декабря 2009 г. в жилом доме, принадлежащем К. и А., произошел пожар, в результате пожара сгорели внутренние помещения по всей площади, кровля по всей площади, мансарда по всей площади, выгорели потолочные и напольные перекрытия.

Решением суда от 25 октября 2011 г. с А. в пользу К. в счет возмещения ущерба, причиненного пожаром, взыскана денежная сумма.

По договору купли-продажи от 11 июня 2013 г. А. продал, а С. купил земельный участок площадью 1167 м².

Постановлением главы местной администрации от 22 августа 2014 г. земельному участку присвоен новый адрес.

С. оставшаяся после пожара часть дома демонтирована.

3 сентября 2014 г. местной администрацией С. выдано разрешение на строительство жилого дома.

Возведенное С. строение представляет собой жилой дом с мансардным этажом общей площадью 280,1 м².

Сохранившаяся после пожара часть здания, расположенная на земельном участке К., не демонтирована, состоит из цокольного этажа.

Разрешая спор, суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что поскольку жилой дом, который принадлежал сторонам на праве общей долевой собственности, сгорел, на земельном участке ответчика часть оставшегося дома демонтирована, то право собственности на этот объект следует считать прекратившимся.

При этом судебная коллегия указала, что в результате произведенного К. строительства жилого дома на земельном участке, правообладателем которого он является, фактически создан новый объект недвижимости, который в силу п. 1 ст. 222 ГК РФ является самовольной постройкой, доказательств, что указанное строение возведено с соблюдением строительных норм и правил, норм пожарной безопасности, не угрожает жизни и здоровью граждан, материалы дела не содержат, в связи с чем пришла к выводу о том, что не имеется оснований для удовлетворения исковых требований К. о признании права собственности на часть жилого дома, не завершено строительство, степень готовности 30%.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, направив дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу данного федерального закона, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной этим федеральным законом. Государственная регистрация таких прав проводится по желанию их обладателей.

Таким образом, право собственности К. на сохранившуюся после пожара часть жилого дома хоть и не было зарегистрировано, но являлось действительным, и в соответствии со ст. 209 ГК РФ истцу принадлежало право на восстановление имущества, пострадавшего при пожаре.

Согласно п. 1 ст. 235 ГК РФ право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества

и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом.

По смыслу приведенной правовой нормы, основанием прекращения права собственности на вещь являются в том числе гибель или уничтожение имущества, влекущие полную и безвозвратную утрату такого имущества.

При этом восстановление объекта не является созданием нового объекта, на который необходимо признание права собственности.

Как установлено судом, в результате произошедшего пожара сохранилась часть жилого дома, находившегося в общей долевой собственности истца и ответчика. Однако в нарушение требований ст. 198 ГК РФ данному обстоятельству суд оценку не дал.

Отказ собственника от права собственности является одним из оснований прекращения права собственности в соответствии с п. 1 ст. 235 ГК РФ.

Гражданин или юридическое лицо может отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество, объявив об этом либо совершив другие действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество (ст. 236 ГК РФ).

Совершение собственником действий по устранению от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на него влечет прекращение его права собственности на это имущество.

Судом установлено, что ответчиком построен отдельный жилой дом на принадлежащем ему земельном участке, каких-либо действий в отношении оставшейся после пожара части жилого дома им не осуществлялось и каких-либо притязаний в отношении этого объекта не заявлялось, ответчик в возражениях на иск исходил из отсутствия у него права собственности на оставшийся после пожара объект.

Однако судом не была дана правовая квалификация данных обстоятельств, не установлено, отказывался ли С. от принадлежащего ему права собственности на сохранившийся после пожара жилой дом, было ли его право собственности прекращено в установленном законом порядке.

Как разъяснено в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», положения ст. 222 ГК РФ не распространяются на отношения, связанные с созданием самовольно возведенных объектов, не являющихся недвижимым имуществом, а также на перепланировку, переустройство (переоборудование) недвижимого имущества, в результате которых не создан новый объект недвижимости.

Лица, право собственности или законное владение которых нарушается сохранением таких объектов, могут обратиться в суд с иском об устранении нарушения права, не соединенного с лишением владения (ст. 304 ГК РФ).

В случаях, когда самовольно возведенный объект, не являющийся новым объектом или недвижимым имуществом, создает угрозу жизни и здоровью граждан, заинтересованные лица вправе на основании п. 1 ст. 1065 ГК РФ обратиться в суд с иском о запрещении деятельности по эксплуатации данного объекта.

При таких обстоятельствах суду надлежало установить, является ли строение, о признании права собственности на которое ставил вопрос К., восстановленным имуществом либо вновь созданным, соответствует ли данный объект требованиям, предъявляемым к нему законом.

Данное обстоятельство является существенным для правильного разрешения спора, поскольку при рассмотрении дела установлено, что на смежных земельных участках, принадлежащих истцу и ответчику, существуют два строения, расположение которых относительно друг друга не соответствует требованиям градостроительного законодательства и безопасности.

В силу диспозитивности гражданского законодательства возведение нового строения и последующее возникновение прав на него не должны умалять уже существующие права третьих лиц, добросовестно их реализовавших. Таким образом, разрешение вопроса о том, является ли строение, находящееся на земельном участке К., существовавшим до строительства дома, принадлежащего С., либо вновь созданным по отношению к нему, необходимо для правильного определения правоотношений сторон и законного разрешения возникшего между ними спора, от чего суд уклонился.

В случае возникновения вопросов, требующих наличия специальных знаний, суд на основании положений ст. 79 ГПК РФ мог назначить соответствующую экспертизу, чего также сделано не было.

Определение № 33-КГ16-12

Разрешение споров, связанных с заключением обеспечительных сделок

5. Если залогодатель является должником по двум или более обязательствам и не исполняет их, то за счет стоимости заложенного имущества погашаются прежде всего требования кредитора-залогодержателя.

Банк, С., П., О., В. обратились в суд с иском к Л.Л., Л. о признании наследниками, взыскании долгов наследодателя с наследников, взыскании

задолженности по кредитным договорам и об обращении взыскания на заложенное имущество.

В обоснование исковых требований банк указал, что между Л.В. и банком были заключены кредитные договоры. В обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между банком и Л.В. заключены также договоры залога недвижимого имущества, согласно которым в залог банку переданы земельный участок и жилой дом.

Кроме того, в обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между банком и супругой заемщика Л. заключены договоры поручительства.

В связи со смертью Л.В. (заемщика) банк просил суд признать наследниками умершего его отца Л.Л. и супругу Л., солидарно взыскать с наследников задолженность по кредитным договорам, обратить взыскание на заложенное имущество (жилой дом и земельный участок) путем его продажи с публичных торгов, взыскать сумму оплаченной государственной пошлины.

С., П., О. и В. – третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, просили взыскать с ответчиков денежные средства по сделкам, заключенным с Л.В. и не исполненным им.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично. Наследником Л.В. признан его отец Л.Л. В пользу банка с Л.Л. взыскана задолженность по кредитному договору-1 в размере 1 242 005,41 руб. Также в пользу банка солидарно с Л.Л. и Л. взыскана задолженность по кредитному договору-2 в размере 1 242 465,92 руб. Обращено взыскание на заложенное имущество (земельный участок и жилой дом) путем его продажи с публичных торгов с начальной продажной стоимостью в 1 129 480 руб. для жилого дома и 2 246 954,40 руб. для земельного участка. С Л.Л. в пользу банка также взысканы расходы на уплату госпошлины в размере 14 311,81 руб., с Л. – в размере 10 311,18 руб.

С Л.Л. также взысканы денежные суммы: в пользу О. – в размере 2 45 914,31 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 5659,14 руб.; в пользу П. – в размере 234 401,47 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 5544,02 руб.; в пользу С. – в размере 784 254,83 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 11 042,55 руб.; в пользу В. – в размере 856 094,94 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по кассационной жалобе представителя правления банка отменила указанные судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Как установлено судом, 18 августа 2006 г. между Л.В. и банком заключен кредитный договор, по условиям которого Л.В. предоставлен кредит в размере 3 200 000 руб. сроком до 17 августа 2011 г.

Дополнительным соглашением к кредитному договору от 27 августа 2013 г. срок исполнения обязательств по возврату заемных денежных средств продлен до 23 июля 2016 г.

22 июля 2008 г. между Л.В. и банком заключен кредитный договор, по условиям которого Л.В. предоставлен кредит в размере 2 800 000 руб. сроком до 22 июля 2013 г. Дополнительным соглашением к кредитному договору от 27 августа 2013 г. срок исполнения обязательств по возврату заемных денежных средств продлен до 23 июля 2016 г.

В обеспечение исполнения обязательств по заключенным кредитным договорам с заемщиком заключены договоры залога недвижимого имущества – земельного участка площадью 1444,30 кв. м и жилого дома общей площадью 76,60 кв. м, а с его супругой Л.И. – договоры поручительства.

В связи с ненадлежащим исполнением обязательств по возврату заемных денежных средств у Л.В. перед банком образовалась задолженность в сумме 4 933 486,63 руб.

16 марта 2014 г. Л.В. умер. В наследственную массу после его смерти вошло указанное выше недвижимое имущество, а также 1/9 доли в праве общей долевой собственности на квартиру.

С заявлением о принятии наследства обратился наследник первой очереди Л.Л. (отец наследодателя), которым было принято наследство умершего. Супруга Л.В. – Л. и его дочь с заявлением о принятии наследства не обращались.

В ходе разбирательства по делу судом была назначена судебная экспертиза по оценке принадлежащего Л.В. имущества.

Согласно заключению эксперта рыночная стоимость жилого дома составила 1 411 850 руб., земельного участка – 2 808 693 руб.

Рыночная стоимость доли в праве общей долевой собственности на квартиру была определена исходя из ее кадастровой стоимости и составила 384 593,86 руб.

Разрешая спор, суд исходил в том числе из того, что статус залогодателя не дает банку преимущества перед другими кредиторами наследодателя при определении размера денежных обязательств, удовлетворяемых за счет имущества наследника.

Между тем согласно п. 1 ст. 334 ГК РФ (здесь и далее статьи Гражданского кодекса Российской Федерации приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений) в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество (залогодателя), за изъятиями, установленными законом.

Залог земельных участков, предприятий, зданий, сооружений, квартир и другого недвижимого имущества (ипотека) регулируется законом об ипотеке. Общие правила о залоге, содержащиеся в Кодексе, применяются к ипотеке в случаях, когда Кодексом или законом об ипотеке не установлены иные правила (п. 2 ст. 334 ГК РФ).

Аналогичная норма о преимущественном праве удовлетворения требований залогового кредитора перед остальными кредиторами содержится в Федеральном законе от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», п. 1 ст. 1 которого предусмотрено, что по договору о залоге недвижимого имущества (договору об ипотеке) одна сторона – залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны – залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залогодателя, за изъятиями, установленными федеральным законом.

Таким образом, если залогодатель является должником по двум или более обязательствам и не исполняет их, то за счет заложенного имущества удовлетворяются интересы прежде всего кредитора-залогодержателя.

Каких-либо исключений из этого правила положения части третьей «Наследственное право» Гражданского кодекса Российской Федерации не содержат.

Это судебными инстанциями учтено не было.

Как следует из материалов дела, одним из кредиторов наследодателя Л.В. является банк, заключивший с ним кредитные договоры, обязательства по которым к моменту смерти заемщика не были исполнены в полном объеме. В обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между заемщиком и банком были заключены договоры залога недвижимого имущества.

Таким образом, банк, являясь залоговым кредитором, имел преимущественное право перед другими кредиторами на погашение всей имеющейся задолженности за счет залогового имущества – земельного участка и жилого дома.

Согласно п. 3 ст. 334 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, при недостаточности суммы, вырученной в результате обращения взыскания на заложенное имущество, для погашения требования залогодержатель вправе удовлетворить свое требование в непогашенной части за счет иного имущества должника, не пользуясь преимуществом, основанным на залоге.

В связи с этим, а также учитывая, что стоимость залогового имущества являлась недостаточной для погашения задолженности наследодателя Л.В. перед банком в полном объеме, суду следовало определить долю банка для удовлетворения оставшейся части его требований за счет иного имущества наследодателя – 1/9 доли в праве

общей долевой собственности на квартиру наравне с другими кредиторами.

Указанные выше требования закона не были учтены судебными инстанциями при разрешении данного спора, что привело к нарушению прав и законных интересов заявителя.

Определение № 46-КГ16-20

Разрешение споров, возникающих в связи с реализацией права требования страхового возмещения владельцами транспортных средств

6. По договору ОСАГО страховщик обязан выплатить страховое возмещение собственнику поврежденного автомобиля независимо от того, снял ли данное транспортное средство с регистрационного учета его прежний владелец.

Ч. обратился в суд с иском к страховой организации, в которой была застрахована гражданская ответственность владельца транспортного средства З., о взыскании страхового возмещения в размере 105 234 руб., компенсации морального вреда в размере 20 000 руб., штрафа, судебных расходов. В обоснование Ч. указал на причинение ущерба его автомобилю в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине З.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования Ч. оставлены без удовлетворения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в кассационном порядке, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Согласно п. 1 ст. 931 ГК РФ по договору страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, может быть застрахован риск ответственности самого страхователя или иного лица, на которое такая ответственность может быть возложена.

В силу ст. 1 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО) договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств – это договор страхования, по которому страховщик обязуется за

обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховую выплату) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

Судом установлено, что 22 ноября 2014 г. в результате дорожно-транспортного происшествия с участием автомашины под управлением Ч. и автомашины под управлением З. автомобилю истца причинены механические повреждения. Виновной в этом дорожно-транспортном происшествии признана З.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из отсутствия доказательств права собственности Ч. на поврежденный автомобиль. При этом суд указал, что в паспорте транспортного средства в качестве собственника указана П., с регистрационного учета автомобиль не снят, а договор купли-продажи данного автомобиля от 19 ноября 2014 г., по условиям которого П. продала его Ч., не может являться доказательством, подтверждающим право собственности истца на данное транспортное средство. Указанные обстоятельства, по мнению суда, свидетельствуют об отсутствии у Ч. права на получение страховой выплаты на основании Закона об ОСАГО.

С выводом суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Между тем судебными инстанциями не было учтено следующее.

Согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В соответствии с п. 2 ст. 218 ГК РФ право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества.

По общему правилу, закрепленному в п. 1 ст. 223 ГК РФ, моментом возникновения права собственности у приобретателя вещи по договору является момент ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором.

В случаях, когда отчуждение имущества подлежит государственной регистрации, право собственности у приобретателя возникает с момента такой регистрации, если иное не установлено законом (п. 2 ст. 223 ГК РФ).

Государственной регистрации в силу п. 1 ст. 131 ГК РФ подлежат право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение.

К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) п. 1 ст. 130 ГК РФ относит земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания.

В п. 2 ст. 130 ГК РФ установлено, что вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрация прав на движимые вещи не требуется, кроме случаев, указанных в законе.

Согласно п. 1 ст. 454 ГК РФ по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Транспортные средства не отнесены законом к объектам недвижимости, в связи с чем относятся к движимому имуществу.

Следовательно, при отчуждении транспортного средства действует общее правило относительно момента возникновения права собственности у приобретателя – момент передачи транспортного средства.

В соответствии с п. 3 ст. 15 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» допуск транспортных средств, предназначенных для участия в дорожном движении на территории Российской Федерации, за исключением транспортных средств, участвующих в международном движении или ввозимых на территорию Российской Федерации на срок не более шести месяцев, осуществляется законодательству Российской Федерации путем регистрации транспортных средств и выдачи соответствующих документов.

Согласно п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 г. № 938 «О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации» собственники транспортных средств либо лица, от имени собственников владеющие, пользующиеся или распоряжающиеся на законных основаниях транспортными средствами, обязаны в установленном порядке зарегистрировать их или изменить регистрационные данные в Государственной инспекции, или военных автомобильных инспекциях (автомобильных службах), или органах гостехнадзора в течение срока действия регистрационного знака «Транзит» или в течение 10 суток после приобретения, выпуска в соответствии с

таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством Российской Федерации о таможенном деле, снятия с учета транспортных средств, замены номерных агрегатов или возникновения иных обстоятельств, потребовавших изменения регистрационных данных.

Аналогичные положения также содержатся в п. 4 приказа МВД России от 24 ноября 2008 г. № 1001 «О порядке регистрации транспортных средств».

Приведенными выше законоположениями предусмотрена регистрация самих транспортных средств, обуславливающая допуск транспортных средств к участию в дорожном движении.

При этом регистрация транспортных средств носит учетный характер и не служит основанием для возникновения на них права собственности.

Гражданский кодекс Российской Федерации и другие федеральные законы не содержат норм, ограничивающих правомочия собственника по распоряжению транспортным средством в случаях, когда это транспортное средство не снято им с регистрационного учета.

Отсутствуют в законодательстве и нормы о том, что у нового приобретателя транспортного средства по договору не возникает на него право собственности, если прежний собственник не снял его с регистрационного учета.

Однако это не было учтено судебными инстанциями при разрешении данного спора, в частности при рассмотрении вопроса о наличии у истца права собственности на поврежденное транспортное средство и права на получение страхового возмещения со страховой компании, в которой застрахована гражданская ответственность виновного в названном дорожно-транспортном происшествии.

Определение № 41-КГ16-25

7. Сумма страхового возмещения, излишне выплаченная страхователю, недобросовестно заявившему размер установленного ущерба в большем размере, подлежит возврату как неосновательное обогащение.

Страховая организация обратилась в суд с иском к О. о взыскании суммы неосновательного обогащения, процентов за пользование чужими денежными средствами.

В обоснование исковых требований указала, что 12 августа 2013 г. между сторонами был заключен договор добровольного страхования транспортного средства, принадлежащего О., на условиях КАСКО по рискам «хищение», «ущерб».

Страховая сумма по договору составила 2 400 000 руб.

15 июля 2014 г. представитель О. обратился в страховую организацию с заявлением о наступлении страхового случая в виде повреждения автомобиля, который произошел 14 июля 2014 г. Однако в установленный срок страховое возмещение обществом выплачено не было.

В связи с этим О. обратилась в суд с требованием о взыскании страхового возмещения. Во время судебного разбирательства страховая организация произвела выплату страхового возмещения в размере 747 733 руб. на основании составленного по ее инициативе экспертного заключения о стоимости устранения повреждений автомобиля, а также заявила ходатайство о назначении судебной автотехнической экспертизы с целью установления реальной стоимости ремонта автомобиля с учетом повреждений, полученных 14 июля 2014 г. Согласно выводам эксперта стоимость восстановительного ремонта автомобиля составила 76 166 руб.

Решением суда по ранее рассмотренному делу О. отказано во взыскании суммы страхового возмещения в связи с тем, что выплаченное страховое возмещение, связанное со страховым случаем от 14 июля 2014 г., в размере 747 733 руб. значительно превышает стоимость восстановительного ремонта автомобиля, определенную судебной экспертизой.

Истец, полагая, что у ответчика возникло неосновательное обогащение, составляющее разницу между выплаченной суммой страхового возмещения в размере 747 733 руб. и суммой восстановительного ремонта, установленной экспертным заключением в размере 76 166 руб., просил суд взыскать сумму неосновательного обогащения в размере 671 566 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами, а также судебные издержки.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично: с О. в пользу общества взыскана сумма неосновательного обогащения в размере 671 566 руб., а также судебные издержки.

Суд первой инстанции, частично удовлетворяя исковые требования, руководствовался ст. 1102 ГК РФ и исходил из того, что страховой случай имел место 14 июля 2014 г., поэтому у общества в силу договора страхования возникло обязательство по выплате страхового возмещения в рамках данного страхового случая. Решением суда по другому делу установлен размер ущерба по указанному страховому случаю в сумме 76 166 руб. и именно в таком размере обязана возместить ущерб страховая компания. Обязанность выплатить сумму страхового возмещения, превышающую размер установленного ущерба, ни договором страхования, ни правилами страхования автотранспортных средств не предусмотрена. В связи с этим ранее выплаченная сумма страхового возмещения, превышающая реальный ущерб, является неосновательным обогащением ответчика и подлежит взысканию с нее.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано.

Принимая новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд второй инстанции указал на то, что выплаченное страховой компанией по договору страхования от 12 августа 2013 г. страховое возмещение не может считаться неосновательным обогащением, поскольку его выплата была произведена в рамках договорных отношений. Одновременно судебная коллегия, ссылаясь на п. 4 ст. 1109 ГК РФ, пришла к выводу, что страховщик не мог не знать, что выплата страхового возмещения производится им при отсутствии обязательства, а потому сумма неосновательного обогащения не подлежала возврату.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 данного кодекса.

В силу ст. 1103 ГК РФ положения о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством.

Из названной нормы права следует, что неосновательным обогащением следует считать не то, что исполнено в силу обязательства, а лишь то, что получено стороной в связи с этим обязательством и явно выходит за рамки его содержания.

Согласно п. 4 ст. 1109 ГК РФ не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности.

По смыслу данной нормы, не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения денежная сумма, предоставленная во исполнение несуществующего обязательства.

В обжалуемом апелляционном определении судебная коллегия областного суда установила, что между сторонами был заключен договор добровольного страхования транспортного средства.

В связи с этим при наступлении страхового случая 14 июля 2014 г. у страховой организации возникло обязательство по выплате страхового возмещения, которое было исполнено путем перечисления на имя О.

747 733 руб. При этом, перечисляя страховое возмещение в указанном размере, истец исходил из экспертного заключения, сделанного по заказу общества.

Впоследствии решением суда было установлено, что ответчику надлежало выплатить страховое возмещение в меньшем размере, а именно в сумме 76 166 руб., поскольку не все имевшиеся на машине повреждения были связаны со страховым случаем.

При таких обстоятельствах, когда обязанность по выплате страхового возмещения была исполнена в большем размере, чем было необходимо, излишне выплаченная сумма подлежала возврату как неосновательное обогащение, а положения п. 4 ст. 1109 ГК РФ были применены судом апелляционной инстанции необоснованно.

Как указала Судебная коллегия, суд первой инстанции правильно разрешил дело, надлежащим образом применил нормы материального права, каких-либо нарушений процессуальных норм им не допущено, в связи с чем решение суда первой инстанции признано законным и обоснованным.

Определение № 1-КГ16-23

Разрешение споров, возникающих в сфере защиты прав потребителей

8. На граждан, использующих исключительно для личных бытовых нужд товар, который им был отчужден другими гражданами, распространяется законодательство о защите прав потребителей.

К. обратился в суд с иском к обществу (продавец) о замене автомобиля ненадлежащего качества на автомобиль этой же марки (модели, артикула) надлежащего качества, а при отсутствии такового – замене на автомобиль другой марки (модели, артикула) с перерасчетом покупной цены.

В обоснование заявленных требований К. указал, что 6 июня 2015 г. он приобрел у Р. автомобиль, который 30 ноября 2012 г. был продан ответчиком с установлением гарантийного срока продолжительностью 3 года. После приобретения автомобиля истец в пределах гарантийного срока неоднократно обращался в дилерский центр в связи с обнаружением в автомобиле недостатков, однако часть из них не устранена. В замене автомобиля на аналогичный товар надлежащего качества ответчик К. отказал.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований К. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления,

как вынесенные с существенным нарушением норм материального и процессуального права, указав следующее.

Судом установлено, что 30 ноября 2012 г. между обществом (продавцом) и З. (покупателем) был заключен договор купли-продажи автомобиля, на который установлен гарантийный срок 3 года.

5 апреля 2014 г. З. продал данный автомобиль Р.

6 июня 2015 г. автомобиль был продан Р. истцу.

В период эксплуатации автомобиля К. неоднократно обращался в автосалон в целях устранения различных недостатков автомобиля.

28 сентября 2015 г. истец обратился к обществу (продавцу) с требованием о замене автомобиля на аналогичный товар надлежащего качества либо на товар другой марки (модели, артикула), однако ответ на указанное обращение К. получен не был.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что между истцом и ответчиком отсутствуют договорные правоотношения, в связи с чем К. не вправе предъявлять к обществу предусмотренные п. 1 ст. 18 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) требования.

Между тем в преамбуле Закона о защите прав потребителей установлено, что потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а продавцом – организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, реализующие товары потребителям по договору купли-продажи.

Согласно разъяснению, содержащемуся в подп. «а» п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», правами, предоставленными потребителю Законом о защите прав потребителей и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами, а также правами стороны в обязательстве в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации пользуется не только гражданин, который имеет намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий товары (работы, услуги), но и гражданин, который использует приобретенные (заказанные) вследствие таких отношений товары (работы, услуги) на законном основании (наследник, а также лицо, которому вещь была отчуждена впоследствии, и т.п.). При этом следует иметь в виду предусмотренные Законом о защите прав потребителей случаи, когда ответственность продавца (исполнителя) возникает только перед гражданином, заключившим с ним договор (например, согласно п. 1 ст. 12 названного закона потребовать от продавца

(исполнителя) возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора, вправе только тот потребитель, которому было отказано в предоставлении возможности незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, работе или услуге).

Следовательно, гражданин, на законном основании использующий товар исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, которому такой товар был отчужден другим гражданином, также пользуется правами потребителя, если законом не предусмотрено иное.

Как установлено судом, требования К. основаны на том, что переданный ответчиком автомобиль имеет существенные недостатки, препятствующие истцу использовать этот автомобиль по назначению.

Согласно п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей в случае обнаружения в технически сложном товаре недостатков по истечении пятнадцати дней со дня передачи такого товара потребителю его требования об отказе от исполнения договора купли-продажи и возврате уплаченной за товар суммы либо о его замене на товар этой же марки (модели, артикула) или на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены подлежат удовлетворению в случаях обнаружения существенного недостатка товара, нарушения установленных данным законом сроков устранения недостатков товара либо невозможности использования товара в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем тридцать дней вследствие неоднократного устранения его различных недостатков.

Отказывая в иске, судебные инстанции доводы истца о наличии в автомобиле существенных недостатков не исследовали, основываясь только на ошибочном выводе об отсутствии у истца прав потребителя по отношению к ответчику.

Поскольку отказ в иске основан только лишь на приведенном выше ошибочном толковании судебными инстанциями положений Закона о защите прав потребителей, а остальные обстоятельства дела не исследовались, Судебная коллегия отменила состоявшиеся судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 24-КГ16-13

9. Обязанность обеспечить достоверное указание площади объекта долевого строительства возложена на застройщика.

М. обратилась в суд с иском к обществу о взыскании неустойки и отмене акта приема-передачи квартиры.

В обоснование заявленных требований М. указала, что 12 сентября 2012 г. заключила с ответчиком договор участия в долевом строительстве

многоквартирного дома, по условиям которого ответчик обязался в четвертом квартале 2012 года окончить строительство этого дома и не позднее двух месяцев после ввода дома в эксплуатацию передать истцу в собственность квартиру, а истец обязался уплатить ответчику определенную денежную сумму. Истец свои обязательства по данному договору выполнила в полном объеме.

Многоквартирный дом был сдан в эксплуатацию 27 июня 2013 г., в то время как квартира должна была быть передана истцу по условиям договора не позднее 1 марта 2013 г.

Извещение о завершении строительства с предложением произвести осмотр квартиры и принять ее поступило от ответчика 17 августа 2013 г.

17 августа 2013 г. истцом и ответчиком подписан акт осмотра объекта долевого строительства, содержащий указания на ряд недостатков объекта долевого строительства (техническое отверстие в потолке, отсутствие горячей воды и др.). Указанным актом установлен срок устранения недостатков – до 10 сентября 2013 г. Кроме того, ответчик сообщил истцу об увеличении площади квартиры на 0,6 кв. м и о необходимости в связи с этим произвести доплату обществу.

Между тем в сентябре 2013 года филиалом федерального бюро технической инвентаризации (далее – БТИ) произведены обмеры, которые показали, что площадь квартиры не превышает площадь, указанную в договоре долевого участия в строительстве, в связи с чем требования ответчика являлись неправомерными. 15 января 2014 г. ответчик направил истцу односторонний передаточный акт объекта долевого строительства, в котором указана общая площадь квартиры, превышающая фактическую площадь квартиры, с чем истец не согласилась.

С учетом изложенного М. просила взыскать с ответчика неустойку, рассчитав ее за период с 1 марта по 2 октября 2013 г., а также признать недействительным односторонний акт о передаче ей квартиры площадью 91,3 кв. м, исходя из которого следует ее обязанность произвести доплату.

Общество предъявило встречный иск к М. о взыскании задолженности в размере доплаты за увеличение площади объекта долевого строительства на 0,6 кв. м, ссылаясь на то, что такое увеличение подтверждается техническим паспортом, выданным БТИ 24 апреля 2013 г.

Решением суда исковые требования М. удовлетворены частично, с общества взысканы неустойка, расходы на оказание юридической помощи, штраф за нарушение прав потребителя, расходы на оплату экспертизы. Отменен односторонний акт приема-передачи объекта долевого строительства от 15 января 2014 г. В удовлетворении встречного иска общества к М. отказано. С общества взыскана государственная пошлина.

Апелляционным определением решение суда отменено в части взыскания в пользу М. неустойки и штрафа за нарушение прав потребителя, а также в части отмены одностороннего акта приема-передачи объекта долевого строительства. В указанной части принято

новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований о взыскании неустойки и штрафа. Также постановлено абзац третий резолютивной части решения изложить в следующей редакции: «Признать односторонний акт приема-передачи объекта долевого строительства от 15 января 2014 года недействительным в части указания площади переданной квартиры». В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

В силу п. 1 ст. 453 ГК РФ при изменении договора обязательства сторон сохраняются в измененном виде.

В случае изменения или расторжения договора обязательства считаются измененными или прекращенными с момента заключения соглашения сторон об изменении или о расторжении договора, если иное не вытекает из соглашения или характера изменения договора, а при изменении или расторжении договора в судебном порядке – с момента вступления в законную силу решения суда об изменении или о расторжении договора (п. 3 ст. 453 ГК РФ).

Следовательно, по общему правилу, изменение договора влечет изменение соответствующих обязательств сторон лишь на будущее время и не освобождает стороны от ответственности за нарушение обязательств, возникших до такого изменения.

Согласно ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ) в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пени) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная этой частью неустойка (пеня) уплачивается застройщиком в двойном размере.

В соответствии с ч. 3 ст. 6 названного выше закона в случае, если строительство (создание) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости не может быть завершено в предусмотренный договором срок, застройщик не позднее чем за два месяца до истечения указанного срока обязан направить участнику долевого строительства соответствующую информацию и предложение об изменении договора. Изменение предусмотренного договором срока передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику долевого строительства

осуществляется в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации.

По смыслу приведенной нормы закона, согласие на изменение договора в части переноса срока передачи объекта для участника долевого строительства является правом, а не обязанностью.

Как установлено судом, по условиям договора долевого участия в строительстве от 12 октября 2012 г., заключенного М. и обществом, завершение строительства многоквартирного дома планировалось в четвертом квартале 2012 года, а объект долевого строительства подлежал передаче истцу не позднее 1 марта 2013 г.

Поскольку к 1 марта 2013 г. объект долевого строительства не был передан истцу, то с указанной даты подлежала начислению и выплате неустойка.

Уведомление истца о нарушении срока строительства с предложением изменить договор произведено ответчиком с нарушением установленного законом срока – уже после нарушения сроков окончания строительства.

Дополнительное соглашение, которым изменен срок передачи истцу объекта долевого строительства, было заключено М. и обществом 1 июня 2013 г., то есть после истечения предусмотренного договором долевого участия в строительстве срока создания и передачи квартиры, с которым закон связывает начало начисления неустойки.

При этом указанное дополнительное соглашение не содержит условий об освобождении общества от исполнения возникшего до его заключения обязательства по уплате М. неустойки.

При таких обстоятельствах основания для освобождения общества от обязательства по уплате неустойки за нарушение срока передачи объекта долевого строительства истцу за период с 1 марта до 1 июня 2013 г. отсутствовали.

В соответствии с п. 4 ст. 12 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

Согласно разъяснению, содержащемуся в абзаце первом п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее

исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере) (п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 5 ст. 231, п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, ст. 1098 ГК РФ).

Следовательно, освобождение застройщика от ответственности за неисполнение обязательств перед участником долевого строительства по основаниям, предусмотренным законом, допускается судом только в том случае, если наличие таких оснований доказано застройщиком.

В силу ч. 6 ст. 8 Закона № 214-ФЗ, если иное не установлено договором, при уклонении участника долевого строительства от принятия объекта долевого строительства в установленный срок или при отказе участника долевого строительства от принятия объекта долевого строительства (за исключением случая, когда составлен акт, в котором указывается несоответствие объекта долевого строительства установленным требованиям) застройщик по истечении двух месяцев со дня, предусмотренного договором для передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства, вправе составить односторонний акт или иной документ о передаче объекта долевого строительства (за исключением случая досрочной передачи объекта долевого строительства). Указанные меры могут применяться только в случае, если застройщик обладает сведениями о получении участником долевого строительства сообщения о завершении строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости в соответствии с договором и о готовности объекта долевого строительства к передаче либо оператором почтовой связи заказное письмо возвращено с сообщением об отказе участника долевого строительства от его получения или в связи с отсутствием участника долевого строительства по указанному им почтовому адресу.

По смыслу приведенной нормы, право застройщика составить односторонний акт о передаче объекта долевого строительства возникает в случае неправомерного отказа или уклонения участника долевого строительства от принятия объекта.

Между тем вопрос о том, имело ли место неправомерное уклонение истца от подписания передаточного акта, не был поставлен на обсуждение судом апелляционной инстанции.

Судом апелляционной инстанции не учтено, что предложение осмотреть и принять квартиру поступило истцу от ответчика 17 августа 2013 г. В этот же день объект долевого строительства был осмотрен истцом, о чем был составлен акт осмотра, содержащий указания на недостатки квартиры, в частности на наличие технического отверстия в потолке, на отсутствие горячей воды и счетчиков на воду и т.д.

Сведения об устранении ответчиком указанных недостатков, а также о том, что после такого устранения ответчик предложил истцу принять

приведенный в надлежащее состояние объект долевого участия в строительстве, в материалах дела отсутствуют.

Кроме того, принятие квартиры застройщиком неправомерно было обусловлено подписанием акта, в котором указана площадь квартиры, превышающая фактическую, а также уплатой денежной суммы за не существующее в действительности превышение проектной площади.

Факт завышения ответчиком площади квартиры в одностороннем акте судом апелляционной инстанции установлен.

Согласно п. 1 ст. 10 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора. По отдельным видам товаров (работ, услуг) перечень и способы доведения информации до потребителя устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Таким образом, обязанность обеспечить достоверное указание площади объекта долевого строительства возложена на застройщика.

Оценивая поведение истца как недобросовестное, суд апелляционной инстанции не учел, что отказ принять квартиру и подписать акт приема-передачи был вызван нарушениями и недобросовестным поведением со стороны ответчика, в частности недостатками, обнаруженными при осмотре квартиры, завышением в документах площади построенной квартиры, неправомерными требованиями об оплате несуществующей площади.

Кроме того, апелляционное определение содержит противоречивые выводы. Так, в резолютивной части определения содержится указание об отмене решения суда в части, в том числе в части отмены одностороннего акта приема-передачи объекта долевого строительства.

Далее говорится о принятии нового решения в этой части – об отказе в иске, затем – об изложении абзаца третьего резолютивной части решения – об отмене одностороннего акта приема-передачи – в иной редакции, то есть фактически об изменении решения в той части, в которой постановлено его отменить.

Определение № 4-КГ16-37

Разрешение споров, возникающих в связи с отнесением имущества к общему имуществу супругов

10. На имущество, приобретенное в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, режим общей совместной собственности супругов не распространяется.

У. обратился в суд с иском к П. о разделе совместно нажитого имущества, ссылаясь на то, что состоял в браке с П. В период брака по

договору купли-продажи супругами в совместную собственность приобретена квартира. Поскольку брачный договор между сторонами не заключался, соглашение о разделе совместно нажитого имущества не достигнуто, У. просил произвести раздел квартиры между ним и П. и признать за ним право собственности на 1/2 доли в праве общей долевой собственности на спорную квартиру.

Ответчик П. искивые требования не признала, просила признать за истцом право собственности на 1/15 доли в праве общей долевой собственности на спорную квартиру, а за ней – право собственности на 14/15 доли, учитывая приобретение квартиры на личные средства ответчика в сумме 1 750 000 руб.

Судом установлено, что с 23 декабря 2010 г. У. состоял с П. в браке.

В период брака на основании договора купли-продажи от 11 февраля 2011 г. супругами приобретена квартира, право совместной собственности на которую зарегистрировано за ними 10 марта 2011 г.

Цена приобретенной квартиры составила 1 995 000 руб.

Как было установлено в ходе рассмотрения дела и сторонами не оспаривалось, часть денежных средств в размере 1 750 000 руб., потраченных на приобретение указанной квартиры, была получена П. в дар от П.Л. (матери П.) по договору дарения от 11 февраля 2011 г.

Данная сумма выручена матерью П. от продажи принадлежавшей ей на праве собственности квартиры.

Все названные выше сделки были совершены в один день – 11 февраля 2011 г.

Брак между У. и П. расторгнут 9 октября 2014 г.

Раздел имущества супругов после расторжения брака между сторонами не производился.

Разрешая спор и удовлетворяя искивые требования о разделе спорной квартиры между супругами в равных долях, суд первой инстанции исходил из того, что между сторонами было достигнуто соглашение о приобретении квартиры в общую совместную собственность и поскольку полученные в дар денежные средства были внесены П. по ее усмотрению на общие нужды супругов – покупку квартиры, то на данное имущество распространяется режим совместной собственности супругов.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судов сделаны с нарушением норм материального права.

В соответствии со ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов

интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

В соответствии с п. 1 ст. 36 СК РФ имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью.

Как установлено судом, источником приобретения спорной квартиры являлись средства, полученные П. по безвозмездной сделке, а также частично совместно нажитые средства супругов.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абзаце четвертом п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», не является общим совместным имуществом, приобретенным хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак, полученное в дар или в порядке наследования, а также вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и других предметов роскоши.

Из приведенных выше положений следует, что юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об отнесении имущества к общей собственности супругов является то, на какие средства (личные или общие) и по каким сделкам (возмездным или безвозмездным) приобреталось имущество одним из супругов во время брака. Имущество, приобретенное одним из супругов в браке по безвозмездным гражданско-правовым сделкам (например, в порядке наследования, дарения, приватизации), не является общим имуществом супругов. Приобретение имущества в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, также исключает такое имущество из режима общей совместной собственности.

Вместе с тем судом такое юридически значимое обстоятельство, как использование для приобретения спорной квартиры средств, принадлежавших лично П., ошибочно было оставлено без внимания.

Делая вывод о том, что спорная квартира относится к совместно нажитому имуществу супругов, суд исходил из отсутствия в договоре о ее покупке условий о распределении долей в квартире.

При этом суд не учел, что полученные П. в дар денежные средства в размере 1 750 000 руб. и потраченные на покупку квартиры являлись личной собственностью П., поскольку совместно в период брака с истцом не приобретались и не являлись общим доходом супругов.

Внесение этих средств для покупки квартиры не меняет их природы личного имущества П.

Таким образом, доли сторон в праве собственности на квартиру подлежали определению пропорционально вложенным личным денежным средствам ответчика и совместным средствам сторон.

Это судебными инстанциями учтено не было и повлекло за собой вынесение незаконных судебных постановлений.

Определение № 45-КГ16-16

Разрешение споров, связанных с жилищными отношениями

11. На реконструкцию помещения, влекущую уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме, в том числе и земельного участка, на котором расположен этот дом, требуется согласие всех собственников помещений многоквартирного дома.

А. обратилась в суд с иском к В. и местной администрации о признании постановления администрации и разрешения на строительство недействительными, прекращении строительства, приведении земельного участка в состояние, предшествующее началу выполнения работ.

В обоснование заявленных требований А. ссылалась на то, что она является собственником жилого помещения в многоквартирном доме. Ответчик В. перевел принадлежащую ему на праве собственности квартиру, расположенную в том же многоквартирном доме, что и квартира истца, в нежилое помещение. Местная администрация (ответчик) выдала В. разрешение на реконструкцию указанного нежилого помещения со строительством пристройки под парикмахерскую. Истцом согласия на проведение такой реконструкции и строительство пристройки не давалось.

Судом установлено, что 26 ноября 2003 г. спорный земельный участок под многоквартирным домом поставлен на государственный кадастровый учет.

27 октября 2009 г. в ЕГРП зарегистрировано право собственности В. на квартиру, расположенную в указанном доме.

Постановлением местной администрации от 1 июня 2010 г. ответчику предоставлено разрешение на условно разрешенный вид использования (пристроенные к жилым многоквартирным домам объекты

общественного питания, торговли, обслуживания населения общей площадью до 1000 кв. м) земельного участка площадью 4408 кв. м, расположенного по тому же адресу.

5 декабря 2011 г. в ЕГРП зарегистрировано право собственности А. на квартиру, расположенную в указанном многоквартирном доме.

Согласно протоколу от 25 ноября 2013 г. внеочередного общего собрания собственников помещений многоквартирного дома 74,6% из них дали согласие на реконструкцию принадлежащей В. квартиры под парикмахерскую со строительством пристройки и входного узла.

Постановлением местной администрации от 29 августа 2014 г. помещения принадлежащей ответчику квартиры переведены в нежилые помещения с целью реконструкции в парикмахерскую с последующей выдачей ему разрешений на такую реконструкцию и на строительство пристройки.

Решением районного суда иски удовлетворены частично. Разрешение на строительство, выданное В. местной администрацией, признано недействительным, на В. возложена обязанность в течение трех месяцев со дня вступления решения суда в законную силу снести пристройку и восстановить (рекультивировать) территорию, на которой осуществлялось строительство.

Частично удовлетворяя иски, суд первой инстанции исходил из того, что возводимая ответчиком пристройка к принадлежащему ему нежилому помещению занимает часть земельного участка, являющегося общим имуществом собственников помещений многоквартирного дома, а проектом реконструкции также предусматривается вырез подоконной части наружной стены до отметки пола, что свидетельствует об уменьшении общего имущества собственников помещений многоквартирного дома и требует получения согласия каждого из них. Между тем такое согласие В. получено не было.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции сослался на то, что разрешения на проведение реконструкции принадлежащего В. нежилого помещения были получены им в установленном законом порядке. Суд также указал, что реконструкция данного помещения не требует присоединения к нему части общего имущества в многоквартирном доме, а занятие части придомовой территории является использованием земельного участка, находящегося в общей долевой собственности, в связи с чем для такого использования необходимо принятие решения общим собранием собственников помещений многоквартирного дома большинством не менее 2/3 голосов. Такое согласие В. было получено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в том числе земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства, иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома и расположенные на указанном земельном участке объекты. Границы и размер земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, определяются в соответствии с требованиями земельного законодательства и законодательства о градостроительной деятельности.

В соответствии с ч. 5 ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее – Вводный закон) с момента формирования земельного участка и проведения его государственного кадастрового учета земельный участок, на котором расположены многоквартирный дом и иные входящие в состав такого дома объекты недвижимого имущества, переходит бесплатно в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 66 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», если земельный участок под многоквартирным домом был сформирован до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации и в отношении его проведен государственный кадастровый учет, право общей долевой собственности на него у собственников помещений в многоквартирном доме считается возникшим в силу закона с момента введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации (ч. 2 ст. 16 Вводного закона). В силу чч. 2 и 5 ст. 16 Вводного закона земельный участок под многоквартирным домом переходит в общую долевую собственность собственников помещений в таком доме бесплатно. Каких-либо актов органов власти о возникновении права общей долевой собственности у собственников помещений в многоквартирном доме не требуется.

Как установлено судом, возводимая ответчиком пристройка к принадлежащему ему нежилому помещению занимает часть земельного участка под многоквартирным домом, который был сформирован и в отношении которого был произведен кадастровый учет в 2003 году, то есть до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации, а потому указанный земельный участок находится в общей долевой собственности собственников помещений данного дома.

Таким образом, осуществляемая В. реконструкция влечет фактическое уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме, а именно земельного участка, на котором расположен этот дом.

Согласно ч. 3 ст. 36 ЖК РФ уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме возможно только с согласия всех собственников помещений в данном доме путем его реконструкции.

Если реконструкция, переустройство и (или) перепланировка помещений невозможны без присоединения к ним части общего имущества в многоквартирном доме, на такие реконструкцию, переустройство и (или) перепланировку помещений должно быть получено согласие всех собственников помещений в многоквартирном доме (ч. 2 ст. 40 ЖК РФ).

Приведенные правовые нормы свидетельствуют о том, что согласие всех собственников помещений многоквартирного дома требуется на осуществление любой реконструкции, фактически влекущей уменьшение размера общего имущества многоквартирного дома.

При таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о том, что производимая В. реконструкция нежилого помещения не требует получения согласия всех жильцов многоквартирного дома, признан Судебной коллегией основанным на неверном применении норм материального права.

Определение № 83-КГ16-10

12. Приобретение нанимателем служебного жилого помещения или членами его семьи другого жилого помещения в собственность не является основанием для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения.

Администрация муниципального района обратилась в суд с иском к Р.А., Р.О., Р.Д. и Р.Ю. о расторжении договора найма служебного жилого помещения, выселении из служебного жилого помещения без предоставления другого жилого помещения, снятии с регистрационного учета.

В обоснование своих требований истец указал, что на основании договора найма жилого помещения от 1 февраля 2008 г. администрацией муниципального района Р.А. было предоставлено служебное жилое помещение, находящееся в муниципальной собственности. Данное жилое помещение предоставлено на период трудовых отношений Р.А. с муниципальным учреждением здравоохранения.

14 мая 2013 г. семье Р. была предоставлена социальная выплата на приобретение жилого помещения в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на

2011–2015 годы. С использованием ипотечного кредита семья Р. приобрела в долевую собственность двухкомнатную квартиру.

В связи с приобретением в собственность другого жилья в адрес ответчиков истцом 3 марта 2015 г. было направлено требование об освобождении служебного жилого помещения в течение 14 календарных дней с момента получения уведомления, но семья Р. отказалась добровольно освободить служебное жилое помещение и продолжает в нем проживать до настоящего времени.

По мнению истца, поскольку спорное жилое помещение включено в число служебных, а ответчики приобрели в собственность другое жилое помещение, то законных оснований для сохранения за ними права пользования служебным жилым помещением не имеется и они подлежат выселению из него.

Ответчики иск не признали, сославшись на то, что до настоящего времени Р.А. состоит в трудовых отношениях с муниципальным учреждением здравоохранения и оснований для расторжения договора найма служебного жилого помещения с ним не имеется. Приобретение в собственность другого жилого помещения в другом населенном пункте таким основанием, по мнению ответчиков, не является.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что спорное жилое помещение имеет статус служебного, было предоставлено Р.А. на период трудовых отношений с муниципальным учреждением здравоохранения, с которым Р.А. состоит в трудовых отношениях по настоящее время, в связи с чем правовых оснований для расторжения с ним договора найма служебного жилого помещения не имеется.

При этом суд указал на то, что действующее жилищное законодательство не содержит такого основания для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения, как приобретение нанимателем или членами его семьи другого жилого помещения в собственность.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда было отменено и вынесено новое решение о выселении ответчиков Р.А., Р.О. и их несовершеннолетних детей Р.Ю. и Р.Д. из специализированного (служебного) жилого помещения без предоставления другого жилого помещения.

Отменяя решение суда первой инстанции, судебная коллегия исходила из того, что приобретение в собственность иного жилого помещения является безусловным основанием для расторжения договора найма служебного жилого помещения в связи с утратой нуждаемости работника в жилом помещении.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Право на жилище относится к основным правам и свободам человека и гражданина и гарантируется ст. 40 Конституции Российской Федерации. При этом никто не может быть произвольно лишен жилища.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В связи с этим основания и порядок выселения граждан из жилого помещения должны определяться федеральным законом и только на их основании суд может лишить гражданина права на жилище.

Расторжение договора найма специализированного жилого помещения по инициативе наймодателя регламентирует ст. 101 ЖК РФ, в силу которой договор найма специализированного жилого помещения может быть расторгнут в судебном порядке по требованию наймодателя при неисполнении нанимателем и проживающими совместно с ним членами его семьи обязательств по договору найма специализированного жилого помещения, а также в иных предусмотренных ст. 83 ЖК РФ случаях.

Прекращение договора найма специализированного жилого помещения предусмотрено ст. 102 ЖК РФ, согласно которой названный договор прекращается в связи с утратой (разрушением) жилого помещения, переходом права собственности на жилое помещение в общежитии либо его передачей в хозяйственное ведение или оперативное управление другому юридическому лицу за исключением случаев, установленных указанной статьей.

Последствиями расторжения и прекращения договора найма жилого помещения, в том числе специализированного, могут являться утрата нанимателем и всеми членами его семьи одновременно права пользования жилым помещением и возможность их выселения из жилого помещения.

В связи с этим ст. 103 ЖК РФ предусмотрено, что в случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые они занимали по данным договорам.

В случае отказа освободить такие жилые помещения указанные граждане подлежат выселению в судебном порядке без предоставления других жилых помещений за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 указанной статьи.

Между тем ни ст. 101 и 102 ЖК РФ, ни ч. 4 ст. 83 ЖК РФ не содержат такого основания для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения, как приобретение нанимателем или членами его семьи другого жилого помещения в собственность.

Ссылка суда апелляционной инстанции на иные положения ст. 83 ЖК РФ также является неправильной.

Положениями чч. 2 и 3 ст. 83 ЖК РФ, которые подлежат применению и к отношениям по пользованию специализированным жилым помещением, установлено право нанимателя и членов его семьи на одностороннее расторжение договора социального найма, то есть на односторонний отказ от исполнения договора.

В случае выезда кого-либо из участников договора социального найма жилого помещения в другое место жительства и тем самым отказа в одностороннем порядке от исполнения названного договора этот договор в отношении его считается расторгнутым со дня выезда.

В связи с этим юридически значимыми и подлежащими доказыванию при разрешении данного спора должны были являться факты добровольного и фактического выбытия ответчиков из служебного жилого помещения в другое место жительства, отказ от прав и обязанностей в отношении указанного помещения.

Однако таких обстоятельств судом по данному делу установлено не было, а из материалов дела следует, что семья Р. на момент вынесения обжалуемого апелляционного определения продолжала проживать в указанном служебном жилом помещении и оплачивать коммунальные и иные обязательные платежи, связанные с проживанием в нем.

Факт приобретения Р. в собственность иного жилого помещения в другом населенном пункте сам по себе не может свидетельствовать ни о выбытии ответчиков из ранее занимаемого жилого помещения, ни об их отказе от прав на это жилое помещение. Приобретение другого жилого помещения в собственность нанимателем по договору найма специализированного жилого помещения не имеет абсолютного значения и должно оцениваться судом с учетом других доказательств, свидетельствующих о намерении лица выехать в другое место жительства.

Запрет на предоставление специализированного жилого помещения гражданам, которые обеспечены жилым помещением в соответствующем населенном пункте (ч. 2 ст. 99 ЖК РФ), не означает запрета на пользование таким жилым помещением, если впоследствии у нанимателя или членов его семьи, которым оно было предоставлено, окажется в собственности другое жилое помещение по основаниям, допускаемым законом.

С учетом изложенного оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось.

Определение № 3-КГ16-2

13. Действие договора найма служебного жилого помещения не прекращается автоматически в момент увольнения работника.

В силу этого оснований для применения к отношениям по выселению из занимаемого служебного жилого помещения срока

исковой давности, исчисляемого с даты увольнения работника, не имеется.

Прокурор обратился в суд с заявлением в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц к Ш.В., Ш.Л., Ш.Д. о выселении из служебного жилого помещения. В обоснование иска прокурор указал, что 7 июня 2010 г. с Ш.В. на период его работы в квартирно-эксплуатационной части Минобороны России (далее – КЭЧ) заключен договор найма служебного жилого помещения. Квартира предоставлена на состав семьи из трех человек, включая Ш.В., его жену и дочь. 25 октября 2010 г. Ш.В. уволен из КЭЧ по собственному желанию, однако предоставленное служебное жилое помещение Ш.В. и члены его семьи не освободили.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований прокурора, суд первой инстанции по заявлению ответчика применил к спорным правоотношениям срок исковой давности. При этом суд исходил из того, что трехлетний срок исковой давности для предъявления требований о выселении ответчиков из служебного жилого помещения исчисляется со дня увольнения Ш.В. – 25 октября 2010 г. – и на момент обращения прокурора в суд с заявлением является пропущенным.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, указала на ошибочность выводов судов.

Как установлено судом, на момент рассмотрения дела в суде спорная двухкомнатная квартира, закрепленная за Министерством обороны Российской Федерации, находилась на балансе ФГКУ «Дальневосточное территориальное управление имущественных отношений». До 2011 года указанное жилое помещение находилось на балансе КЭЧ.

С 20 ноября 2007 г. по 25 октября 2010 г. Ш.В. состоял в трудовых отношениях с КЭЧ.

7 июня 2010 г. между КЭЧ и Ш.В. на период его работы в КЭЧ заключен договор найма служебного жилого помещения. Данное жилое помещение предоставлено на состав семьи из трех человек.

Приказом начальника КЭЧ от 25 октября 2010 г. Ш.В. уволен из КЭЧ по собственному желанию.

Как следует из поквартирной карточки и выписки из финансово-лицевого счета, ответчики проживают в спорном служебном жилом помещении.

Заявление прокурором подано в суд в мае 2015 года.

В соответствии со ст. 195 ГК РФ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Общий срок исковой давности в соответствии с п. 1 ст. 196 ГК РФ составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 названного кодекса.

Если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

Применяя по заявлению ответчика исковую давность, суд исходил из того, что права собственника жилого помещения являются нарушенными со дня прекращения трудовых отношений Ш.В. с КЭЧ, поскольку с указанного момента договор найма служебного жилья считается прекращенным, а у наймодателя возникает право требовать выселения ответчика и членов его семьи из незаконно занимаемой квартиры.

Между тем данный вывод суда не основан на законе.

В соответствии с ч. 3 ст. 104 ЖК РФ договор найма служебного жилого помещения заключается на период трудовых отношений, прохождения службы либо нахождения на государственной должности Российской Федерации, государственной должности субъекта Российской Федерации или на выборной должности. Прекращение трудовых отношений либо пребывания на государственной должности Российской Федерации, государственной должности субъекта Российской Федерации или на выборной должности, а также увольнение со службы является основанием прекращения договора найма служебного жилого помещения.

Согласно ч. 1 ст. 103 ЖК РФ в случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые они занимали по данным договорам. В случае отказа освободить такие жилые помещения указанные граждане подлежат выселению в судебном порядке без предоставления других жилых помещений, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 102 и ч. 2 ст. 103 данного кодекса.

По смыслу приведенных выше норм права, прекращение трудовых отношений с работодателем, предоставившим жилое помещение, служит лишь основанием для прекращения договора найма служебного жилого помещения, но не влечет за собой автоматическое прекращение договора в момент увольнения сотрудника. Договор найма служебного жилого помещения сохраняет свое действие вплоть до его добровольного освобождения нанимателем, при отказе от которого гражданин подлежит выселению в судебном порядке с прекращением прав и обязанностей в отношении занимаемого жилья.

С учетом того, что возникшие между сторонами правоотношения, регулируемые нормами жилищного законодательства, носят длящийся характер, а договор найма служебного жилого помещения, на основании которого Ш.В. совместно с членами семьи продолжает занимать жилое помещение, не прекратил своего действия, оснований для исчисления

срока исковой давности с даты увольнения Ш.В. из КЭЧ, а равно и применения исковой давности в рассматриваемом споре у суда не имелось.

Поскольку в связи с принятием решения об отказе в удовлетворении заявления прокурора исключительно по мотиву пропуска срока исковой давности фактические обстоятельства дела судом первой инстанции не исследовались и не устанавливались, Судебная коллегия направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 56-КГ16-8

14. Вынужденный выезд в несовершеннолетнем возрасте из жилого помещения, в которое данное лицо было вселено по договору социального найма, не является основанием признания такого лица утратившим право пользования данным жилым помещением по достижении им совершеннолетнего возраста.

Б. обратился в суд с иском к С.И. о признании утратившей право пользования жилым помещением со снятием с регистрационного учета.

В обоснование иска Б. указал, что в 2011 году после смерти его дяди С.Б., являвшегося нанимателем спорного жилого помещения, к истцу перешли права и обязанности нанимателя жилого помещения по договору социального найма. Кроме истца в жилом доме с 2000 года по месту жительства зарегистрирована С.И., 1996 года рождения, которая не является членом семьи истца. С.И. является дочерью С.Б. и была вселена в спорный жилой дом по месту жительства ее родителей. В 2003 году мать С.И. добровольно выехала из жилого помещения в другое место жительства, забрав с собой несовершеннолетнюю дочь, и с указанного времени не участвовала в расходах на содержание жилого помещения и оплату коммунальных услуг. По мнению истца, С.И. утратила право пользования спорным жилым помещением, ее регистрация носит формальный характер.

С.И. обратилась в суд со встречным иском к Б. о вселении в указанное жилое помещение, об устранении препятствий и определении порядка пользования жилым помещением, ссылаясь на то, что ее отсутствие в жилом помещении носит вынужденный характер в связи с конфликтными отношениями с Б. и созданием с его стороны препятствий в пользовании жилым помещением. Намерений отказаться от права пользования жилым помещением С.И. не имеет, после достижения совершеннолетия предпринимала попытки вселиться в жилой дом, оплачивает коммунальные услуги.

Решением суда в удовлетворении иска Б. отказано, встречный иск С.И. удовлетворен частично, на Б. возложена обязанность не чинить С.И. препятствий в пользовании спорным жилым помещением, в удовлетворении остальной части встречного иска отказано.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из того, что С.И. приобрела равное с нанимателем право пользования спорным жилым помещением, которое было определено ей в качестве места жительства соглашением родителей. Суд указал, что выезд С.И. из жилого помещения не может быть признан добровольным, так как в силу возраста она была лишена возможности самостоятельно реализовать свое право на проживание в нем, а после достижения ответчиком совершеннолетия жилой дом находился в состоянии, непригодном для проживания, отсутствовал доступ в жилое помещение, что свидетельствует о временном и вынужденном отсутствии ответчика в жилом доме.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об удовлетворении исковых требований Б. и об отказе в удовлетворении встречного иска С.И., суд апелляционной инстанции исходил из того, что местом жительства С.И. являлось место жительства ее матери, выехавшей вместе с несовершеннолетней дочерью из спорного жилого помещения, непроживание ответчика в жилом помещении носит постоянный характер, С.И. добровольно отказалась от своих прав и обязанностей по договору социального найма.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Как установлено судом, между муниципальным образованием (наймодатель) и С.Б. (наниматель) 1 февраля 2011 г. заключен договор социального найма жилого помещения общей площадью 37,5 кв. м.

Согласно договору совместно с нанимателем в качестве членов его семьи в жилое помещение вселены его дочь С.И. и племянник Б.

С.Б. был зарегистрирован по месту жительства в спорном жилом доме с 8 сентября 1994 г.

Регистрация несовершеннолетней С.И. в указанном жилом помещении была произведена 24 января 2000 г. по месту жительства ее родителей – С.Б. и С.Н.

Вступившим в законную силу решением районного суда от 26 июля 2010 г. С.Н. признана утратившей право пользования спорным жилым помещением в связи с выездом в другое место жительства.

Решением районного суда от 13 декабря 2010 г., вступившим в законную силу, С.Б. отказано в удовлетворении требований о признании несовершеннолетней С.И. утратившей право пользования спорным жилым домом. В рамках данного дела суд установил, что выезд С.И. из жилого помещения носил вынужденный характер.

После смерти С.Б. (6 мая 2011 г.) права и обязанности нанимателя жилого помещения по договору социального найма перешли к Б.

На момент рассмотрения дела в суде в жилом помещении зарегистрированы по месту жительства с 24 января 2000 г. С.И., с 22 марта 2011 г. – Б., которые указаны в качестве членов семьи нанимателя в

заключенном 1 февраля 2011 г. договоре социального найма жилого помещения, при этом С.И. в доме не проживает.

Согласно ч. 3 ст. 83 ЖК РФ в случае выезда нанимателя и членов его семьи в другое место жительства договор социального найма жилого помещения считается расторгнутым со дня выезда.

Временное отсутствие нанимателя жилого помещения по договору социального найма, кого-либо из проживающих совместно с ним членов его семьи или всех этих граждан не влечет за собой изменение их прав и обязанностей по договору социального найма (ст. 71 ЖК РФ).

Указанные положения закона подлежат применению с учетом разъяснений, содержащихся в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», согласно которым, разрешая споры о признании нанимателя, члена семьи нанимателя или бывшего члена семьи нанимателя жилого помещения утратившими право пользования жилым помещением по договору социального найма вследствие их постоянного отсутствия в жилом помещении по причине выезда из него, судам надлежит выяснять: по какой причине и как долго ответчик отсутствует в жилом помещении, носит ли его выезд из жилого помещения вынужденный характер (конфликтные отношения в семье, расторжение брака) или добровольный, временный (работа, обучение, лечение и т.п.) или постоянный (вывез свои вещи, переехал в другой населенный пункт, вступил в новый брак и проживает с новой семьей в другом жилом помещении и т.п.), не чинились ли ему препятствия в пользовании жилым помещением со стороны других лиц, проживающих в нем, приобрел ли ответчик право пользования другим жилым помещением в новом месте жительства, исполняет ли он обязанности по договору по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и др.

При установлении судом обстоятельств, свидетельствующих о добровольном выезде ответчика из жилого помещения в другое место жительства и об отсутствии препятствий в пользовании жилым помещением, а также о его отказе в одностороннем порядке от прав и обязанностей по договору социального найма, иск о признании его утратившим право на жилое помещение подлежит удовлетворению на основании ч. 3 ст. 83 ЖК РФ в связи с расторжением ответчиком в отношении себя договора социального найма.

Между тем приведенных обстоятельств, свидетельствующих об отказе ответчика в одностороннем порядке от прав и обязанностей по договору социального найма, судом первой инстанции установлено не было.

В силу п. 2 ст. 20 ГК РФ местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, или граждан, находящихся под опекой,

признается место жительства их законных представителей – родителей, усыновителей или опекунов.

В соответствии с положениями ст. 69 ЖК РФ члены семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма имеют равные с нанимателем права и обязанности (ч. 2). Члены семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма должны быть указаны в договоре социального найма жилого помещения (ч. 3).

По смыслу указанных норм права, несовершеннолетние дети приобретают право на жилую площадь, определяемую им в качестве места жительства соглашением родителей, форма которого законом не установлена. Заключение такого соглашения, одним из доказательств которого является регистрация ребенка в жилом помещении, выступает предпосылкой приобретения ребенком права пользования конкретным жилым помещением, возникающего независимо от факта вселения ребенка в такое жилое помещение, в силу того, что несовершеннолетние дети не имеют возможности самостоятельно реализовать право на вселение.

Как установлено судом первой инстанции, С.И. в несовершеннолетнем возрасте была зарегистрирована в жилом доме по месту жительства своим отцом, вместе с родителями была вселена в него в 2000 году, проживала в нем, в 2003 году совместно с матерью выехала из дома в период, когда С.И. была несовершеннолетней и не имела возможности самостоятельно осуществлять свои права по пользованию жилым помещением.

Само по себе проживание С.И. совместно с матерью в жилом помещении, не являющемся местом жительства, которое было определено ребенку соглашением родителей, не может служить основанием для признания С.И. утратившей право пользования спорным жилым помещением.

Судом первой инстанции установлено и не опровергнуто судом апелляционной инстанции то, что от права пользования жилым помещением после наступления совершеннолетия С.И. не отказывалась, несла расходы по содержанию жилого помещения и оплате коммунальных услуг, а также то, что имелись препятствия в пользовании жилым помещением.

Однако данные обстоятельства, исходя из подлежащих применению к отношениям сторон приведенных выше норм материального права, не получили должной правовой оценки суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что суд первой инстанции правильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, и дал толкование норм материального права, подлежащих применению к отношениям сторон, на основании чего, учитывая наличие в материалах дела сведений о конфликтных отношениях между истцом и ответчиком, чинении ответчику препятствий в пользовании жилым помещением,

невозможности пользоваться им, несении С.И. расходов по содержанию жилого помещения и оплате коммунальных услуг, пришел к правомерному выводу о временном и вынужденном характере ее отсутствия в жилом помещении.

При таких обстоятельствах оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось.

Определение № 74-КГ16-30

***Разрешение споров, связанных с трудовыми
и пенсионными отношениями***

15. Работнику, увольняемому из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, средний месячный заработок в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения сохраняется при наличии совокупности условий: факта обращения такого работника в месячный срок после увольнения в соответствующий орган службы занятости населения, нетрудоустройства этого работника указанным органом в течение трех месяцев со дня увольнения и наличия исключительного случая, касающегося уволенного работника и связанного с его социальной незащищенностью, отсутствием у него средств к существованию, наличием у него на иждивении нетрудоспособных членов семьи и тому подобного.

Общество обратилось в суд с заявлением к органу государственной службы занятости населения (далее – центр занятости населения) о признании незаконными и подлежащими отмене решений о сохранении за Н. среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня его увольнения.

В обоснование заявленных требований общество указало, что Н. состоял в трудовых отношениях с данным обществом, работал в должности авиатехника на станции техобслуживания, расположенной в районе Крайнего Севера (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра).

Приказом работодателя от 13 января 2015 г. Н. уволен с работы 18 января 2015 г. по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (расторжение трудового договора по инициативе работодателя в случае сокращения численности или штата работников организации). В связи с увольнением работодателем Н. выплачены все причитающиеся при расчете суммы, включая выходное пособие и выплату среднего месячного заработка в течение трех месяцев со дня увольнения.

Решениями центра занятости населения от 18 мая 2015 г., от 19 июня 2015 г. и от 20 июля 2015 г. за Н. признано право на сохранение средней заработной платы в течение соответственно четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения.

Указанные решения общество считает незаконными, поскольку центром занятости населения в нарушение требований Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-І «О занятости населения в Российской Федерации» не был применен весь комплекс предусмотренных законом мер по содействию занятости Н., направлений на работу ему не выдавалось. Кроме того, центр занятости населения при решении вопроса о сохранении за уволенным работником среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения не установил обстоятельств, которые в данном конкретном случае могли бы быть признаны исключительными по смыслу положений ч. 2 ст. 318 ТК РФ и являлись бы основанием для принятия органом службы занятости населения оспариваемых решений.

Представитель органа государственной службы занятости населения и третье лицо Н. в суде заявленные требования не признали.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных обществом требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Судом по делу установлено, что Н. работал в обществе авиатехником на станции техобслуживания, расположенной в поселке, который отнесен к районам Крайнего Севера.

Приказом общества (работодателя) от 13 января 2015 г. Н. уволен с работы 18 января 2015 г. по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (сокращение численности или штата работников организации).

4 февраля 2015 г. Н. обратился в центр занятости населения с заявлениями о содействии в поиске подходящей работы и о предоставлении государственной услуги по информированию о положении на рынке труда.

В течение шести месяцев Н. регулярно (дважды в месяц) обращался в центр занятости населения за сведениями о наличии вакансий, однако не был трудоустроен; соответствующих направлений на работу ему не выдавалось в связи с отсутствием вариантов подходящей для него работы.

18 мая, 19 июня и 20 июля 2015 г. Н. обращался в центр занятости населения с заявлениями о выдаче ему решений о сохранении средней заработной платы соответственно за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения.

18 мая, 19 июня и 20 июля 2015 г., в том числе по заявлениям Н., были проведены заседания комиссии центра занятости населения по рассмотрению оснований для выдачи (либо отказе в выдаче) решения о сохранении среднего заработка за работниками, уволенными из организации в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, оформленные протоколами, по результатам которых приняты решения от 18 мая 2015 г., от 19 июня 2015 г. и от 20 июля 2015 г. о сохранении за Н. средней заработной платы соответственно за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения.

В соответствии с информацией, предоставленной центром занятости населения 30 сентября 2015 г., Н. состоял на учете в центре занятости населения в качестве гражданина, ищущего работу, с 4 февраля по 21 августа 2015 г. С 21 августа 2015 г. Н. снят с учета по причине «длительная (более месяца) неявка в органы социальной защиты без уважительной причины».

Из материалов дела также следует, что Н. является получателем страховой пенсии по старости.

Особенности регулирования труда лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, установлены гл. 50 ТК РФ (ст. 313–327).

Согласно ч. 1 ст. 313 ТК РФ государственные гарантии и компенсации лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, устанавливаются данным кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Дополнительные гарантии и компенсации указанным лицам могут устанавливаться законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами исходя из финансовых возможностей соответствующих субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и работодателей (ч. 2 названной статьи).

Государственные гарантии работнику, увольняемому в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, определены ст. 318 ТК РФ.

Так, работнику, увольняемому из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации (п. 1 части первой ст. 81 ТК РФ) либо сокращением численности или штата работников организации (п. 2 части первой ст. 81 ТК РФ), выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше трех месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия) (ч. 1 ст. 318 ТК РФ).

В исключительных случаях средний месячный заработок сохраняется за указанным работником в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения по решению органа службы занятости населения при условии, если в месячный срок после увольнения работник обратился в этот орган и не был им трудоустроен (ч. 2 ст. 318 ТК РФ).

Выплата выходного пособия в размере среднего месячного заработка и сохраняемого среднего месячного заработка, предусмотренных частями первой и второй названной выше статьи, производится работодателем по прежнему месту работы за счет средств этого работодателя (ч. 3 ст. 318 ТК РФ).

Из приведенных норм закона следует, что в случае увольнения работника из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации ему безусловно выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка и за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше трех месяцев со дня увольнения.

Основанием для сохранения за указанным работником среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяца со дня увольнения является принятие органом службы занятости населения соответствующего решения, которое обусловлено наличием исключительного случая, касающегося увольнения работника.

Таким образом, сохранение среднего заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев после увольнения, как установлено ч. 2 ст. 318 ТК РФ, производится не в качестве общего правила, а в исключительных случаях.

По смыслу данной нормы закона, своевременное обращение уволенного работника в орган службы занятости населения и факт его нетрудоустройства этим органом являются предпосылкой для реализации права на сохранение за работником, уволенным из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации, среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения. Реализация же такого права связана с наличием исключительных случаев, подлежащих установлению соответствующим органом службы занятости населения при решении вопроса о сохранении за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый, шестой месяцы с момента увольнения.

Отсутствие в норме закона перечня исключительных случаев не может служить основанием для принятия органом службы занятости населения решения о сохранении за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый, шестой месяцы со дня увольнения при наличии лишь факта соблюдения таким работником и самим органом

службы занятости населения установленного порядка по предоставлению государственной услуги по содействию в поиске подходящей работы.

Ввиду изложенного к юридически значимым обстоятельствам, подлежащим установлению при разрешении споров, связанных с предоставлением работнику, уволенному в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации, государственной гарантии в виде сохранения среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения (ч. 2 ст. 318 ТК РФ), относятся: факт обращения такого работника в месячный срок после увольнения в соответствующий орган службы занятости населения, нетрудоустройство этого работника указанным органом в течение трех месяцев со дня увольнения и наличие исключительного случая, касающегося уволенного работника и связанного с его социальной незащищенностью, отсутствием у него средств к существованию, наличием у него на иждивении нетрудоспособных членов семьи и тому подобного.

Однако названные обстоятельства в связи с неправильным применением судами первой и апелляционной инстанций норм материального права не вошли в предмет доказывания, не были вынесены на обсуждение сторон спора и, соответственно, не получили правовой оценки.

Судебные инстанции вследствие ошибочного толкования положений ч. 2 ст. 318 ТК РФ пришли к неправильному выводу о том, что к исключительным случаям сохранения за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения относятся необходимые условия для реализации этого права – факт обращения работника в месячный срок со дня увольнения в орган службы занятости населения и факт нетрудоустройства такого работника указанным органом.

Судами первой и апелляционной инстанций были допущены также существенные нарушения норм процессуального права.

Из положений ст. 56, 195 ГПК РФ и разъяснений по их применению, содержащихся в пп. 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», а также в пп. 5 и 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», следует, что выводы суда об установленных им фактах должны быть основаны на доказательствах, исследованных в судебном заседании. При этом бремя доказывания юридически значимых обстоятельств между сторонами спора подлежит распределению судом на основании норм материального права, регулирующих спорные отношения, а также требований и возражений сторон.

Также в силу положений ст. 67, 71, 195–198 ГПК РФ суд обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе

ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, а выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости.

В противном случае нарушаются задачи и смысл судопроизводства, установленные ст. 2 названного кодекса.

Эти требования закона судами первой и апелляционной инстанций выполнены не были, обстоятельства, связанные с наличием исключительного случая при принятии органом службы занятости населения решения о сохранении за Н. среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения, судами не были определены в качестве юридически значимых и не устанавливались, бремя их доказывания между сторонами не распределялось.

Кроме того, как следует из материалов дела, на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры распоряжением Департамента труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 14 февраля 2014 г. № 17-р-39 в целях единообразного применения положений ст. 178, 318 ТК РФ, ч. 3² ст. 37 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» утверждены Методические рекомендации по порядку выдачи решения органом службы занятости населения о сохранении среднего месячного заработка за работниками, уволенными из организации в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации (далее – Методические рекомендации).

В п. 7 Методических рекомендаций предусмотрено, что при рассмотрении комиссией вопроса о выдаче решения о сохранении среднего месячного заработка дополнительно учитываются представленные гражданами документы, в том числе подтверждающие самостоятельный поиск работы (скриншоты отправленных резюме в организации, отметка о приеме резюме организацией, отметка об отказе работодателя от предлагаемой кандидатуры и т.д.), подтверждающие наличие исключительных обстоятельств, в связи с которыми они могли бы претендовать на сохранение среднего месячного заработка в период трудоустройства (отсутствие средств к существованию, тяжелая болезнь, требующая дорогостоящего лечения, наличие нетрудоспособных членов семьи, находящихся на полном содержании работника или получающих от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию, и т.п.).

Методические рекомендации, устанавливающие правила выдачи органом службы занятости населения решения о сохранении среднего месячного заработка за работниками, уволенными из организации в связи с

ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, а также гражданскими служащими, уволенными из государственного органа, расположенного в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с сокращением должности гражданской службы в государственном органе или упразднением государственного органа, по решению органа службы занятости населения (п. 2 Методических рекомендаций), в нарушение приведенных выше норм процессуального права и разъяснений по их применению при проверке законности решений центра занятости населения о сохранении за Н. среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения судами первой и второй инстанций во внимание приняты не были, правовая оценка оспариваемым решениям с учетом данных методических рекомендаций, основанных на положениях в том числе ч. 2 ст. 318 ТК РФ, судами не дана.

Определение № 69-КГ16-14

16. Право на доплату к пенсии, которая формируется за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации, имеют бывшие работники этих организаций, имеющие соответствующий стаж работы в организациях угольной промышленности Российской Федерации и в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г.

Ш. обратился в суд с иском к управлению Пенсионного фонда Российской Федерации (далее – пенсионный орган) о признании права на назначение ежемесячной доплаты к пенсии.

В обоснование заявленных требований указал, что является получателем досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ) в связи с наличием 25-летнего стажа работы на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля, сланца, руды и других полезных ископаемых и на строительстве шахт и рудников. 4 марта 2015 г. он обратился в пенсионный орган с заявлением о назначении ежемесячной доплаты к пенсии на основании Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ «О дополнительном социальном обеспечении отдельных категорий работников организаций угольной промышленности» (далее – Федеральный закон от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ). Решением пенсионного органа от 17 марта 2015 г. ему отказано в назначении ежемесячной доплаты к пенсии по причине отсутствия необходимого стажа работы. При этом в стаж, дающий право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии,

ответчиком не был включен период его работы на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г.

Ш. полагал, что порядок исчисления стажа для назначения доплаты к пенсии, предусмотренный Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, идентичен порядку исчисления стажа для назначения досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ. Поскольку период с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. был учтен пенсионным органом в специальном стаже, дающем право на досрочную трудовую пенсию по старости, постольку этот период подлежит включению в стаж для назначения ежемесячной доплаты к пенсии. Считая, что отказ пенсионного органа в назначении ежемесячной доплаты к пенсии является неправомерным и нарушает его права, Ш. просил суд возложить на пенсионный орган обязанность зачесть в стаж, дающий право на установление ежемесячной доплаты к пенсии, период его работы с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины, признать за ним право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, и обязать ответчика назначить ему данную доплату с 1 марта 2015 г.

Представитель ответчика в суде иск не признал.

Решением суда исковые требования удовлетворены. За Ш. признано право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ. В стаж, дающий право на установление доплаты к пенсии, зачтены периоды работы Ш. с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины. На пенсионный орган возложена обязанность назначить Ш. ежемесячную доплату к пенсии с 4 марта 2015 г.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено в части даты назначения Ш. ежемесячной доплаты к пенсии. Постановлено считать датой назначения Ш. ежемесячной доплаты к пенсии 1 мая 2015 г. В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные постановления и приняла новое решение об отказе в удовлетворении иска по следующим основаниям.

Дополнительной гарантией в области социального обеспечения работникам, занятым на работах с опасными и (или) вредными условиями труда по добыче (переработке) угля (горючих сланцев), является доплата к пенсии, условия, порядок назначения и выплаты которой определены Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ лица, работавшие в организациях угольной промышленности

непосредственно полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт не менее 25 лет либо не менее 20 лет в качестве работников ведущих профессий – горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин и получающие пенсию в соответствии с законодательством Российской Федерации (далее – работники организаций угольной промышленности), имеют право на ежемесячную доплату к пенсии (далее – доплата к пенсии) за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности (далее – плательщики взносов) в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на выплату доплаты к пенсии (далее – взносы). В стаж работы, дающей право на доплату к пенсии лицам, указанным в названной статье, включаются периоды работы, засчитываемые в стаж на соответствующих видах работ, дающих право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ). Исчисление стажа работы, дающей право на доплату к пенсии, производится в порядке, предусмотренном при назначении страховой пенсии по старости досрочно в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ.

Пунктом 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ определено, что страховая пенсия по старости назначается ранее достижения возраста, установленного ст. 8 данного федерального закона, при наличии величины индивидуального коэффициента в размере не менее 30 лицам, непосредственно занятым полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля, сланца, руды и других полезных ископаемых и на строительстве шахт и рудников, независимо от возраста, если они работали на указанных работах не менее 25 лет, а работникам ведущих профессий – горнорабочим очистного забоя, проходчикам, забойщикам на отбойных молотках, машинистам горных выемочных машин, если они проработали на таких работах не менее 20 лет.

Аналогичные положения в части стажа работы были предусмотрены подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», действовавшего на момент назначения пенсии III.

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 216-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О страховых пенсиях» и «О накопительной пенсии» ст. 1 Федерального закона от 10 мая 2010 г.

№ 84-ФЗ дополнена ч. 2, согласно которой условия, нормы и порядок дополнительного социального обеспечения, предусмотренные названным федеральным законом, распространяются на лиц, работавших в организациях угольной промышленности Российской Федерации, а также на лиц, работавших в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г.

В соответствии со ст. 35 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 216-ФЗ указанные изменения вступили в силу с 1 января 2015 г.

Статьей 5 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ определено, что финансовое обеспечение расходов на выплату доплаты к пенсии, включая расходы на организацию работы по ее выплате и доставке, производится за счет взносов, поступивших от плательщиков взносов, сумм пеней, начисленных за несвоевременную уплату взносов, и штрафов за неправомерные действия, связанные с реализацией указанного федерального закона.

По смыслу приведенных нормативных положений в их системной взаимосвязи, правом на доплату к пенсии, которая формируется за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации, обладают бывшие работники организаций угольной промышленности, имеющие соответствующий стаж работы в организациях угольной промышленности Российской Федерации и в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г., а именно работавшие в организациях угольной промышленности непосредственно полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт не менее 25 лет либо не менее 20 лет в качестве работников ведущих профессий – горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин.

Между тем при разрешении спора требования указанных норм материального права судами не учтены, а к спорным правоотношениям не применен закон, подлежащий применению, – ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ.

Вывод судов о том, что спорный период работы Ш. был учтен ему ответчиком при назначении досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ и потому подлежит включению в стаж, дающий право на установление доплаты к пенсии в соответствии с Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, основан на ошибочном толковании и применении норм материального права, регулирующих порядок и условия назначения доплаты к пенсии за стаж работы в угольной промышленности, которыми прямо предусмотрено, что условия, нормы и порядок дополнительного социального обеспечения работников организаций угольной

промышленности в виде доплаты к пенсии распространяются только на бывших работников организаций угольной промышленности Российской Федерации и лиц, работавших в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г.

Кроме того, по смыслу ст. 1, 5 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, источником финансирования доплаты к пенсии за стаж работы в угольной промышленности являются страховые взносы, дополнительно (сверх установленного тарифа) уплачиваемые в Пенсионный фонд Российской Федерации организациями угольной промышленности на выплату именно доплаты к пенсии работникам угольной отрасли Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 6 названного закона для плательщиков взносов установлен тариф взносов в размере 6,7 процента выплат и иных вознаграждений, начисленных в пользу работников, непосредственно занятых полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт, и работников ведущих профессий – горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин.

Частью 3 ст. 6 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ определено, что объектом обложения и базой для начисления взносов являются объект обложения и база для начисления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в Пенсионный фонд Российской Федерации, которые установлены чч. 1, 3 и 4 ст. 7 и чч. 1, 3 и 6 ст. 8 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Из изложенных норм закона следует, что дополнительные страховые взносы (сверх установленного тарифа), уплачиваемые организациями угольной промышленности Российской Федерации в целях предоставления такой социальной гарантии бывшим работникам организаций угольной промышленности как доплата к пенсии, не участвуют в формировании размера страховой пенсии, который обеспечивается за счет взносов на обязательное пенсионное страхование, а имеют иное целевое назначение – расходуются только на дополнительное материальное обеспечение бывших работников угольной промышленности Российской Федерации и угольной промышленности бывшего СССР до 1 декабря 1991 г.

Таким образом, порядок установления пенсии работникам угольной промышленности и порядок установления доплаты к ней различны по своему характеру и имеют самостоятельное правовое регулирование. То, что исчисление стажа для назначения доплаты к пенсии бывшим работникам угольной промышленности производится в том же порядке, что и для исчисления пенсии по п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от

28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ, не означает, что право на доплату определяется в том же порядке, что и право на установление пенсии.

Ссылка судов первой и апелляционной инстанций на Соглашение стран СНГ от 13 марта 1992 г. «О гарантиях прав граждан государств-участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения» несостоятельна, поскольку данное соглашение регулирует вопросы пенсионного обеспечения, а не вопросы дополнительного социального обеспечения работников угольной промышленности, получающих пенсию в соответствии с законодательством Российской Федерации, и осуществляемого за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на выплату доплаты к пенсии.

Также неправомерно суд апелляционной инстанции привел в обоснование вывода о включении периода работы Ш. после 1 декабря 1991 г. на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины в стаж для назначения доплаты к пенсии правовую позицию, изложенную в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2007 г. № 9-П, поскольку предметом проверки Конституционного Суда являлись нормы Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (п. 1 ст. 10) и абзац третий п. 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № 407, регулирующие условия приобретения застрахованными лицами, работавшими по трудовому договору, права на трудовую пенсию и размер ее страховой части.

При таких обстоятельствах выводы судов первой и апелляционной инстанций о распространении условий и норм дополнительного социального обеспечения бывших работников организаций угольной промышленности Российской Федерации в виде доплаты к пенсии на лицо, которое имеет стаж работы в организациях угольной промышленности иностранного государства, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала основанными на неправильном применении и толковании норм материального права.

Как следует из материалов дела, имеющаяся у Ш. без учета спорного периода работы с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. продолжительность стажа работы в угольной промышленности Российской Федерации и бывшего СССР до 1 декабря 1991 г. составляет 18 лет 9 месяцев 18 дней, что не дает ему права на назначение ежемесячной доплаты к пенсии в соответствии с Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ.

Определение № 58-КГ16-14

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

17. Исполнение третьим лицом обязательства должника на основании ст. 313 ГК РФ до введения первой процедуры банкротства не может быть признано злоупотреблением правом при отсутствии доказательств того, что поведение третьего лица причинило вред лицам, участвующим в деле о банкротстве.

Гражданин обратился в арбитражный суд с заявлением о признании компании банкротом, ссылаясь на то, что решением суда общей юрисдикции подтверждено наличие задолженности компании по выплате ему выходного пособия.

На дату судебного заседания по рассмотрению обоснованности этого требования задолженность погашена обществом (третьим лицом) путем внесения денежных средств на депозит нотариуса.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, отказано во введении в отношении компании процедуры наблюдения, заявление гражданина оставлено без рассмотрения. Суды руководствовались ст. 313 и 327 ГК РФ, ст. 33 и п. 3 ст. 48 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) и пришли к выводу об отсутствии оснований для введения процедуры наблюдения, поскольку задолженность погашена в полном объеме.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суд исходил из того, что общество злоупотребило правом (ст. 10 ГК РФ). Погасив задолженность, общество лишило гражданина статуса заявителя по делу о банкротстве.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора должника прежде всего состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на достижение названной цели. Одним из таких инструментов является полномочие первого заявителя по делу о банкротстве на предложение кандидатуры арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации, из числа которой подлежит назначению арбитражный управляющий для проведения первой введенной

судом процедуры (п. 9 ст. 42 Закона о банкротстве). При этом интерес в осуществлении данного полномочия в любом случае должен быть обусловлен наличием конечного интереса в получении удовлетворения по включенному в реестр требованию.

После получения полного удовлетворения своих требований у гражданина отпал подлежащий защите правовой интерес как в предложении кандидатуры арбитражного управляющего, так и в самом участии в деле о банкротстве.

Сам по себе факт погашения задолженности в полном объеме до введения первой процедуры несостоятельности не свидетельствует о злоупотреблении правом со стороны общества. В обоснование действий по погашению задолженности перед гражданином общество привело убедительные доводы о том, что его поведение не направлено на причинение вреда вовлеченным в процесс несостоятельности лицам, а обусловлено предотвращением банкротства, контролируемого самим должником, что в целом является ожидаемым от любого разумного участника гражданского оборота и соответствует стандарту добросовестности. Гражданин, напротив, получив полное удовлетворение своих требований, утратил разумный мотив в обжаловании судебных актов по настоящему обособленному спору.

Определение № 305-ЭС16-15945

18. Запрет на распоряжение имуществом должника, наложенный в судебном или ином установленном законом порядке в пользу кредитора, не предоставляет последнему прав, предусмотренных ст. 18¹ и 138 Закона о банкротстве.

При рассмотрении иска общества к компании определением арбитражного суда приняты обеспечительные меры в виде наложения ареста на имущество компании. Во исполнение указанного определения судебный пристав-исполнитель постановлениями наложил аресты на конкретное имущество компании. Решением суда по этому делу требования общества к компании удовлетворены.

Впоследствии арбитражным судом принято заявление о признании компании банкротом, в ее отношении введена процедура наблюдения.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование общества к компании признано обоснованным и включено в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь как обеспеченное залогом имущества должника. Суды пришли к выводу, что залог возник в соответствии с п. 5 ст. 334 ГК РФ со дня вступления в силу решения суда по иску общества к компании.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части, касающейся признания требования общества обеспеченным залогом имущества должника и отказала обществу в во включении в реестр требований кредиторов должника его требования как обеспеченного залогом имущества должника по следующим основаниям.

Из положений ст. 174¹ и п. 5 ст. 334 ГК РФ следует, что права залогодержателя предоставлены кредитору, в интересах которого был наложен арест, прежде всего с целью его защиты в ситуации неправомерного отчуждения должником арестованного имущества третьему лицу. Такая защита обеспечивается наличием у кредитора возможности обратиться взыскание на арестованную вещь после того, как она была отчуждена (право следования).

Вместе с тем возникновение у кредитора прав в силу п. 5 ст. 334 ГК РФ связано с регулируемым процессуальными нормами механизмом принятия решения государственным органом об основаниях введения запрета на распоряжение имуществом и о составе конкретного имущества, в отношении которого будет принят запрет на распоряжение. Принцип равенства кредиторов, требования которых относятся к одной категории выплат (п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве), не допускает введение судом, рассматривающим дело о несостоятельности, различного режима удовлетворения одной и той же выплаты в зависимости от процедурных критериев, то есть в зависимости от того, как будет разрешено ходатайство о наложении ареста.

Таким образом, из системного толкования названных норм права, а также ст. 2, 18¹, 138 Закона о банкротстве следует, что преимуществом по отношению к другим кредиторам в деле о несостоятельности (залоговый приоритет) обладают кредиторы, обязательства должника перед которыми обеспечены залогом в соответствии с п. 1 ст. 334¹ ГК РФ, то есть ординарным залогом.

Определение № 301-ЭС16-16279

19. Отсутствие у гражданина имущества, за счет которого возможно пропорционально удовлетворить требования кредиторов, само по себе не является основанием для прекращения производства по делу о банкротстве этого гражданина.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, прекращено производство по делу о банкротстве гражданина. Суды исходили из того, что отсутствие у гражданина имущества исключает введение банкротной процедуры реализации его имущества, так как не

достигается ее цель – пропорциональное удовлетворение требований кредиторов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В процедуре реализации имущества финансовый управляющий осуществляет действия, направленные на формирование конкурсной массы – анализирует сведения о должнике, выявляет имущество гражданина, в том числе находящееся у третьих лиц, обращается с исками о признании недействительными подозрительных сделок и сделок с предпочтением по основаниям, предусмотренным ст. 61² и 61³ Закона о банкротстве, об истребовании или о передаче имущества гражданина, истребует задолженность третьих лиц перед гражданином и т.п. (пп. 7 и 8 ст. 213⁹, пп. 1 и 6 ст. 213²⁵ Закона о банкротстве).

На основании доказательств, полученных финансовым управляющим по результатам выполнения упомянутых мероприятий, а также доказательств, представленных должником и его кредиторами, в ходе процедуры реализации имущества суд оценивает причины отсутствия у должника имущества. При этом право гражданина на использование установленного государством механизма банкротства не может быть ограничено только на том основании, что у него отсутствует имущество, составляющее конкурсную массу. Один лишь факт подачи гражданином заявления о собственном банкротстве нельзя признать безусловным свидетельством его недобросовестности.

В ситуации, когда действительно будет установлено недобросовестное поведение должника, суд в соответствии со ст. 213²⁸ Закона о банкротстве и с учетом разъяснений, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», вправе в определении о завершении конкурсного производства указать на неприменение правил об освобождении гражданина от исполнения долговых обязательств.

Кроме того, действующее законодательство исключает возможность банкротства испытывающего временные трудности гражданина, который в течение непродолжительного времени может исполнить в полном объеме свои обязательства исходя из размера его планируемых доходов (абзац седьмой п. 3 ст. 213⁶ Закона о банкротстве).

Закрепленные в законодательстве о несостоятельности граждан положения о том, что недобросовестные должники не освобождаются от обязательств, а также о том, что банкротство лиц, испытывающих временные затруднения, недопустимо, направлены на исключение возможности получения должником несправедливых преимуществ, обеспечивая тем самым защиту интересов кредиторов.

Таким образом устанавливается баланс между социально-реабилитационной целью потребительского банкротства, достигаемой путем списания непосильных долговых обязательств гражданина с одновременным введением в отношении него ограничений, установленных ст. 213³⁰ Закона о банкротстве, и необходимостью защиты прав кредиторов. Следовательно, вывод судов о том, что процедура реализации имущества гражданина сведется лишь к формальной констатации отсутствия у него имущества, завершению этой процедуры и автоматическому освобождению от обязательств, является ошибочным.

Определение № 304-ЭС16-14541

Разрешение споров, возникающих из вещных правоотношений

20. При приобретении одним лицом всех помещений в многоквартирном доме оно становится единственным собственником земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, с момента государственной регистрации права собственности на последнее помещение. Последующая гибель многоквартирного дома не прекращает право собственности этого лица на земельный участок.

Общество выкупило и стало собственником восьми квартир, находящихся в восьмиквартирном жилом доме. После сноса названного дома общество обратилось в регистрирующий орган с заявлением о регистрации права собственности на сформированный под указанным домом земельный участок.

Регистрирующий орган отказал обществу в регистрации права собственности, сославшись на абзац десятый п. 1 ст. 20 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в редакции, действовавшей до 1 января 2017 г., мотивировав свой отказ отсутствием правовых оснований для регистрации частной (индивидуальной) собственности на общее имущество в многоквартирном доме за одним лицом.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным данного отказа и об обязанности регистрирующего органа осуществить государственную регистрацию права собственности общества на земельный участок.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления общества отказано. Суды исходили из того, что общество, став собственником всех помещений в здании, не избрало правовой режим многоквартирного дома как единого объекта и не обратилось с заявлением к регистрирующему органу для регистрации права на указанный дом, поэтому его право собственности на здание в

целом и, как следствие, на сформированный под этим зданием участок не возникло; ввиду сноса дома право собственности общества на расположенные в доме квартиры, также как и его право на земельный участок, на котором был расположен разрушенный дом, в силу п. 1 ст. 235 ГК РФ прекратилось.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 2 ст. 8¹ ГК РФ предусмотрено, что права на имущество, подлежащие регистрации (в том числе право собственности на недвижимое имущество), возникают, изменяются, прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом.

Положениями ст. 36 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) и чч. 2 и 5 ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 189-ФЗ) установлены иные моменты возникновения права общей долевой собственности у собственников жилых и нежилых помещений на общее имущество многоквартирного жилого дома, в том числе на земельный участок, сформированный под таким домом, а также момент перехода доли в праве на общее имущество – именно с даты государственной регистрации права собственности на квартиру.

Таким образом, покупатель квартиры с момента государственной регистрации права собственности на данный объект приобретает в силу закона и право на долю в общей долевой собственности на сформированный в установленном порядке земельный участок, на котором расположен данный дом.

По смыслу разъяснений, содержащихся в п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» (далее – постановление № 64), в случае если одно лицо приобретает право собственности на все помещения в здании, то оно в силу закона также становится обладателем всех долей в праве собственности на земельный участок, расположенный под зданием. Из положений ст. 244 ГК РФ следует, что при указанных обстоятельствах существование долевой собственности на имущество невозможно и она с учетом положений пп. 2 и 4 ст. 8¹ ГК РФ должна рассматриваться как индивидуальная собственность лица на недвижимую вещь. В этом случае, как указано в п. 4 ст. 8¹ ГК РФ, запись об изменении этого права вносится в государственный реестр по заявлению лица, для которого наступают такие правовые последствия, то есть в том числе и лица, которое в силу приобретения всех

долей в праве собственности на недвижимое имущество является единоличным собственником вещи.

Согласно изложенным нормам права при приобретении одним лицом всех жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме, а следовательно, всех долей в праве общей долевой собственности на общее имущество, такое лицо с момента государственной регистрации права на последнюю квартиру или нежилое помещение в многоквартирном доме становится собственником всего земельного участка.

Вывод судов о том, что для приобретения права на земельный участок лицо, ставшее собственником всех помещений в здании (многоквартирном доме), должно преобразовать все помещения и общее имущество в единый объект, не основан на положениях законодательства, которым не предусмотрена также и возможность государственной регистрации права собственности на такой объект, как многоквартирный дом. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в абзаце третьем п. 8 постановления № 64, указанные действия являются правом, а не обязанностью лица.

Основания прекращения права собственности на земельный участок приведены в ст. 44 ЗК РФ. Такого основания для прекращения права собственности на земельный участок как гибель (уничтожение) здания, расположенного на земельном участке, названная норма не содержит.

В силу п. 6 ст. 36 ЗК РФ общество сохранило право собственности на земельный участок.

Вместе с тем суды не исследовали вопрос о том, когда был сформирован и поставлен на кадастровый учет земельный участок, в отношении которого общество просит зарегистрировать его право собственности, в том числе был ли он сформирован под ранее существовавшим многоквартирным домом с учетом территории, необходимой для его обслуживания и эксплуатации.

Определение № 305-КГ16-10570

Разрешение споров, возникающих из обязательственных правоотношений

21. Довод должника о том, что исполнение обязательства по предоставлению банковской гарантии в обеспечение исполнения обязательств по договору зависит от воли третьего лица (банка), не может являться основанием для отказа в удовлетворении требований кредитора об обязанности должника исполнить в натуре это обязательство и уплатить неустойку за его неисполнение.

По условиям договора поставки предприятие (поставщик) обязалось предоставить обществу (покупателю) обеспечение исполнения договора в виде банковской гарантии или поручительства.

Ссылаясь на то, что предприятие не предоставило обеспечение, общество обратилось в арбитражный суд с иском о понуждении предприятия к исполнению в натуре обязательства по предоставлению банковской гарантии и о взыскании предусмотренной договором неустойки за неисполнение данного обязательства.

Суд первой инстанции исковые требования общества удовлетворил.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части обязанности предприятия предоставить банковскую гарантию, отказал в этой части иска, а в части взыскания с ответчика неустойки оставил решение суда первой инстанции без изменения. Суд исходил из того, что обязательство по предоставлению банковской гарантии является неисполнимым, так как поставлено в зависимость от воли третьего лица (банка); требование покупателя о взыскании с предприятия неустойки обоснованно, поскольку договором установлена ответственность предприятия за непредоставление, нарушение порядка и срока предоставления обеспечения.

Арбитражный суд округа согласился с выводом суда апелляционной инстанции о том, что не подлежит удовлетворению требование покупателя об обязанности поставщика предоставить банковскую гарантию, но посчитал, что неустойка не может быть направлена на обеспечение неисполнимого обязательства, отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и отказал в удовлетворении исковых требований общества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 309 ГК РФ предприятие как сторона по гражданско-правовой сделке должно надлежащим образом соблюдать согласованные в ней условия, а также требования закона, иных нормативных актов. В п. 1 ст. 329 ГК РФ указано, что исполнение обязательства может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором.

Вывод суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа о том, что покупатель не вправе требовать от поставщика предоставления банковской гарантии, поскольку такое условие договора является неисполнимым, так как поставлено в зависимость от воли третьего лица, противоречит положениям ст. 416 ГК РФ.

По смыслу ст. 416 ГК РФ невозможность исполнения обязательства наступает в случае, если действие, являющееся содержанием обязательства, объективно не может быть совершено ни одним лицом.

Как указано в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», разрешая вопрос о допустимости понуждения должника исполнить обязанность в натуре, необходимо учитывать не только положения Гражданского кодекса Российской Федерации, иного закона или договора, но и существо соответствующего обязательства.

Выдача банковских гарантий коммерческим организациям является типичной банковской операцией, постоянно осуществляемой российскими банками и иными кредитными организациями с целью извлечения прибыли, поэтому обращение поставщика к тому или иному банку с просьбой предоставить банковскую гарантию не может нарушать права банка или налагать на него дополнительные обязательства.

В связи с тем, что предусмотренное договором поставки обязательство предприятия по предоставлению исполнения обязательства в виде банковской гарантии не относится к неисполнимым (объективно исполнимо) и может быть исполнено предприятием (субъективно исполнимо), отказ в удовлетворении заявленного обществом требования о присуждении к исполнению обязательства в натуре противоречит указанным положениям закона и сложившейся судебной практике их применения.

Поскольку согласно имеющейся в материалах дела выписке из Единого государственного реестра юридических лиц в уставном капитале общества доля участия Российской Федерации превышает пятьдесят процентов, заключение спорного договора осуществлялось по закупочной конкурсной процедуре, предусмотренной Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», в силу которого поставщик обязан предоставить заказчику обеспечение (в том числе в виде банковской гарантии). Следовательно, условие спорного договора поставки о предоставлении поставщиком банковской гарантии соответствует как требованиям названного закона, так и положениям ст. 309, 310 и 329 ГК РФ.

В нарушение названных норм и условий заключенного сторонами договора предприятие в установленный договором срок не предоставило обществу обеспечение исполнения договора. Доказательства обращения предприятия в кредитные учреждения по вопросу выдачи банковской гарантии и наличия объективных обстоятельств, препятствующих ее получению, в деле отсутствуют.

В силу п. 1 ст. 329 и п. 1 ст. 330 ГК РФ обязательство предоставить банковскую гарантию, как и любое иное обязательство, в том числе дополнительное, может быть обеспечено неустойкой, поскольку гражданское законодательство не содержит исключений для данного вида обязательства и обеспечение неустойкой не является несовместимым с характером обязательства.

Поскольку договором стороны согласовали возможность начисления поставщику неустойки за непредоставление в установленные сроки обеспечения, является правомерным требование общества о взыскании неустойки с предприятия, нарушившего данное обязательство.

Отказ в удовлетворении требований о предоставлении банковской гарантии и взыскании согласованной сторонами неустойки за непредоставление банковской гарантии может стимулировать должников к неисполнению принятых на себя обязательств, так как лицо, нарушившее обязательство не будет нести за это гражданской ответственности, а лицо, в пользу которого должно быть исполнено это обязательство, не получит компенсации своих потерь, а кроме того, создает преимущественное положение для такого должника перед другими участниками закупки.

Определение № 305-ЭС16-14210

Практика применения законодательства о налогах и сборах

22. Утрата налогоплательщиком права на применение патентной системы налогообложения не влечет одновременную утрату им права на применение упрощенной системы налогообложения либо изменение порядка исчисления налога, уплачиваемого в рамках упрощенной системы.

Предпринимателем применялась упрощенная система налогообложения с объектом в виде полученных доходов и патентная система налогообложения в отношении операций по сдаче в аренду недвижимого имущества.

По результатам камеральной налоговой проверки налоговый орган пришел к выводу об утрате предпринимателем права на применение патентной системы налогообложения на основании п. 6 ст. 346⁴⁵ НК РФ и возникновении у него обязанности по уплате налогов, предусмотренных общей системой налогообложения, в частности налога на доходы физических лиц. В связи с этим доход предпринимателя от деятельности по сдаче имущества в аренду за соответствующий период был включен в налоговую базу по налогу на доходы физических лиц и налоговым органом принято решение о привлечении предпринимателя к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения, которым ему

предложено уплатить недоимку по названному налогу, суммы пеней и штрафа.

Ссылаясь на то, что спорные суммы дохода от сдачи имущества в аренду были учтены им при исчислении и уплате налога по упрощенной системе налогообложения, предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требования предпринимателя удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 346¹¹ НК РФ упрощенная система налогообложения применяется индивидуальными предпринимателями наряду с иными режимами налогообложения, а патентная система налогообложения – в силу п. 2 ст. 346⁴³ НК РФ применяется в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности.

В случае применения патентной системы налогообложения в отношении отдельного вида предпринимательской деятельности вместо уплаты налога исходя из фактически полученной выручки от осуществления такой деятельности (п. 1 ст. 346¹⁷ НК РФ) в бюджет уплачивается налог, определенный из денежного выражения потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода (ст. 346⁴⁸ НК РФ).

Пунктом 4 ст. 346¹³ НК РФ также установлено, что в случае одновременного применения упрощенной и патентной систем налогообложения доходы, полученные от деятельности, в отношении которой налогоплательщиком был получен патент, суммируются с остальными полученными им доходами для целей определения суммового порога, необходимого для сохранения права на применение упрощенной системы налогообложения.

Таким образом, взаимосвязанные положения гл. 26² и 26⁵ НК РФ позволяют сделать вывод о том, что упрощенная система налогообложения в случае ее применения индивидуальным предпринимателем является общей по отношению к патентной системе налогообложения, в рамках которой осуществляется налогообложение доходов лишь по отдельным видам деятельности налогоплательщика.

При этом гл. 26⁵ НК РФ не содержит нормы, в силу которой утрата налогоплательщиком права на применение патентной системы налогообложения влекла бы одновременную утрату им права на

применение упрощенной системы налогообложения либо изменение порядка исчисления налога, уплачиваемого в рамках упрощенной системы. Поскольку, как установлено судами первой и апелляционной инстанций, упрощенная система налогообложения применялась предпринимателем в спорный период, общая сумма полученных им доходов не превысила пороговое значение, установленное п. 4 ст. 346¹³ НК РФ, то на основании п. 1 ст. 346¹⁴ и п. 1 ст. 346¹⁷ НК РФ при утрате права на применение патентной системы налогообложения предприниматель правомерно учел все полученные им доходы при исчислении налога по упрощенной системе налогообложения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отметила, что Федеральным законом от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» п. 6 ст. 346⁴⁵ НК РФ изложен в новой редакции, устранившей существующее противоречие действующего правового регулирования посредством указания на возможность перехода налогоплательщика на общий режим налогообложения, упрощенную систему налогообложения, систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (в случае применения налогоплательщиком соответствующего режима налогообложения).

Определение № 301-КГ16-16143

23. Должник, предоставивший отступное в целях прекращения обязательств по договору займа, обязан исчислить налог на добавленную стоимость с этой реализации, а кредитор вправе принять налог к вычету.

Решением налогового органа обществу доначислен налог на добавленную стоимость (далее – НДС), начислены пени и применены налоговые санкции. Основанием доначисления налога послужил вывод налогового органа о неправомерном неначислении обществом НДС от реализации имущественных прав по соглашению, в соответствии с которым общество предоставляло имущество компании взамен исполнения обязательства по договору займа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения налогового органа недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требования общества по следующим основаниям.

Согласно подп. 15 п. 3 ст. 149 НК РФ не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) НДС операции по предоставлению займов в денежной форме, а также оказание финансовых услуг по предоставлению займов в денежной форме. Аналогичным образом в соответствии с положениями ст. 146 НК РФ не является объектом налогообложения НДС возврат заемных денежных средств. Соответственно, от налогообложения НДС освобождаются именно займы в денежной, а не в иной форме.

В силу ст. 409 ГК РФ при подписании соглашения о предоставлении отступного обязательство по договору займа прекращается путем передачи имущества должника кредитору (заемщика займодавцу), то есть в собственность займодавца передается имущество в обмен на денежные средства. С предоставлением отступного меняется в целом способ исполнения договора займа, прекращаются обязательства сторон по первоначальному способу исполнения и на стороны возлагаются другие, новые обязательства, возникающие из соглашения об отступном (денежная форма возврата займа более не исполняется сторонами).

По смыслу пп. 1 и 3 ст. 38, п. 1 ст. 39 НК РФ, поскольку при передаче имущества в качестве отступного происходит передача права собственности на него на возмездной основе, данная передача признается реализацией, если иное прямо не предусмотрено НК РФ.

В силу подп. 1 п. 1 ст. 146 НК РФ реализация товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации, в том числе реализация предметов залога и передача товаров (результатов выполненных работ, оказание услуг) по соглашению о предоставлении отступного или новации, а также передача имущественных прав признаются объектом налогообложения по НДС.

Таким образом, передача имущества в качестве отступного в целях погашения обязательств по договору займа является реализацией имущества, в связи с чем передающая сторона обязана исчислить НДС с реализации, а получающая – вправе принять налог к вычету.

Определение № 309-КГ16-13100

Практика применения таможенного законодательства

24. В случае выявления таможенным органом признаков недостоверного декларирования таможенной стоимости товара, ввозимого по сделке, совершенной между взаимосвязанными лицами, декларант должен представить документы и сведения, подтверждающие допустимость применения метода определения таможенной стоимости ввозимого товара по стоимости сделки с ним.

По результатам проведенных в отношении ввезенного обществом товара мероприятий таможенного контроля таможенным органом принято решение о корректировке таможенной стоимости и выставлено требование об уплате таможенных платежей. Основанием принятия указанного решения послужили выводы таможенного органа о том, что представленные декларантом документы не отвечают требованиям п. 4 ст. 65 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС). Таможенным органом установлена заниженная стоимость контракта, по цене которого определена таможенная стоимость, и взаимосвязанность между обществом (покупателем) и продавцом товара. Однако на требование таможни предоставить документы и сведения, касающиеся взаимосвязи участников внешнеторгового контракта, запрашиваемые сведения представлены не были.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным требования об уплате таможенных платежей.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требования общества удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям.

Как разъяснено в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» (далее – постановление № 18), судам необходимо учитывать, что одним из правил таможенной оценки является наделение таможенных органов правом убеждаться в достоверности декларирования таможенной стоимости исходя из действительной стоимости ввозимых товаров, которое реализуется при проведении таможенного контроля.

В силу п. 1 ст. 68 ТК ТС основанием для принятия решения о корректировке таможенной стоимости товаров является выявленный таможенным органом при осуществлении контроля таможенной стоимости как до, так и после выпуска товаров, факт недостоверного заявления сведений об их таможенной стоимости, в том числе в связи с неправильным выбором метода определения таможенной стоимости.

Из содержания п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 4 Соглашения между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25 января 2008 г. «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу таможенного союза» (далее – Соглашение) следует, что метод определения таможенной стоимости ввозимых товаров по стоимости сделки с ними (первый метод) является приоритетным для таможенной оценки, но в ряде случаев использоваться не может, как неспособный правильно отразить действительную стоимость товаров.

В частности, согласно пп. 1 и 3 ст. 4 Соглашения взаимосвязь сторон договора влечет невозможность применения первого метода определения таможенной стоимости, если она оказала влияние на цену, уплачиваемую или подлежащую уплате за товар. В связи с этим в п. 19 постановления № 18 указано следующее: в случае возникновения спора о правомерности применения первого метода на таможенном органе лежит бремя доказывания признаков того, что взаимосвязь сторон могла повлиять на цену (п. 4 ст. 4 Соглашения), а на декларанте – обязанность доказать, что фактически уплаченная или подлежащая уплате за товар цена была установлена в отсутствие влияния на нее взаимосвязи сторон сделки (пп. 4¹, 4² ст. 4 Соглашения). Таким образом, в случае выявления таможенной признаков недостоверного декларирования таможенной стоимости товаров, ввозимых по сделке, совершенной между взаимосвязанными лицами, в порядке исключения из общего правила именно на декларанта возлагается бремя предоставления документов и сведений, подтверждающих допустимость применения первого метода определения таможенной стоимости.

Установленные на стадии таможенного контроля обстоятельства, касающиеся взаимосвязанности сторон контракта, признаков искажения стоимости сделки с ввозимыми товарами под влиянием взаимосвязанности, не были мотивированно оспорены обществом, которое отказалось от представления таможенному органу каких-либо дополнительных документов и сведений. В такой ситуации общество не могло применить первый метод определения таможенной стоимости товара.

Определение № 306-КГ16-13324

Практика применения законодательства о рекламе и о лицензируемой деятельности

25. Реклама метода профилактики, способа или приема диагностики, лечения и медицинской реабилитации является надлежащей, если она не раскрывает их содержание и распространяется в составе рекламы медицинских услуг при соблюдении требований, установленных ч. 7 ст. 24 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе».

В газете «Ставропольский бизнес» была размещена реклама об использовании врачами общества метода диагностики – ЭКГ-исследования.

Усмотрев в действиях общества признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 14.3 КоАП РФ, поскольку указанная реклама нарушает положения ч. 8 ст. 24 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее –

Закон о рекламе), антимонопольный орган вынес постановление о привлечении общества к административной ответственности в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к антимонопольному органу о признании незаконным данного постановления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Требования к рекламе лекарственных средств, медицинской техники, изделий медицинского назначения и медицинских услуг, в том числе методов лечения, установлены ч. 7 ст. 24 Закона о рекламе, согласно которой реклама лекарственных средств, медицинских услуг, в том числе методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, медицинских изделий должна сопровождаться предупреждением о наличии противопоказаний к их применению и использованию, необходимости ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов. Эти требования не распространяются на рекламу, распространяемую в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий, а также в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях, и на иную рекламу, потребителями которой являются исключительно медицинские и фармацевтические работники.

Частью 8 ст. 24 Закона о рекламе установлено, что реклама лекарственных препаратов в формах и дозировках, отпускаемых по рецептам на лекарственные препараты, методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, а также медицинских изделий, для использования которых требуется специальная подготовка, не допускается иначе как в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий и в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях.

Из приведенных положений следует, что ч. 7 ст. 24 Закона о рекламе допускает рекламу методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации в составе видов (перечня) медицинских услуг, оказываемых соответствующим медицинским учреждением, предусматривая лишь необходимость предупреждения о наличии противопоказаний к их применению и использованию, ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов.

Вместе с тем реклама, в которой раскрывается содержание того или иного метода профилактики, способа или приема диагностики, лечения и медицинской реабилитации, подпадает под запрет, установленный ч. 8 ст. 24 Закона о рекламе.

В рассматриваемом случае объектом рекламирования была не реклама конкретного метода диагностики и лечения – ЭКГ, с раскрытием преимуществ данного метода и его эффективности, а реклама медицинской услуги.

Определение № 308-АД16-10650

26. Установление факта реализации заявителем алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии является достаточным основанием для отказа уполномоченного органа в предоставлении ему лицензии на розничную продажу алкогольной продукции.

Общество обратилось в уполномоченный орган (далее – комитет) с заявлением о выдаче лицензии на розничную продажу алкогольной продукции.

Комитетом проведена внеплановая выездная проверка в отношении общества, в ходе которой установлено нарушение обществом п. 1 ст. 26 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (далее – Закон № 171-ФЗ), поскольку общество на день проверки осуществляло оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии. Кроме того, в представленных обществом документах в нарушение подп. 1 п. 9 ст. 19 Закона № 171-ФЗ содержались недостоверные сведения, так как по указанному им адресу помимо объекта розничной торговли, расположен объект общественного питания, в котором осуществлялась торговля спиртосодержащей продукцией без лицензии.

Решением арбитражного суда по другому делу общество привлечено к административной ответственности в виде штрафа на основании ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ.

Указанные обстоятельства послужили основанием для принятия комитетом решения об отказе в предоставлении обществу лицензии на продажу алкогольной продукции.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к комитету о признании указанного решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям.

В соответствии с подп. 6 п. 9 ст. 19 Закона № 171-ФЗ одним из оснований для отказа в выдаче лицензии является несоответствие заявителя иным лицензионным требованиям, установленным в соответствии с положениями ст. 2, 8, 9, 10.1, 11, 16, 19, 20, 25, 26 Закона № 171-ФЗ.

Пункт 1 ст. 26 Закона № 171-ФЗ устанавливает запрет на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующих лицензий, а также передачу лицензии другому лицу и оказание услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности, другому лицу, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Таким образом, положения п. 9 ст. 19 Закона № 171-ФЗ как устанавливающие основания для отказа в выдаче лицензии, должны применяться совместно с положениями указанных в нем статей, в том числе – с п. 1 ст. 26 Закона № 171-ФЗ.

Установленные факты реализации обществом алкогольной продукции без лицензии и, как следствие, привлечение общества к административной ответственности указывают на явное несоответствие общества требованиям, которые предусмотрены ст. 19, 26 Закона № 171-ФЗ для организаций, стремящихся получить соответствующую лицензию.

Определение № 306-КГ16-15245

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

27. Срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры исчисляется с момента представления в уполномоченный орган результатов соответствующей оценки.

Постановлением административного органа от 19 января 2016 г. автономная некоммерческая организация «Центр сертификации объектов, обеспечивающих авиационную безопасность» (далее – центр сертификации) привлечена к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 11.15.2 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Центр сертификации обратился в арбитражный суд с заявлением к административному органу о признании незаконным и отмене названного постановления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, центру сертификации отказано в удовлетворении заявления. Суды установили, что являясь специализированной организацией в области обеспечения транспортной безопасности, аккредитованной в установленном порядке, центр сертификации провел дополнительную оценку уязвимости объекта транспортной инфраструктуры – аэропорта (далее – оценка уязвимости) с нарушением «Порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств», утвержденного приказом Минтранса России от 12 апреля 2010 г. № 87 (далее – Порядок проведения оценки уязвимости), что послужило основанием для отказа Федеральным агентством воздушного транспорта в утверждении результатов проведенной оценки уязвимости. Признавая соблюденным административным органом двухмесячный срок давности привлечения центра сертификации к административной ответственности, суды исходили из того, что совершенное центром сертификации правонарушение является длящимся и моментом его выявления (обнаружения) административным органом является 18 ноября 2015 г. – день получения административным органом, должностное лицо которого уполномочено составлять протокол об административном правонарушении, информации из Федерального агентства воздушного транспорта о нарушении центром сертификации установленного порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

Центр сертификации провел оценку уязвимости, результаты которой были оформлены в двух экземплярах на бумажном носителе и одном экземпляре на магнитном носителе.

В соответствии с требованиями п. 6 Порядка проведения оценки уязвимости результаты проведенной оценки уязвимости были представлены центром сертификации 12 октября 2015 г. в Федеральное агентство воздушного транспорта для рассмотрения и принятия решения об их утверждении либо отказе в утверждении.

Согласно п. 8 Порядка проведения оценки уязвимости решение об утверждении результатов проведенной оценки уязвимости либо об отказе в их утверждении принимается компетентным органом в срок, не превышающий 30 дней.

Таким образом, после представления 12 октября 2015 г. в компетентный орган результатов проведенной оценки уязвимости центр сертификации не имел возможности внести в эти результаты изменения в целях исправления каких-либо допущенных при проведении оценки уязвимости нарушений установленных требований порядка проведения

такой оценки, а соответственно, не мог изменить последствия выявления компетентным органом допущенных центром сертификации нарушений требований законодательства при проведении упомянутой оценки. Следовательно, представив в компетентный орган для рассмотрения результаты оценки уязвимости, проведенной с нарушением требований порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, центр сертификации совершил противоправное деяние.

Учитывая, что моментом совершения правонарушения в рассматриваемом случае является 12 октября 2015 г. и указанное правонарушение не является длящимся, то установленный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ двухмесячный срок давности привлечения к ответственности истек к моменту вынесения административным органом оспариваемого постановления от 19 января 2016 г. о привлечении к административной ответственности.

Определение № 305-АД16-14470

Процессуальные вопросы

28. Принятия прокурором обязательных мер по досудебному урегулированию, предусмотренному ч. 5 ст. 4 АПК РФ, до обращения в арбитражный суд с требованиями в защиту публичных интересов, прав и законных интересов других лиц не требуется.

Прокурор в интересах неопределенного круга лиц и муниципального образования обратился в арбитражный суд с иском к обществу и предприятию о признании заключенного между ними договора недействительным.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковое заявление возвращено на основании п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ в связи с несоблюдением прокурором претензионного досудебного порядка урегулирования спора с ответчиками.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии к производству иска по следующим основаниям.

В силу ч. 5 ст. 4 АПК РФ споры по отдельным категориям дел могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер к досудебному урегулированию.

Досудебный порядок урегулирования экономических споров представляет собой взаимные действия сторон материального правоотношения, направленные на самостоятельное разрешение

возникших разногласий. Лицо, считающее, что его права нарушены действиями другой стороны, обращается к нарушителю с требованием об устранении нарушения. Если получатель претензии находит ее доводы обоснованными, то он предпринимает необходимые меры к устранению допущенных нарушений, исключив тем самым необходимость судебного вмешательства. Такой порядок ведет к более быстрому и взаимовыгодному разрешению возникших разногласий и споров. Следовательно, на прокуроре лежит обязанность по принятию мер к досудебному урегулированию спора в случае, если орган прокуратуры участвует в деле в качестве стороны материально-правового спора.

Такая обязанность отсутствует при обращении прокурора в арбитражный суд в защиту чужих интересов с требованиями, предусмотренными ч. 1 ст. 52 АПК РФ, либо при вступлении в дело в целях обеспечения законности на основании ч. 5 ст. 52 АПК РФ. Наделение прокурора процессуальными правами и возложение на него процессуальных обязанностей истца (ч. 3 ст. 52 АПК РФ) не делает прокуратуру стороной материально-правового правоотношения и не налагает на прокурора ограничения, связанные с необходимостью принятия мер по досудебному урегулированию спора.

Определение 306-ЭС16-16518

29. Поскольку международные договоры, регламентирующие основания и порядок признания и принудительного исполнения судебных решений по таможенным и налоговым делам между государствами отсутствуют, а заключенные международные договоры регламентируют исполнение судебных решений исключительно по частно-правовым спорам (сотрудничество в рамках международного гражданского процесса), арбитражный суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда полностью или в части.

Арбитражный суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда полностью или в части также и ввиду того, что указанное решение нарушает нормы о юрисдикционном иммунитете Российской Федерации и фискальном иммунитете ее имущества.

Решением иностранного суда – Специализированного межрайонного экономического суда Карагандинской области (Республика Казахстан) удовлетворены требования Департамента таможенного контроля по Карагандинской области Комитета таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан (далее – департамент) к федеральному бюджетному учреждению – войсковой части 26302 (далее – войсковая

часть) о взыскании задолженности в бюджеты по таможенным платежам, налогам, пеням.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, удовлетворено заявление департамента о признании и приведении в исполнение указанного решения иностранного суда.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала департаменту в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, поскольку оно противоречит публичному порядку Российской Федерации (п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ).

Требование таможенных органов Республики Казахстан, положенное в основу предъявленного к исполнению иностранного судебного решения, было выставлено войсковой части в результате таможенного контроля ввоза военного имущества, который осуществлялся на основании Договора между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве от 28 марта 1994 г. (далее – договор от 28 марта 1994 г.) и Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке содержания и использования Узла Балхаш системы предупреждения о ракетном нападении, расположенного на территории Республики Казахстан, от 14 декабря 1994 г. Таким образом, Российская Федерация и Республика Казахстан заключили специальные международные договоры, регламентирующие правовой режим поставок вооружений, военной техники, материально-технических средств в интересах обеспечения вооруженных сил, объектов оборонного назначения и воинских формирований и устанавливающие, среди прочего, требования о том, что поставки осуществляются на беспроцентной основе, а в целом вопросы поставок продукции определяются специальными соглашениями (ст. 17 договора от 28 марта 1994 г.). Следовательно, все условия поставок военного оборудования, в том числе об уплате налогов, иных сборов от таких поставок, должны быть согласованы сторонами в нормах специальных соглашений. Нормы специальных соглашений, предусматривающих взыскание таможенных сборов или налогов от поставок военной продукции для обеспечения Узла Балхаш, отсутствуют. Таким образом, решение иностранного суда противоречит императивным нормам международного договора, а его исполнение ввиду такого противоречия будет нарушать публичный порядок Российской Федерации.

Кроме того, предъявленное к исполнению решение вынесено по публично-правовому спору, поскольку предполагает взыскание таможенных платежей, налогов, пеней в бюджет иностранного государства. Таким образом, указанное иностранное судебное решение не направлено на защиту частного интереса, обеспечение которого является целью международного правового сотрудничества государств в рамках

международного гражданского процесса и реализуется через заключение договоров о правовой помощи по гражданским, семейным, торговым (хозяйственным) делам. Из предмета таких соглашений исключены публично-правовые (налоговые, таможенные, иные административные дела), которые, в силу своей природы, направлены, прежде всего, на защиту интересов государства и обеспечение государственной власти соответствующей страны.

В силу принципа суверенного равенства государств оказание содействия со стороны судебной власти одного государства в формировании финансовой основы (бюджета) суверенной власти другого государства может осуществляться только при наличии явно выраженной воли государств на такое взаимодействие. Однако международные договоры, регламентирующие основания и порядок признания и принудительного исполнения судебных решений по таможенным и налоговым делам, между Российской Федерацией и Республикой Казахстан отсутствуют.

Предметом обложения таможенными платежами и налогами выступало военное имущество, которое традиционно в силу общих норм международного права, норм законодательства государств об иммунитетах иностранного государства и его имущества обладает судебным и фискальным иммунитетом, иммунитетом в отношении исполнения решения суда (например, ст. 16 Федерального закона Российской Федерации от 23 октября 2015 г. № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации»). Также и войсковая часть, являющаяся федеральным бюджетным учреждением и реализующая в спорных отношениях публичную функцию органа исполнительной власти Российской Федерации (Министерства обороны) по международному военному сотрудничеству обладает судебным иммунитетом от юрисдикции иностранного государства в силу указанного статуса и выполнения публично-правовой функции.

Исполнение решения иностранного суда, которое нарушает нормы о юрисдикционном иммунитете Российской Федерации и фискальном иммунитете ее имущества, противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Определение № 305-ЭС16-13303

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

30. Совершенное путем обмана и злоупотребления доверием хищение чужого имущества у нескольких потерпевших при отсутствии единого умысла на совершение мошенничества в особо крупном размере не может расцениваться как продолжаемое преступление, а должно квалифицироваться как совокупность самостоятельных преступлений в зависимости от размера хищения в каждом отдельном случае.

Установлено, что в период 2012–2014 гг. П., злоупотребляя доверием потерпевших, убеждала их получить кредит либо добивалась передачи ей денег, обещая совершить в пользу потерпевших определенные действия (оказать помощь в приобретении автомобиля или жилья, получении статуса беженца). При этом П. знала, что погашать кредиты и совершать данные действия не будет. Помимо этого, П., похитив у потерпевшего Т. деньги и не желая их возвращать, организовала его похищение с целью получения выкупа.

Всего П. было похищено у потерпевших денежных средств в особо крупном размере на общую сумму 13 745 690 руб.

По приговору суда П. осуждена по ч. 4 ст. 159 УК РФ на 6 лет лишения свободы со штрафом в размере 400 000 руб. и по ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ на 7 лет лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений П. назначено 10 лет лишения свободы со штрафом в размере 400 000 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденной П., изменила приговор в части квалификации ее действий по ч. 4 ст. 159 УК РФ, указав следующее.

По смыслу уголовного закона, от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление.

Как хищение в особо крупном размере должно квалифицироваться совершение нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого превышает один миллион рублей, если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в особо крупном размере.

Поскольку судом не установлен умысел П., направленный на хищение денежных средств потерпевших в особо крупном размере, а

размер похищенных денежных средств ни у одного из них не превышает один миллион рублей, то действия П. нельзя признать мошенничеством, совершенным в особо крупном размере.

Более того, судом приведены в приговоре фактические обстоятельства, свидетельствующие о том, что каждый раз у П. возникал умысел на совершение мошенничества в разных суммах в отношении различных потерпевших.

Судом также установлено, что свои преступные действия, направленные на хищение чужого имущества в форме мошенничества, совершены П. разными способами: часть из них – путем обмана, часть – путем злоупотребления доверием.

При таких обстоятельствах содеянное П. не может расцениваться как продолжаемое преступление и данные действия образуют совокупность преступлений и подлежат переквалификации с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 2 ст. 159 УК РФ по каждому эпизоду преступлений, совершенных в отношении 15 потерпевших, как мошенничество, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину, и, учитывая размер хищения, на ч. 3 ст. 159 УК РФ по каждому эпизоду преступлений, совершенных в отношении 21 потерпевшего, как мошенничество, совершенное в крупном размере.

При этом объем обвинения П. по данным эпизодам с учетом санкций указанных частей ст. 159 УК РФ не увеличен.

С учетом изложенного Судебная коллегия изменила приговор и переквалифицировала действия П. с ч. 4 ст. 159 УК РФ по эпизодам преступлений, совершенных в отношении 15 потерпевших, на ч. 2 ст. 159 УК РФ, по которой назначила наказание за каждое из этих преступлений в виде лишения свободы сроком на 4 года, по эпизодам преступлений, совершенных в отношении 21 потерпевшего, на ч. 3 ст. 159 УК РФ, по которой назначила наказание за каждое из этих преступлений в виде лишения свободы сроком на 5 лет со штрафом в размере 60 000 руб. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности 15 преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ, а также 21 преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «з» ч.2 ст. 126 УК РФ, окончательно П. назначено 9 лет лишения свободы со штрафом в размере 100 000 руб.

Определение № 83-АПУ17-2

Назначение наказания

31. Лицо не может быть признано злостным нарушителем порядка отбывания наказания, если на момент вступления в силу акта об амнистии факт совершения им нового умышленного

преступления в течение испытательного срока условного осуждения не был подтвержден вступившим в законную силу приговором.

По приговору суда от 14 сентября 2016 г. Б., ранее судимый 1 апреля 2009 г. мировым судьей, осужден по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), по ч. 1 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ). На основании ч. 1 ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединена неотбытая часть наказания по приговору от 1 апреля 2009 г., окончательно назначено 12 лет 6 месяцев лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и исключила указание на применение ч. 5 ст. 74 УК РФ и назначение наказания на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров, указав следующее.

Из материалов уголовного дела следует, что Б. по приговору мирового судьи от 1 апреля 2009 г. осужден за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ, на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ к 8 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 8 месяцев.

Назначая наказание по данному приговору, суд на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ отменил Б. условное осуждение по приговору мирового судьи от 1 апреля 2009 г. и в соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров окончательно назначил ему 12 лет 6 месяцев лишения свободы.

С таким выводом суда первой инстанции согласиться нельзя.

Согласно положениям п. 4 и подп. 6 п. 13 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» условно осужденные подлежат освобождению от наказания, если они не являются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

В соответствии с подп. 5 п. 19 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания при применении акта об амнистии следует считать осужденных, совершивших умышленные преступления в течение установленного судом испытательного срока.

При этом, по смыслу указанного подпункта, факт совершения осужденным нового умышленного преступления в течение установленного судом испытательного срока должен подтверждаться на день вступления в силу акта об амнистии (24 апреля 2015 г.) постановлением органа

предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу итоговым судебным решением (постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или обвинительным приговором). При отсутствии на указанный день такого процессуального документа акт об амнистии подлежит применению¹.

Как видно из материалов данного уголовного дела, на день вступления в силу акта об амнистии (24 апреля 2015 г.) указанные выше процессуальные документы отсутствовали.

С учетом изложенного основания для применения при назначении наказания положений ч. 5 ст. 74 УК РФ и ст. 70 УК РФ не было.

Определение № 47-АПУ16-9

Процессуальные вопросы

32. Обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, не обладает процессуальным статусом свидетеля по основному уголовному делу и на него не распространяются требования ст. 307 и 308 УК РФ об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний.

Р. признан виновным в том, что, являясь должностным лицом (начальником управления по административному округу главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации), получил от З. взятку в особо крупном размере в виде денег, иного имущества и незаконного оказания услуг имущественного характера за совершение действий в пользу взяткодателя и осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ).

Адвокаты осужденного в апелляционных жалобах просили об отмене приговора и оправдании Р. Защитники осужденного подвергали сомнению достоверность показаний свидетеля З. об обстоятельствах дела, указывая, что с З. было заключено соглашение о сотрудничестве и он был заинтересован в исходе дела. Кроме того, в судебном заседании как свидетель З. не предупреждался об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

¹ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576 ГД и 6578-6 ГД (по амнистии), утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 июля 2015 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а апелляционные жалобы без удовлетворения по следующим основаниям.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, может по ходатайству стороны обвинения участвовать в судебном заседании по основному уголовному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в соучастии в том же преступлении. Такое лицо, в силу заключенного им досудебного соглашения о сотрудничестве связанное обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, по своему процессуальному статусу не является свидетелем по основному уголовному делу, на него не распространяются требования ст. 307 и 308 УК РФ об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний и, соответственно, предусмотренные Уголовно-процессуальным законом правила предупреждения допрашиваемого лица о такой ответственности.

Материалами дела подтверждается факт заключения с З. досудебного соглашения о сотрудничестве, в том числе относительно обстоятельств дачи им взятки Р.

Таким образом, суд первой инстанции обоснованно разъяснил З. его права, предусмотренные ст. 51 Конституции Российской Федерации, и обязанность исполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве без предупреждения об уголовной ответственности по ст. 307–308 УК РФ. При этом показания З. в судебном заседании, изобличающие Р. в получении взятки, суд оценил в совокупности с другими доказательствами по делу и пришел к выводу об их достоверности, поскольку они подтверждены другим доказательствами, приведенными в приговоре.

Определение № 5-АП/17-3С

33. В случае изготовления протокола судебного заседания по частям каждая его часть, как и весь протокол в целом, должна быть подписана председательствующим и секретарем. Отсутствие в уголовном деле надлежаще оформленного протокола судебного заседания является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона и влечет отмену приговора.

Как усматривается из материалов уголовного дела в отношении Ц., протокол судебного заседания суда состоял из нескольких частей. Первая его часть, отражающая ход судебного разбирательства начиная с 16 января 2013 г. и до объявления перерыва, составлена секретарем К., затем

с 25 января 2013 г. до объявления перерыва протокол судебного заседания вела секретарь В., а с 15 февраля 2013 г. – вновь К., которая вела протокол судебного заседания до 22 февраля 2013 г.

В судебных заседаниях с 16 января до 15 февраля 2013 г. были допрошены Ц., ряд свидетелей и исследованы доказательства по делу, положенные в основу приговора, по которому Ц. был осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ (в редакции Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 87-ФЗ).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, отменила приговор по следующим основаниям.

Согласно ст. 245, 259 УПК РФ в судебном заседании ведется протокол судебного заседания, в котором излагаются действия и решения суда, а равно действия участников судебного разбирательства, полно и правильно отражаются все необходимые сведения о ходе рассмотрения дела. Полнота и правильность изготовления протокола должна быть заверена подписью председательствующего и секретаря судебного заседания. Протокол в ходе судебного заседания может изготавливаться по частям, которые, как и протокол в целом, подписываются председательствующим и секретарем.

В нарушение закона части протокола судебного заседания не были подписаны секретарями судебного заседания, которые их составляли, и председательствующим. Полнота и правильность изложения хода судебного заседания и исследования доказательств надлежаще не заверены.

Отсутствие протокола судебного заседания в том виде, в каком он должен быть оформлен и содержать необходимые реквизиты в соответствии с требованиями УПК РФ, свидетельствует о несоблюдении судом обязательной к исполнению процедуры фиксации уголовного процесса, что ставит под сомнение законность и обоснованность вынесенного приговора.

В силу п. 11 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ отсутствие в уголовном деле надлежаще оформленного протокола судебного заседания является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 266 УПК РФ председательствующий объявляет состав суда, сообщает, кто является обвинителем, защитником, потерпевшим, разъясняя сторонам право заявления отвода, а в соответствии с п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ подсудимый вправе заявить отвод государственному обвинителю.

Указанные требования закона при рассмотрении данного уголовного дела судом первой инстанции не выполнены, поскольку в ходе судебного разбирательства 5 февраля 2013 г. произошла замена государственного обвинителя и в нарушение положений ст. 47, 266 УПК РФ

председательствующий не выяснил у стороны защиты наличие отводов государственному обвинителю К.

Из приговора следует, что уголовное дело рассмотрено с участием государственного обвинителя Ф., однако после замены государственного обвинителя 5 февраля 2013 г. протокол не содержит сведений о продолжении рассмотрения уголовного дела с ее участием.

Помимо изложенного, исходя из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 11 и ч. 2 ст. 16 УПК РФ обязанность разъяснить обвиняемому его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается в ходе судебного производства на суд.

Между тем из протокола судебного заседания видно, что Ц. не разъяснялось право на участие в прениях сторон, слово в прениях ему не было предоставлено, и данных о том, что он отказался от участия в прениях, не имеется.

Судебная коллегия отменила приговор и последующие судебные решения в отношении Ц., а уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение иным составом суда.

Определение № 46-УД17-3

34. Оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо по жалобе потерпевшего при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право указанных лиц на представление доказательств, в частности право стороны обвинения на допрос свидетеля.

По приговору суда, вынесенному с участием присяжных заседателей, Б. осужден по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 и п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Он же оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, за непричастностью к его совершению.

В апелляционном представлении заместитель прокурора просил приговор отменить и направить дело на новое рассмотрение. По мнению прокурора, суд ограничил сторону обвинения в представлении доказательств, отказав в допросе свидетеля под псевдонимом «И», что повлияло на необоснованное оправдание Б. за убийство и переквалификацию его действий с разбоя на кражу.

Потерпевшая Г. в апелляционной жалобе также просила об отмене приговора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор в части осуждения Б. по п. «а»

ч. 3 ст. 158 УК РФ и оправдания по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а уголовное дело передала на новое судебное разбирательство в тот же суд иным составом со стадии отбора кандидатов в присяжные заседатели.

Судебная коллегия мотивировала свое решение следующим.

Из протокола судебного заседания следует, что наряду с иными доказательствами по эпизоду обвинения Б. в разбойном нападении на П. и его убийстве стороной обвинения были представлены показания свидетеля, указанного в списке обвинительного заключения под псевдонимом «И», чьи анкетные данные в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ сохранены в тайне на основании постановления следователя.

Показания свидетеля приведены в обвинительном заключении как доказательство стороны обвинения. Сторона обвинения от допроса указанного свидетеля не отказывалась и ходатайствовала о его вызове и допросе в судебном заседании.

Вместе с тем судом было отказано в допросе названного свидетеля. При этом, как указал суд, «его показания не относятся к существу предъявленного Б. обвинения».

В то же время из содержания приведенных в обвинительном заключении показаний свидетеля «И» следует, что его показания имеют прямое и непосредственное отношение к существу предъявленного Б. обвинения. Недопустимым доказательством его показания не признавались.

При таких обстоятельствах отказ в допросе свидетеля под псевдонимом «И» повлек ограничение права стороны обвинения на представление доказательств, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, в связи с чем приговор в части оправдания Б. по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит отмене. Поскольку обвинение в указанном преступлении связано с обвинением по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, действия по которой с учетом вердикта присяжных заседателей судом переквалифицированы на п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, приговор также подлежит отмене и в части осуждения Б. по указанному составу преступления.

При новом рассмотрении суду надлежит создать участникам процесса со стороны как защиты, так и обвинения необходимые условия для осуществления предусмотренных законом прав.

Определение № 33-АП/17-1СП

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

35. При определении размера удержаний из пенсии, являющейся для должника-гражданина единственным источником дохода, следует исходить в том числе из принципа неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника и членов его семьи.

Судебным приставом-исполнителем в отношении должников С. и А. возбуждены исполнительные производства, предметом которых являлось взыскание в пользу банка денежных средств.

Также судебным приставом-исполнителем вынесены постановления о направлении копии исполнительного документа для исполнения в пенсионный орган с требованием осуществлять удержания из пенсии должников ежемесячно в размере пятидесяти процентов от дохода каждого.

С. и А. обратились к судебному приставу-исполнителю с ходатайством об установлении указанных удержаний в размере двадцати процентов, ссылаясь на тяжелое материальное положение.

В ответе старшего судебного пристава заявителям разъяснено право обратиться в суд с заявлением о предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения судебного акта, а также указано, что ст. 99 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 221-ФЗ «Об исполнительном производстве», устанавливая предельный размер удержаний (не более пятидесяти процентов заработной платы и иных доходов), не ограничивает их фактическую сумму величиной прожиточного минимума.

С. и А. обратились в суд с административным иском с заявлением об оспаривании ответа старшего судебного пристава и бездействия указанного должностного лица, выразившегося в ненаправлении им этого ответа и неразрешении в установленном порядке ходатайства о снижении размера удержаний. Просили возложить на судебного пристава-исполнителя обязанность установить минимальный размер удержаний, поскольку они являются инвалидами II группы, имеющийся в их распоряжении остаток денежных средств не позволяет приобретать жизненно важные медикаменты и продукты питания.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

При рассмотрении административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, суд проверяет законность решения, действия (бездействия) в части, которая оспаривается, и в отношении лица, которое является административным истцом.

При этом суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в административном исковом заявлении о признании незаконными решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, и выясняет обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, в полном объеме (ч. 8 ст. 226 КАС РФ).

Порядок рассмотрения заявления, ходатайства лиц, участвующих в исполнительном производстве, определяется ст. 64¹ Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Должностное лицо службы судебных приставов по результатам рассмотрения заявления, ходатайства выносит постановление об удовлетворении полностью или частично либо об отказе в удовлетворении заявления, ходатайства, копия которого не позднее дня, следующего за днем его вынесения, направляется заявителю, должнику, взыскателю, а также в суд, другой орган или должностному лицу, выдавшим исполнительный документ (чч. 5 и 7 указанной статьи).

Вместе с тем, судебный пристав-исполнитель приведенные предписания закона не исполнил, на ходатайство об установлении меньшего размера удержаний ответил письмом, поставленные заявителями вопросы по существу не рассмотрел.

В нарушение предписаний ч. 1 ст. 64 Федерального закона «Об исполнительном производстве», содержащей открытый перечень исполнительных действий, направленных на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе, судебный пристав-исполнитель не проверил и не оценил обстоятельства, на которые ссылались в ходатайстве административные истцы, ограничившись ссылкой на то, что законодательство об исполнительном производстве не предусматривает при обращении взыскания на заработную плату или иной ежемесячный доход должника обязательного учета такого критерия, как прожиточный минимум.

Исходя из положений ст. 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве», при исполнении исполнительного документа (нескольких исполнительных документов) допускается возможность удержания не более пятидесяти процентов заработной платы и иных доходов должника-гражданина.

Вместе с тем при совершении исполнительных действий судебный пристав-исполнитель не вправе игнорировать принципы исполнительного производства, закрепленные в ст. 4 названного закона, а именно принципы законности, уважения чести и достоинства гражданина, неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи.

Поскольку исполнение судебного решения не должно приводить к нарушению прав и законных интересов должника и осуществляться без учета основополагающих принципов исполнительного производства, судебный пристав-исполнитель вправе устанавливать размер удержаний с учетом материального положения должника.

Определение № 45-КГ16-27

36. Правоотношения в сфере кадастрового учета носят публичный характер, в связи этим дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органа, осуществляющего государственный кадастровый учет недвижимого имущества, подлежат рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства.

К. обратился в суд с административным иском к ФГБУ «ФКП Росреестра» об оспаривании действий, связанных с осуществлением кадастрового учета. В обоснование требований указал, что площадь принадлежащего ему на праве собственности земельного участка помимо его воли уменьшилась в результате внесения в государственный кадастр недвижимости изменений по инициативе собственника смежного земельного участка.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, производство по административному делу прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 128 и п. 1 ч. 1 ст. 194 КАС РФ. При этом суды исходили из того, что в результате осуществления кадастрового учета в связи с уточнением площади и местоположения границ земельных участков произошло существенное уменьшение площади земельного участка административного истца, в связи с чем имеется спор о праве на земельный участок, связанный с определением его границ, затрагивающий права и законные интересы собственников смежных земельных участков и подлежащий разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные судебные акты отменила, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, которая в каждом конкретном деле осуществляется в одной из форм отправления

правосудия, в том числе путем обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч. 2).

В силу п. 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном данным кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, должностных лиц, порядок производства по которым предусмотрен гл. 22 названного кодекса.

Положения ч. 1 ст. 218 КАС РФ предоставляют гражданину право обратиться в суд с требованиями об оспаривании действий (бездействия) органа государственной власти, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, если он полагает, что нарушены его права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению прав, свобод и реализации законных интересов.

Пунктами 3, 6 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» определен состав сведений государственного кадастра недвижимости об объекте недвижимости, включающий описание местоположения границ объекта недвижимости и площадь, если объектом недвижимости является земельный участок.

Постановка на учет объекта недвижимости, учет изменений объекта недвижимости, учет части объекта недвижимости, учет адреса правообладателя или снятие с учета объекта недвижимости осуществляется в случае принятия органом кадастрового учета соответствующего решения об осуществлении кадастрового учета (ч. 1 ст. 23 названного закона).

В силу пп. 4, 5.1.3 Положения о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 2009 г. № 457, названный орган осуществляет государственный кадастровый учет недвижимого имущества, в том числе через подведомственные организации, которой является ФГБУ «ФКП Росреестра».

Анализ приведенных законоположений позволяет сделать вывод о том, что оспаривание решения государственного органа является одним из способов защиты права, выбор которого предоставлен лицу, обращающемуся за такой защитой.

К административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в

рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику.

Поскольку ФГБУ «ФКП Росреестра» реализует административные и иные публичные полномочия по исполнению и применению законов в сфере кадастрового учета, где отношения не основаны на равенстве сторон, требования об оспаривании решения названного органа об изменении сведений кадастрового учета в отношении принадлежащего административному истцу на праве собственности земельного участка вытекают из публичных правоотношений и подлежат рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства.

Определение № 11-КГ16-20

37. Вмешательство со стороны публичных властей в осуществление права на уважение личной и семейной жизни допускается лишь в случае, если такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, для охраны здоровья или нравственности, защиты прав и свобод других лиц.

Б. обратился в суд с административным иском о признании незаконным решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию. В обоснование требований указал, что оспариваемое решение принято без учета принципа соразмерности, а также фактических обстоятельств, связанных с его личной и семейной жизнью, длительностью пребывания в Российской Федерации и т.д.

Решением суда первой инстанции административный иск удовлетворен.

Суд апелляционной инстанции указанное решение отменил, принял новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Судами установлено, что Б., являясь гражданином Исламской республики Иран, проживает в Российской Федерации длительное время вместе с родителями и братьями, получил основное общее и высшее профессиональное образование, трудоустроен, женат на гражданке Российской Федерации.

Поскольку Б. семь раз привлекался к административной ответственности за совершение административных правонарушений в области дорожного движения (нарушение правил применения ремней

безопасности, превышение установленной скорости движения и т.д.), уполномоченным органом принято оспариваемое решение.

В силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать социально значимую, законную цель, а также являться необходимым в демократическом обществе.

При этом суду при рассмотрении дела всегда следует обосновывать необходимость ограничения прав и свобод человека исходя из установленных фактических обстоятельств. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества.

В силу положений статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Установленные судом первой инстанции обстоятельства дела свидетельствуют о том, что у административного истца фактически утрачены связи с Исламской республикой Иран, в связи с чем указанное решение уполномоченного органа свидетельствует о чрезмерном ограничении права на уважение частной жизни и является несоразмерным тяжести совершенных Б. административных правонарушений, характер которых не свидетельствует о проявлении крайнего неуважения к законодательству Российской Федерации.

В этой связи Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации признаны правомерными выводы суда первой инстанции о наличии оснований для удовлетворения административного искового заявления.

Определение № 25-КГ16-16

38. Действующее процессуальное законодательство наделяет прокурора правом на обращение в суд с административным иском заявлением о госпитализации гражданина в медицинскую

противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке в интересах неопределенного круга лиц.

Прокурор обратился в суд в интересах неопределенного круга лиц с административным иском о госпитализации П. в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке.

Определением судьи районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в принятии административного искового заявления отказано, поскольку закон не наделяет прокурора правом обращения в суд с указанными требованиями.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные судебные акты отменила, направив материал в суд первой инстанции для рассмотрения со стадии принятия административного искового заявления к производству суда, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 281 КАС РФ в отношении гражданина, больного заразной формой туберкулеза и неоднократно нарушавшего санитарно-противоэпидемический режим либо умышленно уклоняющегося от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза, может быть подано административное исковое заявление о его госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке.

В соответствии с ч. 1 ст. 39 КАС РФ прокурор вправе обратиться в суд с административным иском о защите прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами.

Положения данной статьи об участии прокурора в административном деле являются общими и распространяют свое действие на производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке.

Согласно п. 3 ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства.

Административное исковое заявление о госпитализации П. в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке предъявлено прокурором в целях обеспечения и защиты конституционных прав граждан, поскольку П. страдает открытой формой

туберкулеза и его уклонение от лечения создает угрозу жизни и здоровью неопределенного круга лиц.

Поскольку указанное административное исковое заявление подано прокурором исходя из предоставленных ему законом полномочий, правовых оснований для отказа в принятии этого административного искового заявления не имелось.

Определение № 78-КГПР16-67

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

39. Оставление судом без внимания положений закона, согласно которому присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении, повлекло отмену судебного акта.

Решением Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление Е. в той части, в которой он просил возложить на начальника Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю (далее – Пограничное управление) обязанность по представлению административного истца к присвоению воинского звания «лейтенант», а также направлению необходимых документов для его назначения в Пограничном управлении на соответствующую его военно-учетной специальности воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание офицера.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

По делу установлено, что Е., проходивший обучение в Хабаровском Пограничном институте ФСБ России и заключивший контракт о прохождении военной службы на период его обучения и последующие 5 лет после окончания, отчислен за неуспеваемость с освобождением его от воинской должности курсанта, после чего он был переведен к новому месту военной службы в Пограничное управление, где заключил новый контракт о прохождении военной службы и назначен на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание «старший сержант».

В мае 2014 года Е. был командирован для сдачи итоговых экзаменов и приказом начальника Пограничного института допущен к пересдаче государственного междисциплинарного экзамена. По результатам итоговой аттестации ему выдан диплом специалиста – выпускника Пограничного института.

В ноябре 2015 года начальником Пограничного управления со ссылкой на разъяснения начальника Пограничного института в удовлетворении рапорта Е. о его представлении к присвоению первого воинского звания офицера – «лейтенант» отказано.

Удовлетворяя частично административное исковое заявление и признавая данный отказ должностного лица незаконным, гарнизонный военный суд, с выводами которого согласился флотский военный суд, исходил из того, что Е., не имевший воинского звания офицера, продолжив службу в органах ФСБ России и успешно окончив высшее военно-учебное заведение с получением соответствующего диплома, приобрел право на присвоение воинского звания «лейтенант» и замещение вакантной офицерской должности в Пограничном управлении, соответствующей его военно-учетной специальности.

Эти выводы судов основаны на неправильном толковании и применении норм материального права.

В подп. «а» п. 2 ст. 21 Положения о порядке прохождения военной службы определено, что воинское звание лейтенанта присваивается военнослужащему, не имеющему воинского звания офицера, либо военнослужащему, имеющему воинское звание младшего лейтенанта, независимо от срока военной службы в этом воинском звании, окончившему высшее или среднее военно-учебное заведение, - по окончании указанного учебного заведения.

Согласно п. 17 гл. 2 Инструкции об организации работы по подготовке, оформлению и представлению документов к присвоению воинских званий военнослужащим органов федеральной службы безопасности, утвержденной приказом ФСБ России от 26 января 2013 г. № 36/ДСП, представление к присвоению первого воинского звания курсанту (слушателю) и выпускнику образовательного учреждения ФСБ России подписывается начальником этого образовательного учреждения.

Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод, что присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении.

Как усматривается из материалов дела, Е., будучи отчисленным из Пограничного института, впоследствии был допущен лишь к пересдаче одного из итоговых государственных экзаменов, однако в институте установленным порядком он не восстанавливался, курсантом данного образовательного учреждения не являлся, соответствующий контракт о

прохождении военной службы утратил силу, а его аттестация на предмет присвоения первого звания офицера не проводилась.

Таким образом, истец требованиям законодательства, предъявляемым к кандидатам на присвоение по окончании учебной организации первого звания офицера, на момент его обращения с соответствующим рапортом не отвечал, а начальник Пограничного управления не являлся компетентным лицом в решении этого вопроса.

Кроме того, Е. в Пограничном управлении проходил военную службу на воинской должности, для которой штатом предусмотрено звание «старший сержант».

Следовательно, у начальника этого управления, исходя из содержания п. 2 ст. 21 Положения о порядке прохождения военной службы, не имелось оснований ходатайствовать перед вышестоящим командованием о присвоении Е. первого офицерского звания, что допускается лишь при замещении военнослужащим не имеющим офицерского воинского звания воинской должности офицера.

С учетом изложенного выводы судов о возникшем у Е. праве на присвоение воинского звания «лейтенант» являются ошибочными.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016 г. и апелляционное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 г. по административному исковому заявлению Е. в части удовлетворения требований об оспаривании действий начальника Пограничного управления и приняла по делу в этой части новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления.

Определение № 211-КГ16-33

40. Неоднократные нарушения военнослужащим воинской дисциплины могут явиться основанием для его увольнения в связи с несоблюдением условий контракта о прохождении военной службы.

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 3 ноября 2015 г. отказано в удовлетворении административного искового заявления А., в котором она просила признать незаконными заключение аттестационной комиссии воинской части от 8 июня 2015 г. о целесообразности увольнения ее с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и приказ командира воинской части от 16 июня 2016 г. о ее увольнении по указанному основанию и исключении в связи с этим из списков части.

Апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 17 марта 2016 г. решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение, которым требования А. удовлетворены

Рассмотрев материалы административного дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла апелляционное определение окружного военного суда подлежащим отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что А. проходила военную службу по контракту в пограничных органах ФСБ России на воинской должности контроллера контрольно-пропускного пункта отдела (пограничной комендатуры).

В период с декабря 2014 года по апрель 2015 года А. трижды привлекалась к дисциплинарной ответственности: 15 января 2015 г. ей объявлен выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона; 3 февраля 2015 г. – выговор за отсутствие 31 декабря 2014 г. доклада о прибытии с лечения, грубое и некорректное обращение с начальником подразделения; 10 апреля 2015 г. – строгий выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона.

Неоднократные нарушения воинской дисциплины, а также то, что принимаемые командованием в отношении административного истца меры дисциплинарного воздействия воспитательного эффекта не имели, послужило основанием для оценки ее служебной деятельности аттестационной комиссией, которая пришла к выводу, что А. перестала удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в связи с чем ходатайствовала об увольнении ее с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Приказом командира воинской части от 16 июня 2015 г. А. уволена с военной службы в связи с невыполнением ею условий контракта и исключена из списков личного состава воинской части.

Отказывая в удовлетворении требований А., суд первой инстанции исходил из того, что процедура увольнения административного истца с военной службы командованием соблюдена, а неоднократное ее привлечение в период прохождения военной службы к дисциплинарной ответственности свидетельствует о систематических нарушениях с ее стороны условий контракта.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя административное исковое заявление, окружной военный суд в том числе указал, что совершенные А. дисциплинарные проступки грубыми не являются, данных о совершении ею уголовного или административного проступков в материалах дела не имеется.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном толковании закона.

В соответствии с ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе») условия

контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно пп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Аналогичные положения закреплены в пп. «в» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Досрочное увольнение А. с военной службы было произведено вследствие невыполнения ею условий контракта, выразившегося в недобросовестном отношении к служебным обязанностям, в том числе в совершении ряда дисциплинарных проступков при наличии неснятых дисциплинарных взысканий, а также подтвержденного неудовлетворительными оценками по предметам оперативно-боевой подготовки, отрицательной характеристикой по службе. Приведенные обстоятельства обоснованно послужили поводом для постановки вопроса о ее соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту.

Вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии негативных последствий проступков А. и об их незначительности для военной службы не может быть признан правомерным, поскольку решение этих вопросов относится к дискреционным полномочиям воинских должностных лиц.

Согласно ст. 81 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 (далее – Дисциплинарный устав), определение вины и степени тяжести совершенного военнослужащим дисциплинарного проступка находится в компетенции должностных лиц, уполномоченных проводить разбирательство и привлекать виновного военнослужащего к дисциплинарной ответственности.

Решение по вопросу досрочного увольнения А. с военной службы было принято в пределах полномочий воинских должностных лиц и с соблюдением процедуры аттестации, как это установлено п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы.

Оснований для сомнений в правильности действий административных ответчиков в процессе проведения аттестации А. не имеется.

Приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что заключение аттестационной комиссии о несоответствии А. занимаемой должности и целесообразности в связи с этим ее досрочного увольнения с военной службы, а также приказ командира воинской части в части досрочного увольнения административного истца с военной службы в

связи с невыполнением условий контракта и исключения из списков части являются законными.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможны защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем апелляционное определение окружного военного суда Судебной коллегией по делам военнослужащих было отменено и оставлено в силе решение гарнизонного военного суда.

Определение № 204-КГ16-7

41. Поскольку истец по истечении пятилетнего срока после окончания военно-учебного заведения в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось.

Решением Наро-Фоминского гарнизонного военного суда от 27 апреля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 21 июля 2016 г., Е. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным сообщение врио руководителя Федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Минобороны России (далее – ФГКУ «Востокрегионжилье») от 29 февраля 2016 г. об отсутствии оснований для выплаты ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, как участнику накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а также возложить на руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» обязанность по повторному рассмотрению его заявления с принятием решения о выплате указанных денежных средств.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе Е., Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что при рассмотрении дела судами была допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Е. в ноябре 2000 года был вселен в качестве члена семьи в квартиру, принадлежащую на праве собственности его родителям и находящуюся в г. Наро-Фоминске Московской области.

После поступления в августе 2004 года в военно-учебное заведение, дислоцированное в г. Смоленске, Е. выселился из указанной квартиры, а после окончания военно-учебного заведения он проходил военную службу в воинских частях, дислоцированных в г. Коврове Владимирской области, г. Ельне Смоленской области и с. Домна Забайкальского края.

В июне 2013 года истец приобрел в собственность в г. Наро-Фоминске Московской области квартиру как участник накопительно-

ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а в декабре 2015 года обратился в ФГКУ «Востокрегионжилье» с заявлением о выплате ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, указав, что он не является нанимателем или членом семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, собственником либо членом семьи собственника жилого помещения.

Приказами воинских должностных лиц от 24 декабря 2015 г. и от 26 декабря 2015 г. Е. уволен в отставку по состоянию здоровья – в связи с признанием его военно-врачебной комиссией негодным к военной службе, и исключен из списков части.

1 февраля 2016 г. истец снялся с регистрационного учета из квартиры родителей и зарегистрировался по адресу квартиры, принадлежащей ему на праве собственности.

Сообщением врио руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» от 29 февраля 2016 г. заявление Е. о выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, было оставлено без удовлетворения ввиду того, истец в 2000 году вселен в жилое помещение, расположенное в г. Наро-Фоминске Московской области, как член семьи основного квартиросъемщика (собственника) жилого помещения, право пользования которым им не утрачено.

Признавая отказ законным, суд первой инстанции исходил из того, что наличие у Е. права пользования жилым помещением, принадлежащим его отцу, является прямым основанием для отказа в выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения.

Соглашаясь с решением суда первой инстанции, окружной военный суд дополнительно указал, что непроживание Е. в квартире родителей не свидетельствует о том, что он не является членом их семьи, поскольку истец дал родителям согласие на приватизацию и до момента снятия с регистрационного учета за ним сохранялось право пользования этим жилым помещением.

Такой вывод судов основан на неправильном толковании закона.

Согласно пунктам 1 и 15 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» обеспечение военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, жилыми помещениями может быть реализовано в форме предоставления им денежных средств в рамках накопительно-ипотечной системы, условия и порядок участия в которой установлены Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – Закон о накопительно-ипотечной системе).

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе реализация права на жилище участниками накопительно-ипотечной системы осуществляется посредством формирования накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников и

последующего использования этих накоплений, предоставления целевого жилищного займа и выплаты денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, учтенные на именном накопительном счете участника, до расчетного размера денежных средств, которые мог бы накопить участник накопительно-ипотечной системы в период от даты предоставления таких средств до даты, когда общая продолжительность его военной службы могла бы составить двадцать лет.

Выплата денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, в силу ч. 2 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе, производится военнослужащим, участвовавшим в накопительно-ипотечной системе, или членам их семей, не являющимся нанимателями жилых помещений по договору социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения, за исключением жилых помещений, приобретенных с использованием целевых жилищных займов в соответствии с Законом о накопительно-ипотечной системе.

Из изложенного следует, что установление принадлежности истца к членам семьи собственников жилого помещения имеет существенное значение для дела, на что правильно указано в судебных актах.

Вместе с тем, признавая Е. членом семьи собственников жилого помещения – своих родителей, суды оставили без внимания, что истец после поступления в августе 2004 года в военно-учебное заведение выселился из этого жилого помещения и никогда туда больше не вселялся, а после окончания военной службы поселился и зарегистрировался в квартире, приобретенной в собственность за счет участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих.

Это обстоятельство является юридически значимым.

В соответствии с абзацем одиннадцатым п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования) сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что за такими военнослужащими сохраняются жилые помещения, в которых они проживали до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения, лишь на первые пять лет военной службы.

О сохранении за ними права на жилые помещения, занимаемые до поступления на военную службу, на более длительный срок законодательство о воинской обязанности и военной службе указаний не

содержит, а по общему правилу, в силу ч. 1 ст. 31 ЖК РФ, обязательным условием отнесения супруга собственника жилого помещения, а также его детей и родителей к членам семьи собственника жилого помещения является их совместное проживание.

Поскольку по истечении пятилетнего срока после окончания военно-учебного заведения Е. в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось.

Сохранение истцом в период военной службы регистрации в квартире, принадлежащей на праве собственности его родителям, – с учетом фактического выселения из этой квартиры в 2004 году, отсутствия ведения с этого времени общего хозяйства с ними и приобретения в собственность отдельного жилья, – не может свидетельствовать о продолжении отнесения его к членам семьи собственников жилого помещения.

Что касается дачи Е. согласия на приватизацию квартиры своим родителям, то данное обстоятельство могло иметь юридическое значение в случае его фактического проживания в жилом помещении после дачи такого согласия, поскольку согласно чч. 2 и 4 ст. 69 ЖК РФ (до 1 марта 2005 г. – ст. 53 ЖК РСФСР) равные права с нанимателем жилого помещения по договору социального найма в государственном и муниципальном жилищном фонде, в том числе право пользования этим помещением, имеют члены семьи нанимателя и бывшие члены семьи нанимателя, продолжающие проживать в занимаемом жилом помещении.

Не усматривается в действиях истца, связанных с выселением из жилого помещения, принадлежащего на праве собственности его родителям, признаков злоупотребления правом.

При таких данных распространение на Е. ограничений для получения денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, установленных ч. 2 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе, а именно отнесение его к членам семьи собственника жилого помещения, нарушает его права.

С учетом изложенного сообщение врио руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» об отсутствии оснований для выплаты истцу денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, и выводы судов о правомерности такого сообщения на законе не основаны.

Допущенные судами нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможна защита нарушенных жилищных прав истца, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Это обстоятельство явилось основанием для отмены в кассационном порядке состоявшихся по делу судебных актов и принятия по делу нового решения об удовлетворении заявления.

Определение № 201-КГ17-16

42. Не считаются командировками поездки военнослужащих на учебные сборы по подготовке к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования

Решением Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление З., в котором он просил признать незаконным отказ руководителя федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Амурской области и Республике Саха (Якутия)» (далее – ФКУ УФО) в производстве выплаты командировочных расходов для прохождения предварительного и профессионального отборов приемной комиссией для зачисления в военную образовательную организацию высшего образования в качестве слушателя.

В кассационной жалобе руководитель ФКУ УФО, указав на то, что поездки истца для предварительного и профессионального отборов не являлись служебными командировками, и были обусловлены поступлением в военно-учебное заведение, просил судебные акты отменить и принять по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела усматривается, что подполковник З. был направлен в период с 4 по 14 февраля 2015 г. для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 г. для прохождения профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж, после чего обратился за компенсацией командировочных расходов. Получив отказ в их компенсации, З. обратился в суд.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суды исходили из того, что направление З. для прохождения предварительного и профессионального отборов осуществлялось в соответствии с приказами командира воинской части, изданными на основании поступивших от

вышестоящих воинских должностных лиц указаний и плана служебных командировок Военно-воздушных сил на 2015 год, с выдачей последнему командировочного удостоверения. В этой связи суды, руководствуясь п. 20 и 36 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 г. № 185, пришли к выводу о том, что положения подп. «г» и «д» п. 125 Порядка, утвержденного Приказом № 2700 (в редакции, действовавшей на момент спорных отношений), не распространяют свое действие на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения, а поэтому З. в феврале и мае 2015 года пребывал в служебной командировке и вправе претендовать на возмещение командировочных расходов.

Между тем такой вывод основан на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане имеют право на обучение в военных профессиональных образовательных организациях, военных образовательных организациях высшего образования, иных организациях, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и реализующих программы дополнительного профессионального образования и (или) программы профессионального обучения.

Порядок и условия приема в образовательные организации высшего образования, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, утверждены приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 г. № 185 (далее – Порядок).

Согласно п. 8, 20, 30 Порядка прием на обучение в вузы включает комплекс мероприятий по отбору кандидатов на обучение слушателями и курсантами, соответствующих требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, и условиям, предусмотренных Порядком (далее – предварительный отбор), а также определению их способности осваивать образовательные программы соответствующего уровня и направленности (далее – профессиональный отбор). Предварительный отбор кандидатов из числа офицеров, поступающих в вузы на обучение слушателями, в соответствии с частными планами предварительного отбора организуется командирами воинских частей и осуществляется в целях направления в вуз для прохождения профессионального отбора наиболее подготовленных офицеров. Профессиональный отбор кандидатов из числа офицеров проводится ежегодно с 15 по 30 мая года приема в вуз приемными комиссиями высших военно-учебных заведений, в целях определения способности поступающих осваивать образовательные программы соответствующего уровня.

Исходя из изложенного, предварительный и профессиональный отборы являются неотъемлемой частью единого процесса приема в образовательные организации высшего образования.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку в соответствии с п. 125 приказа Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700 «Об утверждении порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации» (в редакции, действовавшей на момент спорных правоотношений) не считаются командировками поездки военнослужащих при выездах, связанных с поступлением на обучение и обучением в заочных федеральных государственных профессиональных образовательных организациях, федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, заочной адъюнктуры, а также при выездах на учебные сборы по подготовке военнослужащих к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования.

Эти положения, вопреки выводу судов, распространяют свое действие также на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения.

Для подготовки и сдачи вступительных экзаменов в военно-учебные заведения военнослужащим предоставляются учебные отпуска по основаниям и в порядке, предусмотренном п. 31 Положения о порядке прохождения военной службы.

Кроме того, в соответствии с абз. 4 п. 2 Инструкции о планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 мая 2012 г. № 1055, при разрешении вопроса о том, находился ли военнослужащий в служебной командировке, юридически значимыми являются обстоятельства, связанные с направлением военнослужащего по распоряжению командира (начальника), на определенный срок, в другую местность и для выполнения конкретного служебного задания вне пункта постоянной дислокации или временного расквартирования воинской части (подразделения), в которой военнослужащий проходит военную службу.

Только при наличии всех вышеперечисленных условий можно сделать вывод о нахождении военнослужащего в служебной командировке.

Из материалов же дела не усматривается, что направление З. в период с 4 по 14 февраля 2015 г. для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 г. для прохождения профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж было обусловлено выполнением служебного задания.

При таких данных прохождение З. предварительного и профессионального отборов в период с 4 по 14 февраля и с 13 по 26 мая 2015 г. является неотъемлемой частью единого процесса поступления в вуз и не было обусловлено выполнением им служебного задания, в связи с чем не может быть признано служебной командировкой.

С учетом этого оснований для компенсации З. командировочных расходов не имелось, а действия руководителя ФКУ УФО являются законными и обоснованными.

Применение судами п. 20 и 36 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 г. № 185 к вопросу оплаты командировочных расходов является ошибочным, поскольку данные правоотношения регламентируются иными нормами материального права – приказами Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700, а также от 2 мая 2012 г. № 1055 «О планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий».

Приведя указанные доводы, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 г. и апелляционное определение судебной коллегии Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 г. по заявлению З. и приняла по делу новое решение, которым отказала в удовлетворении его требований.

Определение. № 208-КГ16-42

43. Лицо, указавшее в ходе следствия место хранения им оружия, боеприпасов и взрывного устройства, подлежало освобождению от уголовной ответственности по статьям 222 и 222¹ УК РФ, поскольку до сообщения о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 25 ноября 2016 г. Т. признан виновным в том числе в незаконных хранении и ношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывного устройства, совершенных организованной группой, и осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 222 УК РФ и ч. 3 ст. 222¹ УК РФ.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила: на основании примечания к ст. 222¹ УК РФ в части осуждения Т. по ч. 3 ст. 222¹ УК РФ приговор отменила и уголовное дело прекратила; на основании примечания к ст. 222 УК РФ исключила из обвинения Т. по ч. 3 ст. 222 УК РФ указание о признании его виновным в ношении и хранении автомата АК-74, 26 патронов к нему, ручной гранаты Ф-1, изъятых при

проверке его показаний; смягчила Т. наказание по ч. 3 ст. 222 УК РФ и по совокупности других преступлений.

В обоснование Судебная коллегия по делам военнослужащих привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что Т. 12 апреля 2015 г. получил от руководителя незаконного вооруженного формирования автомат АК-74, боеприпасы – пять магазинов, снаряженных 150 патронами, ручную гранату Ф-1 и взрывное устройство УЗРГМ-2. Автомат и патроны Т. незаконно хранил и носил при себе до октября 2015 г., после чего дополнительно получил у иного участника банды автомат АК-74 и 31 патрон к нему, которые незаконно хранил и носил при себе до 16 октября 2015 г.

Один автомат АК-74, 26 патронов к нему, 5 гильз, ручную гранату Ф-1 и запал к ней УЗРГМ-2 были изъяты 16 июня 2016 г. в ходе проверки показаний Т.

Таким образом, один автомат АК-74 и боеприпасы – пять магазинов, снаряженных 150 патронами, полученные Т. от руководителя незаконного вооруженного формирования 12 апреля 2015 г., с обвинением в ношении и хранении которых в составе организованной группы он согласился, им добровольно не сданы, что не оспаривается в апелляционной жалобе. В связи с этим оснований для освобождения Т. от уголовной ответственности по всему объему обвинения по ч. 3 ст. 222 УК РФ не имеется.

Вместе с тем доводы апелляционной жалобы о необходимости исключения из осуждения Т. на основании примечаний к ст. 222 и 222¹ УК РФ обвинения в ношении и хранения предметов, изъятых органами предварительного следствия 16 июня 2016 г. в месте, указанном Т. в ходе допроса в качестве обвиняемого (оружия и боеприпасов – одного автомата АК-74, 26 патронов к нему, гранаты Ф-1 и взрывного устройства – запала УЗРГМ-2), являются обоснованными.

Судом установлено, что до сообщения Т. о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение.

При таких данных оснований для непризнания указанного сообщения добровольной сдачей этих предметов и для отказа в исключении из приговора указания об осуждении Т. за их ношение и хранение не имеется.

Тот факт, что названные предметы были изъяты в ходе проверки показаний Т., не исключает возможности применения примечаний к ст. 222 и 222¹ УК РФ, поскольку производство данного следственного действия стало возможным лишь в результате сообщения осужденного о месте их хранения, то есть после совершения действий по добровольной выдаче.

Также не препятствует применению примечания к ст. 222 и 222¹ УК РФ то обстоятельство, что данную информацию Т. довел до органов предварительного следствия после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, так как действующее законодательство не содержит указаний о недопустимости освобождения лица от уголовной ответственности по данному основанию после удовлетворения ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении соглашения.

Апелляционное определение № 205-АПУ17-7

44. Если в результате принятых мер установить место нахождения свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным, решение об оглашении его показаний может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 31 августа 2016 г. К. признан виновным и осужден за склонение двух граждан в совершение преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, и за покушение на участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, исключила из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания свидетеля У., данные им в ходе предварительного расследования.

Как усматривается из протокола судебного заседания, показания свидетеля У., несмотря на возражения стороны защиты, были оглашены по ходатайству государственного обвинителя по причине заболевания свидетеля и нахождения его на больничном. В дальнейшем сторона защиты неоднократно ходатайствовала о вызове и непосредственном допросе У. в судебном заседании, однако в удовлетворении этого ходатайства было отказано.

Между тем в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 281 УПК РФ оглашение показаний свидетеля допускается в случае тяжелой болезни, препятствующей явке в суд, а нахождение свидетеля У. на больничном к такому случаю не относится.

Кроме того, согласно ч. 2¹ ст. 281 УПК РФ решение об оглашении показаний свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, может быть

принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

Поскольку К. в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена такая возможность, то предусмотренных законом оснований для оглашения показаний свидетеля У. в судебном заседании не имелось, а поэтому они подлежат исключению из приговора.

Вместе с тем Судебная коллегия указала в апелляционном определении, что исключение названных показаний не свидетельствует о незаконности и необоснованности приговора в целом, постановленного на достаточной совокупности иных исследованных в судебном заседании доказательствах, отвечающих требованиям закона.

Апелляционное определение № 205-АПУ17-4

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. Вправе ли заказчик требовать от подрядчика возмещения расходов на устранение недостатков работ в случае, когда договором подряда не предусмотрено право заказчика их устранять, а подрядчик уклонился от исполнения соответствующего требования заказчика?

ОТВЕТ. В силу п. 1 ст. 723 ГК РФ в случаях, когда работа выполнена подрядчиком с отступлениями от договора подряда, ухудшившими результат работы, или с иными недостатками, которые делают его не пригодным для предусмотренного в договоре использования либо при отсутствии в договоре соответствующего условия непригодности для обычного использования, заказчик вправе, если иное не установлено законом или договором, по своему выбору потребовать от подрядчика: безвозмездного устранения недостатков в разумный срок; соразмерного уменьшения установленной за работу цены; возмещения своих расходов на устранение недостатков, когда право заказчика устранять их предусмотрено в договоре подряда (ст. 397).

Содержащееся в п. 1 ст. 723 ГК РФ указание на то, что названные расходы возмещаются, когда право заказчика устранять недостатки предусмотрено в договоре, направлено на защиту интересов подрядчика от действий заказчика по изменению результата работ без привлечения подрядчика, а также на уменьшение расходов заказчика, поскольку предполагается, что именно подрядчик, выполнивший работы, имеет полную информацию об их результате и, соответственно, может устранить возникшие недостатки наименее затратным способом.

Следовательно, заказчик вправе требовать возмещения расходов на устранение недостатков работ своими силами или силами третьего лица не обращаясь к подрядчику, лишь в случае, когда такое право установлено договором подряда.

При этом п. 1 ст. 723 ГК РФ не может быть истолкован как ограничивающий право заказчика на возмещение расходов на устранение недостатков в случае, если он, действуя добросовестно, предпринял меры по привлечению подрядчика к устранению недостатков, то есть направил последнему требование об их устранении в срок предусмотренный законом, иным нормативным актом или договором, а при его отсутствии – в разумный срок (в том числе незамедлительно, если это требовалось по характеру недостатков), однако подрядчик уклонился от устранения недостатков работ. В таком случае расходы заказчика на устранение недостатков работ подлежат возмещению (ст. 15, 393, 721 ГК РФ).

ВОПРОС 2. Соответствует ли закону условие договора субподряда о том, что срок оплаты выполненных субподрядчиком строительных работ исчисляется с момента сдачи генеральным подрядчиком результата этих работ заказчику или с момента получения генеральным подрядчиком оплаты от заказчика?

ОТВЕТ. Согласно п. 1 ст. 746 ГК РФ оплата выполненных подрядчиком строительных работ производится заказчиком в размере, предусмотренном сметой, в сроки и в порядке, которые установлены законом или договором строительного подряда. При отсутствии названных указаний в законе или договоре оплата работ производится в соответствии со ст. 711 ГК РФ.

По общему правилу установленный законом, иными правовыми актами, сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить (ст. 190 ГК РФ).

Вместе с тем согласно п. 1 ст. 314 ГК РФ исчисление срока исполнения обязательства допускается в том числе с момента исполнения обязанностей другой стороной или наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором. Подобным же образом, в силу ст. 327¹ ГК РФ, исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству, может быть обусловлено совершением или несовершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон.

Таким образом, само по себе не противоречит указанным нормам условие договора субподряда о том, что срок оплаты выполненных субподрядчиком строительных работ исчисляется с момента сдачи генеральным подрядчиком результата этих работ заказчику по договору или с момента получения генеральным подрядчиком оплаты от заказчика.

При этом следует учитывать разъяснения, содержащиеся в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» о защите прав стороны обязательства, начало течения срока исполнения которого обусловлено наступлением определенных обстоятельств, предусмотренных договором.

ВОПРОС 3. Может ли арбитражный суд апелляционной инстанции или арбитражный суд кассационной инстанции, образованный в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», установив, что апелляционная (кассационная) жалоба, содержащая ходатайство о восстановлении пропущенного срока ее подачи, подана в суд с нарушением требований, установленных ст. 260, 277 АПК РФ, указать на восстановление срока в определении об оставлении жалобы без движения?

Возможно ли рассмотрение ходатайства о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы, если жалоба, содержащая такое ходатайство, не подписана лицом, ее подавшим?

ОТВЕТ. По правилам ч. 3 ст. 259, ч. 3 ст. 276 АПК РФ ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной или кассационной жалобы рассматривается, соответственно, арбитражным судом апелляционной инстанции или арбитражным судом кассационной инстанции, образованным в силу Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (далее – арбитражный суд апелляционной (кассационной) инстанции), в порядке, предусмотренном ст. 117 АПК РФ.

Согласно требованиям ч. 3 ст. 259, ч. 3 ст. 276 АПК РФ во взаимосвязи с ч. 4 ст. 117 АПК РФ, с учетом положений ст. 261, 264, 278, 281 АПК РФ, п. 35 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 99 «О процессуальных сроках», ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы рассматривается

судьей единолично без извещения лиц, участвующих в деле, одновременно с решением вопроса о принятии жалобы к производству в пятидневный срок со дня его поступления в суд. Ходатайство о восстановлении срока оставлению без движения не подлежит.

Проверка апелляционной (кассационной) жалобы на соответствие требованиям ст. 260, 277 АПК РФ о форме и содержании апелляционной (кассационной) жалобы проводится в случае удовлетворения ходатайства о восстановлении пропущенного срока.

Таким образом, установлена последовательность действий судьи: сначала рассматривается ходатайство о восстановлении пропущенного срока, а затем жалоба проверяется на соответствие требованиям АПК РФ к ее форме и содержанию.

В зависимости от того, соблюдены эти требования или нет, апелляционная (кассационная) жалоба может быть принята к производству арбитражного суда апелляционной (кассационной) инстанции (ст. 261, 278 АПК РФ) или оставлена без движения (ст. 263, 280 АПК РФ).

Положения ч. 4 ст. 259, ч. 4 ст. 276 АПК РФ о том, что на восстановление пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы суд указывает в определении о принятии апелляционной (кассационной) жалобы к производству, следует применять к ситуациям, когда при рассмотрении вопроса о принятии жалобы к производству суд установит, что она подана с соблюдением требований, предъявляемых АПК РФ к ее форме и содержанию.

Если суд удовлетворяет ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы, но устанавливает, что жалоба подана с нарушением требований, предусмотренных ст. 260, 277 АПК РФ, и подлежит оставлению без движения, на восстановление пропущенного срока суд вправе указать в определении об оставлении жалобы без движения.

В случае когда ходатайство о восстановлении пропущенного срока содержится в тексте поданной с пропуском срока апелляционной (кассационной) жалобы, не подписанной лицом, ее подавшим, такое ходатайство не может быть рассмотрено судом. В связи с этим апелляционная (кассационная) жалоба подлежит возвращению судьей на основании п. 3 ч. 1 ст. 264, п. 2 ч. 1 ст. 281 АПК РФ, как поданная по истечении срока подачи жалобы и не содержащая ходатайство о его восстановлении.

ВОПРОС 4. Какой срок давности привлечения к административной ответственности подлежит применению при совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.33 КоАП РФ?

ОТВЕТ. В соответствии с п. 1 ст. 4 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (далее – Закон о техническом регулировании) законодательство Российской Федерации о техническом регулировании состоит из данного Закона, принимаемых в соответствии с ним федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

На основании Закона о техническом регулировании и требований технических регламентов органы государственного контроля (надзора) вправе требовать от изготовителя (продавца, лица, выполняющего функции иностранного изготовителя) предъявления декларации о соответствии или сертификата соответствия, подтверждающих соответствие продукции требованиям технических регламентов, или их копий либо регистрационный номер декларации о соответствии или сертификата соответствия, если применение таких документов предусмотрено соответствующим техническим регламентом (п. 1 ст. 34 Закона о техническом регулировании).

Данное право корреспондирует обязанности лица предъявлять в органы государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов, а также заинтересованным лицам документы, свидетельствующие о подтверждении соответствия продукции требованиям технических регламентов (декларацию о соответствии, сертификат соответствия или их копии) либо регистрационный номер сертификата соответствия или декларации о соответствии (п. 2 ст. 28 Закона о техническом регулировании).

Непредставление либо уклонение изготовителя, исполнителя (лица, выполняющего функции иностранного изготовителя), продавца от представления образцов продукции, документов или сведений, необходимых для осуществления государственного контроля (надзора) в сфере технического регулирования, за исключением случаев, предусмотренных ст. 8.23, ч. 2 ст. 13.4, ст. 13.8 и 14.37 КоАП РФ влечет административную ответственность такого лица по ст. 19.33 КоАП РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о техническом регулировании составляет один год.

Таким образом, поскольку непредставление лицом документов или сведений, необходимых для осуществления государственного контроля (надзора) в сфере технического регулирования (которыми в частности являются декларация о соответствии или сертификат соответствия) нарушает обязанность предусмотренную Законом о техническом регулировании, то срок давности за данное правонарушение, предусмотренное ст. 19.33 КоАП РФ, составляет один год.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

1. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2017 г. № 6-П положения ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» они предполагают – исходя из принципа полного возмещения вреда – возможность возмещения потерпевшему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, вреда, причиненного при эксплуатации транспортного средства, в размере, который превышает страховое возмещение, выплаченное потерпевшему в соответствии с законодательством об обязательном страховании гражданской ответственности.

В связи с вступлением в силу указанного постановления² из обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации подлежат исключению:

ответ на вопрос о возможности взыскания с непосредственного причинителя вреда стоимости необходимых для восстановления автотранспортного средства деталей, узлов и агрегатов без учета износа, опубликованный в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2015 г.;

пункт 22 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июня 2016 г.).

2. Из Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 февраля 2014 г., исключается раздел «2. Компенсации работнику, увольняемому в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации».

3. В связи с принятием определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2017 г. № 309-ЭС16-10730 об исправлении опечаток в тексте

² Опубликовано 15 марта 2017 г. на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru), номер опубликования: 0001201703150006.

определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. № 309-ЭС16-10730 по делу № А07-12906/2015 Арбитражного суда Республики Башкортостан внести в п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 февраля 2017 г., следующие изменения:

В восьмом абзаце п. 20 после слов «В решениях по делам» вместо слов «Лингрэнс против Австрии» от 8 июня 1986 г., «Гринберг против Российской Федерации» от 21 июня 2005 г.» читать «Лингенс против Австрии» от 8 июля 1986 г., «Гринберг против Российской Федерации» от 21 июля 2005 г.».

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 – 33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административных правоотношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам инвалидов³

³ Комитет ООН по правам инвалидов (далее – Комитет) действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. (далее – Конвенция). Российская Федерация является участником указанного международного договора.

Сообщение: *Майкл Локри против Австралии*. Сообщение № 13/2013. Соображения приняты Комитетом по правам инвалидов (далее – Комитет) 1 апреля 2016 г.

Тема сообщения: участие глухих лиц в составе жюри присяжных.

Вопрос существа: равенство и недискриминация; разумное приспособление; равенство перед законом; свобода выражения мнения; участие в политической жизни.

Правовые позиции Комитета: [о]пределение дискриминации по признаку инвалидности, содержащееся в статье 2 Конвенции, четко указывает, что «она включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении»... Комитет напоминает, что дискриминация может быть следствием дискриминационного применения какого-либо правила или меры, которые на первый взгляд являются нейтральными или не направлены на дискриминацию, но при этом несоразмерно затрагивают интересы инвалида⁴. Помимо этого, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 [Конвенции] государства-участники должны обеспечивать равенство всех лиц перед законом и по нему и их право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, и в соответствии с пунктом 3 статьи 5 государства-участники обязаны предпринимать все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления для поощрения равенства и устранения дискриминации (пункт 8.3 Соображения).

Комитет напоминает, что согласно статье 2 Конвенции «разумное приспособление» означает внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и коррективов, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод⁵. Комитет считает, что при оценке обоснованности и соразмерности шагов по обеспечению приспособления государства-участники пользуются определенной свободой толкования⁶. Однако они обязаны обеспечивать проведение обстоятельной и объективной оценки с учетом всех имеющих отношение к делу элементов до принятия решения о том, что соответствующая поддержка и адаптивные меры могли бы стать

По состоянию на 1 апреля 2017 г. Российская Федерация не признавала компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

⁴ См. сообщение № 10/2013, *С.К. против Бразилии*, Решение о неприемлемости от 2 октября 2014 г., пункт 6.4.

⁵ См. сообщение № 5/2011, *Юнгелин против Швеции*, Соображения от 2 октября 2014 г., пункт 10.4.

⁶ Там же, пункт 10.5.

несоразмерным или необоснованным бременем для государства-участника⁷ (пункт 8.4 Соображения).

Комитет напоминает, что, согласно этому положению, государства-участники обязаны принимать надлежащие меры «чтобы наделить инвалидов возможностью вести независимый образ жизни и всесторонне участвовать во всех аспектах жизни»... Комитет отмечает, что выполнение обязанностей члена жюри присяжных является важным аспектом общественной жизни по смыслу пункта 1 статьи 9 [Конвенции] как одно из проявлений гражданской позиции... Комитет также напоминает, что согласно его [3]амечанию общего порядка № 2 (2014 год) по статье 9 [Конвенции]: «доступность», обязательство обеспечивать доступность является безусловным⁸, и что крайне важно подходить к вопросу о доступности с учетом всех его аспектов, включая вопросы общения. Подобным образом доступ должен эффективно обеспечиваться наравне с другими в соответствии с запретом дискриминации, а отказ в доступе следует считать дискриминационным актом (пункт 8.6 Соображения).

Комитет напоминает, что согласно пункту b) статьи 21 Конвенции государства-участники принимают все надлежащие меры для обеспечения того, чтобы инвалиды могли пользоваться правом на свободу выражения мнения и убеждений, включая свободу искать, получать и распространять информацию и идеи наравне с другими, пользуясь по своему выбору всеми формами общения, на основе признания и поощрения использования различных средств и форматов общения в рамках официальных сношений. Комитет... напоминает, что согласно статье 2 Конвенции, «общение» включает языки и альтернативные методы, способы и форматы общения, в число которых, разумеется, входит субтитрование (пункт 8.8 Соображения).

Комитет напоминает, что согласно статье 13 [Конвенции] государства-участники обязаны обеспечивать эффективный доступ к правосудию инвалидов наравне с другими в целях содействия выполнению ими эффективной роли «прямых и косвенных участников во всех стадиях юридического процесса», в том числе путем обеспечения процессуальных и соответствующих возрасту коррективов... Комитет... напоминает, что пункт b) статьи 29 [Конвенции] требует от государств активно способствовать созданию обстановки, в которой инвалиды могли бы эффективно и всесторонне участвовать в управлении государственными делами без дискриминации и наравне с другими, и поощрять их участие в государственных делах. В этой связи следует уделять внимание участию инвалидов в деятельности системы правосудия не только в качестве истцов, жертв или обвиняемых, но и, в том числе, в форме выполнения

⁷ Там же, пункт 10.6.

⁸ См. пункт 25.

обязанностей члена жюри присяжных наравне с другими (пункт 8.9 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению жалобу автора на то, что отказ предоставить ему услуги по субтитрованию, с помощью которого он мог бы выполнять обязанности члена жюри присяжных, является дискриминационным, поскольку он равнозначен отказу в обеспечении разумного приспособления в нарушение пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции. Комитет также принимает во внимание утверждение государства-участника об отсутствии какого-либо нарушения прав автора по статье 5 [Конвенции], поскольку применимое национальное законодательство не является дискриминационным, а предусмотренное Законом о жюри присяжных дифференцированное обращение законно. Государство-участник... заявляет, что его законодательство и политика обеспечивают разумное приспособление в соответствии с требованиями Конвенции (пункт 8.2 Соображения).

[А]втор был трижды вызван повесткой для выполнения обязанностей члена жюри присяжных, в том числе два раза после того, как он сообщил, что хотел бы участвовать в процессе отбора и что при этом он будет нуждаться в субтитровании. Комитет... отмечает, что, отказывая автору в просьбе о предоставлении услуг по субтитрованию, шериф порекомендовала ему представить медицинское заключение о том, что он страдает глухотой, и сообщила, что в противном случае ему грозит штраф в размере 1 100 долл. США за неисполнение обязанности выполнять функции члена жюри присяжных. Кроме того, Управление шерифа прямо проинформировало автора о том, что он не может выполнять обязанности члена жюри присяжных в силу того, что является глухим, и при этом мотивировало свой отказ обеспечить субтитрование разделом 48 Закона о жюри присяжных 1977 года, считая, что нахождение в совещательной комнате лица, не являющегося членом жюри присяжных, будет несовместимо с принципом конфиденциальности обсуждений в жюри присяжных (пункт 8.3 Соображения).

В настоящем случае Комитет отмечает, что предоставленные государством-участником услуги коррективного характера для поддержки лиц с расстройствами слуха не позволили бы автору участвовать в работе жюри присяжных наравне с другими. Он также отмечает, что вопреки утверждениям государства-участника о том, что привлечение стенографов повлияло бы на сложность, стоимость и продолжительность судебных процессов, оно не представило никаких данных или аналитических выкладок в подтверждение того, что это явилось бы несоразмерным или необоснованным бременем. К тому же, хотя принцип конфиденциальности совещаний жюри присяжных безусловно подлежит соблюдению, государство-участник не представило аргументов в обоснование невозможности принятия каких-либо коррективных мер, в частности

приведения присяжных к присяге перед судом, чтобы позволить лицу, оказывающему услуги по субтитрованию, выполнять свои функции, не ставя под угрозу конфиденциальность совещаний в жюри присяжных. Комитет в заключение отмечает, что субтитрование не является каким-либо новшеством и что некоторые судьи и адвокаты с расстройствами слуха действительно выполняют свои повседневные функции с помощью таких устройств⁹. Исходя из имеющейся информации, Комитет считает, что государство-участник не приняло необходимых мер для обеспечения для автора разумного приспособления, и приходит к выводу о том, что отказ в предоставлении услуг по субтитрованию без надлежащей оценки вопроса о том, будет ли такая мера представлять собой несоразмерное или необоснованное бремя, равнозначен дискриминации по признаку инвалидности в нарушение прав автора по пунктам 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 8.5 Соображения).

В данном случае, отказавшись предоставить услуги по субтитрованию, государство-участник не приняло надлежащих мер для того, чтобы позволить автору выполнять обязанности члена жюри присяжных, и тем самым воспрепятствовало его участию в одном из очевидных «аспектов жизни» в нарушение его прав по пункту 1 статьи 9 [Конвенции], рассматриваемому отдельно или в совокупности со статьями 2 и 4 и с пунктами 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 8.6 Соображения).

Относительно жалобы автора по статье 21 Конвенции Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что в настоящем случае штат Новый Южный Уэльс выполнил положение о «признании и поощрении использования жестовых языков» и других средств общения и что обязательства по статье 21 [Конвенции] будут выполняться поэтапно. Комитет также отмечает мнение автора о том, что статья 21 [Конвенции] не содержит прав и обязательств, которые должны выполняться поэтапно, и что меры, которые, как утверждает государство-участник, оно приняло в плане создания глухим лицам возможностей для участия в работе жюри присяжных, не были адаптированы к его потребностям (пункт 8.7 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что присяжный заседатель является лицом, которое несет публичную ответственность за отправление правосудия «в рамках взаимодействия с другими лицами», включая других членов жюри присяжных и судебных чиновников, и что такое взаимодействие поэтому представляет собой «официальные сношения» по смыслу статьи 21 [Конвенции]. В свете вышесказанного Комитет считает, что отказ в предоставлении автору такого формата общения, в котором он нуждается для выполнения им обязанностей члена жюри присяжных, и для выражения им таким образом своего мнения в рамках

официальных сношений, равнозначен нарушению пункта b) статьи 21 [Конвенции], рассматриваемого отдельно и в совокупности со статьями 2, 4 и пунктами 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 8.8 Соображения).

По поводу жалоб автора по пункту 1 статьи 13 и статье 29 Конвенции Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что эта жалоба не имеет под собой оснований, поскольку оно считает, что под «эффективным доступом к правосудию» имеется в виду доступность системы правосудия и что термин «прямые» и «косвенные» участники не распространяется на присяжных заседателей. Государство-участник также утверждает, что положение о «разумном приспособлении» не применимо к статье 13 [Конвенции]. В свою очередь автор заявляет, что выражение «прямые и косвенные участники» касается лиц, принимающих участие в деятельности системы правосудия, и что обязательство по статье 5 [Конвенции] предоставлять «разумные приспособления» применимо к осуществлению этих прав... Комитет отмечает, что выполнение обязанностей члена жюри присяжных является неотъемлемой частью австралийской судебной системы и как таковое представляет собой «участие» в судебных процессах (пункт 8.9 Соображения).

Выводы Комитета государство-участник не выполнило свои обязательства по пунктам 1 и 3 статьи 5, пункту 1 статьи 9, пункту 1 статьи 13 [Конвенции], рассматриваемым по отдельности и в совокупности со статьей 3, пунктом 1 статьи 5, пунктом b) статьи 29 и пунктом b) статьи 21 [Конвенции], рассматриваемым по отдельности и в совокупности со статьями 2 и 4, а также пунктами 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 9 Соображения).

Комитет по правам человека¹⁰

Сообщение: *Аманда Джейн Меллет против Ирландии*. Сообщение № 2324/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 31 марта 2016 г.

Вопрос существа: жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; право на неприкосновенность личной жизни; право на получение информации; гендерная дискриминация.

Правовые позиции Комитета: как указывается в пункте 3... [З]амечания общего порядка № 20¹¹, текст статьи 7 [Пакта] не допускает

¹⁰ Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

¹¹ Комитета по правам человека.

никаких ограничений и что никакие оправдания или смягчающие обстоятельства не могут приводиться в качестве основания для нарушения статьи 7 по каким-либо причинам (пункт 7.6 Соображения).

Комитет напоминает свой ранее принятый вывод о том, что под действие этого положения [статьи 17 Пакта] подпадает решение женщины просить о прерывании беременности¹² (пункт 7.7 Соображения).

Комитет напоминает свое [З]амечание общего порядка № 16 (1988 год) о праве на неприкосновенность личной жизни, согласно которому концепция произвольности призвана гарантировать, что даже в случае допустимого по законодательству вмешательства оно должно соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае должно быть разумным с учетом конкретных обстоятельств (пункт 7.8 Соображения).

В пункте 13 [З]амечания общего порядка № 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин Комитет указывает, что: «не всякая дифференциация является дискриминацией, если критерии такой дифференциации являются разумными и объективными и если задача заключается в достижении цели, которая является законной по Пакту» (пункт 7.11 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [а]втор настоящего сообщения была проинформирована государственными медицинскими работниками на 21-й неделе беременности о том, что у ее плода имеются врожденные пороки развития и что он умрет в ее утробе или вскоре после рождения. В результате запрета аборт по ирландскому законодательству она была поставлена перед выбором: либо доносить плод в сознании того, что он вероятнее всего умрет в ее утробе, либо добровольно прервать беременность в какой-либо зарубежной стране. Статья 40.3.3 Конституции Ирландии предусматривает..., что «государство признает право на жизнь нерожденного плода и с должным учетом равного права на жизнь матери гарантирует выполнение своих законов в части уважения и, по практической возможности, своих законов в части защиты и осуществления этого права». Государство-участник утверждает, что его конституционная и законодательная база отражают гибкий и соразмерный подход к осознанным мнениям ирландского электората на глубоко нравственный вопрос о допустимых пределах защиты интересов плода и их сбалансированности с правами женщины¹³. Государство-участник также указывает, что статья 40.3.3 Конституции в толковании его Верховного суда предполагает законность прерывания

¹² См. *К.Л. против Перу*, пункт 6.4, *Л.М.Р. против Аргентины*, Соображения от 29 марта 2011 г., пункт 9.3. См. также Замечание общего порядка Комитета № 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин, пункт 10.

¹³ На время рассматриваемых событий положения Закона о преступлениях против личности предусматривали уголовное наказание в виде пожизненного тюремного заключения женщины или врача за попытку прерывания беременности.

беременности в Ирландии только при установлении наличия реальной и серьезной опасности для жизни женщины (в отличие от ее здоровья), которую можно избежать только с помощью прерывания беременности (пункт 7.2 Соображения).

Автор утверждает, что стала жертвой жестокого, бесчеловечного и унижающего ее достоинство обращения вследствие законодательного запрета на проведение аборт, поскольку в Ирландии ей было отказано, в частности, в необходимых ей медицинских услугах и психологической поддержке; что она была вынуждена выбирать между продолжением вынашивания умирающего плода и прерыванием беременности за рубежом; и поскольку она стала жертвой усиленной стигматизации. Государство-участник отклоняет утверждение автора, в частности, доводами о том, что упомянутый запрет призван обеспечивать баланс между коллидирующими правами плода и женщины; что ее жизни ничто не угрожало; и что ни одно лицо или представитель государства не были причастны к каким-либо произвольным процессам принятия решений или «нарушениям», которые бы стали причиной жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения либо способствовали этому. Государство-участник также утверждает, что его законодательная база гарантирует права граждан на получение информации об услугах по проведению абортов за рубежом (пункт 7.3 Соображения).

По мнению Комитета, если какое-либо конкретное поведение или действие является законным по внутригосударственному праву, это не означает, что оно не может нарушать статью 7 Пакта. В силу существующей нормативной базы государство-участник создало для автора условия, в которых она испытывала жестокие физические и моральные страдания. Автор как беременная женщина находилась в крайне уязвимом положении после того, как узнала, что ее долгожданная беременность не приведет к рождению живого ребенка и, как это задокументировано, в частности, в представленных Комитету заключениях о ее психологическом состоянии, испытывала жестокие физические и психические страдания, которые усугублялись невозможностью получения от системы здравоохранения Ирландии дальнейшей медицинской помощи и медицинской страховки для продолжения лечения; необходимостью выбора между продолжением беременности нежизнеспособным плодом и выездом в какую-либо страну во время вынашивания умирающего плода за свои личные средства и без поддержки со стороны своей семьи, а также возвращения в страну без полного восстановления своего здоровья; стыдом и стигматизацией, которые были обусловлены уголовным наказанием за аборт нежизнеспособного плода. Многих из описанных автором негативных последствий можно было бы избежать, если бы ей не было запрещено прервать беременность в знакомых для нее условиях собственной страны и при содействии медицинских работников, которых она знала и которым доверяла; и если бы она могла воспользоваться

предусмотренными в Ирландии и необходимыми ей льготами в области медицинской помощи, которыми пользовались другие лица, если бы она продолжала вынашивать нежизнеспособный плод в целях рождения мертворожденного ребенка в Ирландии (пункт 7.4 Соображения).

Комитет считает, что страдания автора были еще более усугублены теми препятствиями, с которыми она столкнулась при получении необходимой ей информации о надлежащих возможностях оказания ей медицинской помощи от известных ей медицинских работников, которым она доверяла. Комитет отмечает, что Закон об информации об абортах ограничивает обстоятельства, в которых любое лицо может сообщать информацию о законном получении услуг по проведению абортов в Ирландии либо за рубежом, и предусматривает уголовное наказание за пропаганду или поощрение прерывания беременности. Комитет... принимает к сведению неопровергнутое заявление автора о том, что медицинские работники не предоставили в ее случае таких сведений и что она не получила от них важнейшей информации о применимых ограничениях в отношении проведения абортов за рубежом и о наиболее уместных способах прерывания беременности с учетом ее срока беременности, что помешало получению ею необходимой медицинской и консультативной помощи и усугубило ее страдания (пункт 7.5 Соображения).

Автор утверждает, что, отказав ей в единственной возможности (прерывание беременности в Ирландии), которая обеспечивала бы соблюдение ее психической и психологической неприкосновенности и репродуктивной самостоятельности в обстоятельствах настоящего дела, государство произвольно нарушило ее право на неприкосновенность личной жизни, закрепленное статьей 17 Пакта. Комитет напоминает свой ранее принятый вывод о том, что под действие этого положения [статьи 17 Пакта] подпадает решение женщины просить о прерывании беременности¹⁴. В настоящем случае государство-участник воспрепятствовало принятию автором решения не продолжать вынашивать нежизнеспособный плод. В данном случае вмешательство было основано на положениях статьи 40.3.3 Конституции и, таким образом, не являлось незаконным по внутреннему законодательству государства-участника. Однако Комитету предстоит решить вопрос о том, было ли такое вмешательство незаконным либо произвольным согласно положениям Пакта. Государство-участник указывает на отсутствие какой-либо произвольности в принятии решения, поскольку предпринятое вмешательство было соразмерно законным целям Пакта с учетом тщательно выверенного баланса между защитой плода и прав женщины (пункт 7.7 Соображения).

¹⁴ См. *К.Л. против Перу*, пункт 6.4, *Л.М.Р. против Аргентины*, Соображения от 29 марта 2011 г., пункт 9.3. См. также Замечание общего порядка Комитета № 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин, пункт 10.

Комитет считает необоснованным тот баланс, который в настоящем случае государство-участник пыталось установить между защитой плода и правами женщины... Комитет принимает к сведению, что в результате долгожданной беременности автор вынашивала нежизнеспособный плод; что открытые для нее возможности неизбежно становились источником жестоких страданий; что ее выезд за рубеж для прерывания беременности имел для нее значительные негативные последствия, о которых говорится выше и которых можно было бы избежать, если бы ей было позволено прервать беременность в Ирландии; и что вследствие этого ей был причинен вред в нарушение статьи 7. Исходя из этого, Комитет считает, что вмешательство в принятие автором решения об оптимальном способе прерывания своей беременности нежизнеспособным плодом носило необоснованный и произвольный характер в нарушение статьи 17 Пакта (пункт 7.8 Соображения).

Автор утверждает, что криминализация аборт по признакам летальных пороков развития плода нарушала ее права на равенство и недискриминацию согласно пункту 1 статьи 2, статье 3 и статье 26. Государство-участник отвергает эту жалобу и считает, что его правовой режим относительно прерывания беременности не является дискриминационным (пункт 7.9 Соображения).

Комитет отмечает, что согласно правовому режиму государства-участника вынашивающие нежизнеспособный плод женщины, которые, тем не менее, решают донашивать его до полного срока беременности, продолжают пользоваться полной защитой со стороны государственной системы здравоохранения. Их потребности в медицинской помощи по-прежнему покрываются медицинской страховкой, и они продолжают получать медицинские услуги и консультации со стороны работников государственных медицинских учреждений в течение всего периода беременности. После выкидыша или рождения мертвого ребенка они получают полную необходимую им постнатальную медицинскую помощь и психологическую поддержку. В отличие от них женщины, которые принимают решение о прерывании беременности нежизнеспособным плодом, обязаны полагаться на собственные финансовые средства для получения таких услуг полностью вне рамок государственной системы здравоохранения. Им отказывается в медицинском страховании получаемых с этой целью услуг; они вынуждены выезжать за границу за собственные средства для проведения аборта и нести связанные с такими поездками финансовые, психологические и физические нагрузки; и им отказано в получении медицинских услуг после прерывания беременности и в необходимой им психологической поддержке в связи с тяжелой утратой. Комитет...принимает к сведению неоспоренные утверждения автора о том, что в интересах прерывания беременности нежизнеспособным плодом она была вынуждена выехать за рубеж, что повлекло за собой финансовые расходы, которые ей было трудно покрыть.

Ей также пришлось вернуться в Дублин всего лишь через 12 часов после родов, поскольку ни она, ни ее муж более не могли позволить себе оставаться в Соединенном Королевстве (пункт 7.10 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что криминализация государством-участником абортс сделала ее жертвой гендерного стереотипа репродуктивной роли женщин в первую очередь как матерей и что формирование о ней стереотипного представления как о репродуктивном инструменте стало причиной проявления в отношении нее дискриминации. Комитет считает, что дифференцированное обращение, которому была подвергнута автор по сравнению с другими находившимися в аналогичном положении женщинами, должным образом не учитывало ее медицинские потребности и социально-экономические обстоятельства и не удовлетворяло критериям разумности, объективности и законности целей. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что неоказание государством-участником необходимых автору услуг явилось проявлением дискриминации и нарушением ее прав по статье 26 Пакта (пункт 7.11 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении государством-участником прав автора по статьям 7, 17 и 26 Пакта (пункт 8 Соображения).

См. также нижеприведенные Соображения по делу *Маарлон Джеймс Нобл против Австралии*. Сообщение № 7/2012. Соображения приняты Комитетом по правам инвалидов 2 сентября 2016 г.

Вопросы административного выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Д.Т. против Канады*. Сообщение № 2081/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 15 июля 2016 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Нигерию.

Вопрос существа: право на неприкосновенность частной жизни; защита семьи; защита детей.

Правовые позиции Комитета: Комитет также напоминает о своей правоприменительной практике, согласно которой возможны случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи остаться на его территории будет связан с вмешательством в семейную жизнь этого лица. Однако один лишь тот факт, что определенные члены семьи имеют право оставаться на территории государства-участника, совсем не

означает, что предъявляемые другим членам семьи требования покинуть его территорию, представляют собой подобное вмешательство¹⁵ (пункт 7.4 Соображения).

Комитет напоминает, что понятие «произвольности» включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и должной процедуры¹⁶ наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности¹⁷. Комитет... отмечает, что в тех случаях, когда одна часть семьи должна покинуть территорию государства-участника, в то время как другая часть будет иметь право оставаться на этой территории, соответствующие критерии для оценки того, может ли быть объективно оправданным конкретное вмешательство в семейную жизнь, должны рассматриваться, с одной стороны, в свете значимости выдвигаемых государством-участником причин для высылки соответствующего лица и, с другой стороны, той серьезности положения, в котором в результате этой высылки окажется семья и ее члены¹⁸ (пункт 7.6 Соображения).

Комитет напоминает о принципе, согласно которому во всех решениях, затрагивающих ребенка, наиболее важным соображением является обеспечение его наилучших интересов (пункт 7.10 Соображения).

В том, что касается утверждения по статье 24 [Пакта], Комитет считает, что принцип учета в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка образует составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица, со стороны его семьи, общества и государства согласно требованиям пункта 1 статьи 24 Пакта¹⁹ (пункт 7.10 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение автора о том, что, учитывая состояние системы образования и здравоохранения в Нигерии, физическое и психическое здоровье ее сына будет серьезно подорвано в нарушение его прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 24 Пакта в случае, если он отправится с ней в Нигерию. Автор утверждала, что, если бы ее сыну, гражданину Канады, пришлось остаться в Канаде, он был бы разлучен со своей матерью, единственным опекуном, и его права, предусмотренные

¹⁵ См., например, сообщения № 1792/2008, *Дафин против Канады*, Соображения, принятые 28 июля 2009 г., пункт 8.1; *Вината против Австралии*, пункт 7.1; *Мадафферы против Австралии*, пункт 9.7; а также сообщение № 1222/2003, *Бьяхуранга против Дании*, Соображения, принятые 1 ноября 2004 г., пункт 11.5.

¹⁶ См., в частности, сообщение № 2009/2010, *Ильясов против Казахстана*, Соображения, принятые 23 июля 2014 г., пункт 7.4.

¹⁷ См. принятое Комитетом Замечание общего порядка № 35 (2014 год) о свободе и личной неприкосновенности, пункт 12.

¹⁸ См. *Мадафферы против Австралии*, пункт 9.8.

¹⁹ См. *Бахтияри против Австралии*, пункт 9.7.

статьей 17, пунктом 1 статьи 23 и пунктом 1 статьи 24 Пакта, были бы таким образом нарушены (пункт 7.2 Соображения).

В отношении утверждения о нарушении статьи 17 и пункта 1 статьи 23 [Пакта] Комитет отмечает приведенный государством-участником аргумент о том, что решение вопроса о том, уедет ли сын автора с ней в Нигерию или останется в [Канаде], в случае чего это приведет к разлучению ребенка и матери, будет приниматься только семьей, а не в результате действий государства (пункт 7.4 Соображения).

В данном случае Комитет считает, что вопрос о депортации в отношении матери-одиночки семилетнего ребенка, который является гражданином государства-участника²⁰, представляет собой вмешательство в семейную жизнь по смыслу статьи 17 Пакта. Комитет должен определить, является ли такое вмешательство в семейную жизнь автора произвольным или незаконным в соответствии с пунктом 1 статьи 17 Пакта и, следовательно, была ли государством предоставлена недостаточная защита для ее семьи в соответствии с пунктом 1 статьи 23 [Пакта] (пункт 7.5 Соображения).

В данном случае Комитет отмечает, что высылка автора преследовала законную цель – выполнение иммиграционного законодательства. Кроме того, государство-участник пояснило, что основанием для высылки автора послужил отклонение ее ходатайства о получении защиты беженца и это ходатайство не имеет такого правового статуса, который мог бы дать ей надежду рассчитывать на то, что она сможет остаться в Канаде, и что поэтому она обязана ходатайствовать о получении постоянного вида на жительство из-за пределов страны (пункт 7.7 Соображения).

Комитет отмечает, что сын автора сообщения А.А. [сын Д.Т.] родился в Канаде в 2004 году и уехал из Нигерии с матерью в возрасте семи лет. А.А. страдает от ряда заболеваний, включая шум в сердце и врожденный порок развития мениска, в связи с чем ему была сделана операция в Канаде. В медицинских заключениях его педиатрического хирурга указано, что эта проблема также может отразиться на его левом колене, поскольку заболевание часто носит двусторонний характер и может привести к необходимости проведения в будущем одной или нескольких артроскопических хирургических операций. Комитет отмечает, что сын автора страдает от синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (далее – СДВГ), в связи с чем ему был предписан ежедневный прием лекарств и был разработан междисциплинарный план действий в его школе в Канаде с участием специалистов в области специального образования (пункт 7.8 Соображения).

Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сердечное заболевание ребенка является доброкачественным и что необходимость проведения в будущем операции на его левом колене носит

²⁰ См. *Мадафферы против Австралии*, пункт 9.8.

гипотетический характер. Кроме того, государство-участник считает, что автор не предприняла конкретных усилий по поиску необходимых медицинских и образовательных услуг, которые могли бы быть предоставлены для ее ребенка в Нигерии (пункт 7.9 Соображения).

Комитет считает, что в данном случае государство-участник не учло в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка автора и что вследствие этого его вмешательство в семейную жизнь автора и последующая недостаточная защита, предоставленная ее семье, вызвали чрезмерные трудности для автора и ее сына. Вынесение постановления о высылке автора поставило автора перед выбором: оставить своего семилетнего ребенка в Канаде или поставить его под угрозу отсутствия медицинской и образовательной поддержки, от которых он зависит. Комитету не было представлено никакой информации, указывающей на то, что ребенок может воспользоваться какой-либо альтернативной сетью поддержки взрослых в Канаде. В связи с этим вполне разумно было предположить, что автор заберет своего сына с собой обратно в Нигерию, в результате чего он будет лишен требуемой социально-образовательной поддержки. С учетом возраста и особых потребностей сына автора оба варианта, с которыми столкнулась семья – сын, который остается один в Канаде, или возвращение автора в Нигерию, – не могут рассматриваться в качестве отвечающих его наилучшим интересам. Тем не менее государство-участник надлежащим образом не объяснило, ни почему его законная цель обеспечить соблюдение своей иммиграционной политики, в том числе требование к автору направить ходатайство на получение постоянного вида на жительство за пределами Канады, должна быть важнее наилучших интересов ребенка автора, ни то, каким образом такая цель могла бы оправдать те трудности, с которыми столкнулась семья в результате решения о высылке автора. С учетом всех обстоятельств данного дела Комитет считает, что решение о высылке автора представляет собой несоразмерное вмешательство в семейную жизнь автора и ее сына, которое не может быть оправдано в свете приведенных государством-участником причин для высылки автора в Нигерию (пункт 7.10 Соображения).

В том, что касается утверждения по статье 24 [Пакта], Комитет считает, что принцип учета в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка образует составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица, со стороны его семьи, общества и государства согласно требованиям пункта 1 статьи 24 Пакта²¹. В свете своих выводов по статье 17 и пункту 1 статьи 23 Комитет считает, что вынесенное в отношении автора решение о высылке автора нарушило статью 24 [Пакта], поскольку при этом для А.А. не было обеспечено необходимых мер, на которые он имеет право в

²¹ См. *Бахтияри против Австралии*, пункт 9.7.

качестве ребенка со стороны государства-участника (пункт 7.12 Соображения).

Выводы Комитета: депортация автора в Нигерию представляла собой нарушение ее прав, предусмотренных статьей 17, рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 1 статьи 23 Пакта, в отношении автора и ее сына, и, кроме того, пунктом 1 статьи 24 Пакта в отношении А.А. (пункт 8 Соображения).

Сообщение: *3. против Дании.* Сообщение № 2422/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдворение в Армению.

Вопрос существа: невыдворение; статус беженца; пытки.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что Апелляционная комиссия по делам беженцев сочла неправдоподобным утверждение о том, что автору будет угрожать опасность жестокого обращения в случае его возвращения в Армению. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что он представил подробные, последовательные и убедительные ответы на вопросы, поднятые национальными иммиграционными властями, и что решение Комиссии было произвольным и ошибочным. В частности, Комитет принимает к сведению аргументы автора о том, что Комиссия необоснованно обосновала свой вывод о неправдоподобности следующих заявлений автора: а) что он жил в Беларуси; что он смог установить местонахождение своей матери в Азербайджане по адресу, указанному в письме, которое она направила ему в детский дом; что он провел два года, не выходя из дома матери; что Х. и А. смогли раздобыть военный грузовик после перехода границы с Азербайджаном; и что автор смог перейти через мост в Азербайджан после бегства из армии, и при этом его никто не преследовал. В то же время Комитет считает, что, хотя автор не согласен с выводами Комиссии по этим вопросам, он не продемонстрировал, что ее выводы были явно необоснованными или носили произвольный характер по причине того, что в ходе рассмотрения дела на национальном уровне утверждениям автора было уделено недостаточное внимание. Кроме того, что касается утверждения автора о том, что он подвергся преследованиям, надругательствам и оскорблениям в армии из-за своего наполовину азербайджанского происхождения, Комитет отмечает, что автор не ответил на замечания государства-участника относительно наличия противоречий в представленных им национальным органам власти показаниях относительно предполагаемого покушения на изнасилование его брата военнослужащими²² и того факта, что во время

²² См. пункт 4.5 выше.

беседы с сотрудниками Иммиграционной службы Дании он не упоминал о состязаниях, в ходе которых они с братом подвергались издевательствам и оскорблениям со стороны военнослужащих по причине их этнической принадлежности²³. Поэтому на основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет не может сделать вывод о том, что существуют серьезные основания полагать, что автору будет угрожать реальная опасность причинения непоправимого вреда, такого, как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта, в случае его возвращения в Армению (пункт 7.3 Соображения).

Выводы Комитета: высылка автора в Армению не будет представлять собой нарушения его прав, предусмотренных статьей 7 Пакта (пункт 8 Соображения).

Комитет против пыток²⁴

Сообщение: *Р.М. против Швеции*. Сообщение № 610/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 30 ноября 2016 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Бангладеш.

Вопрос существа: предотвращение принудительного возвращения; предупреждение пыток.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в случае депортации в Бангладеш он рискует подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, со стороны членов партии «Авами лиг» и сотрудников местной правоохранительной структуры. Однако Комитет отмечает, что объем представленного заявителем сообщения составляет всего полстраницы и что в нем нет никакой подробной информации ни о его политической деятельности в Бангладеш, ни о вынесенном ему ранее обвинительном приговоре от 24 ноября 2005 г. за применение пыток и изнасилование, ни о том, почему упомянутая правоохранительная структура проявляла к нему интерес. Содержание всех представленных заявителем документов, а именно писем представителя Националистической партии Бангладеш, отца заявителя, его адвоката и председателя Национальной комиссии по правам человека, ограничивается утверждением о том, что заявителю грозит опасность из-за его политической принадлежности, без разъяснения его роли в рядах Националистической партии

²³ См. пункт 4.4 выше.

²⁴ Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

Бангладеш или его предшествующей политической деятельности. С учетом вышеизложенного Комитет отмечает, в частности, что заявитель, несмотря на утверждения о его политическом преследовании в Бангладеш, обратился в консульство Бангладеш в Швеции и получил паспорт, не сообщая о каких-либо проблемах. Комитет также отмечает, что в деле нет ни одного доказательства утверждений заявителя о том, что он ранее подвергался пыткам. По этому аспекту заявитель не привел ни сроков, ни подробностей, ни подтверждающих документов. Исходя из представленных ему материалов, Комитет не в состоянии определить, подвергался ли заявитель в прошлом какому-либо преследованию или жестокому обращению или будет ли ему грозить персональная опасность применения пыток в случае его возвращения в Бангладеш. Учитывая вышеизложенное, Комитет приходит к выводу, что заявителю не удалось в достаточной степени обосновать свои утверждения для целей приемлемости (пункт 6.3 Решения).

Выводы Комитета: сообщение считать неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции (пункт 7 Решения).

Сообщение: *A. против Канады.* Сообщение № 583/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 9 мая 2016 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Индию.

Вопрос существа: произвольное задержание; дискриминация; недопустимость принудительного возвращения; статус беженца; право на жизнь; пытки.

Правовые позиции Комитета: [в] связи с утверждением заявителя по статье 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.]²⁵ Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность применения пыток в случае его возвращения в Индию. При оценке такой опасности Комитет должен принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Комитет напоминает, что целью...оценки является определение того, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, возвращению в которую оно подлежит²⁶. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточной причиной полагать, что

²⁵ Далее – Конвенция.

²⁶ См., в частности, сообщение № 470/2011, *X. против Швейцарии*, Решение, принятое 24 ноября 2014 г., пункт 7.2.

тому или иному конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток по возвращению в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо в тех или иных конкретных обстоятельствах не может быть подвергнуто пыткам (пункт 7.2 Решения).

Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения), согласно которому при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий «высокой степени вероятности», Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргументы, доказывающие, что ему грозит «предсказуемая, реальная и личная» опасность²⁷. Комитет... напоминает, что согласно его [З]амечанию общего порядка № 1 он в значительной степени опирается на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника, но при этом Комитет не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу²⁸ (пункт 7.3 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [п]ри оценке риска применения пыток... Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о наличии предсказуемой, реальной и личной опасности того, что он будет подвергнут пыткам и, возможно, убит в случае возвращения в Индию, поскольку власти в Пенджабе подозревают его в оказании содействия боевикам и планировании вместе с двоюродным братом убийства руководителей. Комитет отмечает, что заявитель не представил достаточно подробную информацию в обоснование этих утверждений. Например, он не представил сведений о конкретных действиях, в причастности к которым полиция его подозревает, или о лицах, с которыми, согласно подозрениям, он был заодно при осуществлении этих действий. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-

²⁷ См., в частности, сообщения № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., и сообщение № 258/2004, *Дадар против Канады*, Решение, принятое 23 ноября 2005 г.

²⁸ См., в частности, сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, Решение от 6 мая 2010 г., пункт 7.3.

участника о том, что его национальные органы пришли к выводу, что заявитель не внушает доверие, поскольку, в частности, он в течение трех лет готовился к выезду из Индии и его действия свидетельствуют о намерении продолжить учебу в Канаде: в 2008 году он получил паспорт; в 2009 году он посещал различные курсы английского языка; он подал заявление на канадскую студенческую визу после зачисления в университет на курс по специальности «Менеджмент и медицинские технологии»; он никогда не утверждал, что был связан с каким-либо политическим или радикальным движением; и ему удалось без труда выехать из Индии по действительному паспорту с канадской студенческой визой, несмотря на то, что полиция якобы подозревала его в намерении убить одного руководителя (пункт 7.4 Решения).

Комитет принимает к сведению документацию, представленную заявителем в обоснование утверждения о том, что он подвергался пыткам. Вместе с тем Комитет отмечает, что компетентные органы государства-участника тщательно оценили доказательства, представленные заявителем, и признали их ограниченную доказательную ценность в силу их содержания и времени их появления²⁹. Кроме того, Комитет отмечает, что заявитель не представил каких-либо документальных доказательств того, что против него возбуждено какое-либо уголовное дело или что индийские власти выдали ордер на его арест³⁰. Комитет полагает, что власти государства-участника надлежащим образом изучили основные аспекты утверждений заявителя, прежде чем вынести отрицательное заключение относительно его правдивости. Поэтому Комитет не считает убедительным утверждение заявителя о том, что, несмотря на то, что он уехал из Индии в январе 2010 года, власти в Пенджабе продолжают преследовать и допрашивать членов его семьи в целях установления его местонахождения (пункт 7.5 Решения).

Выводы Комитета: заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае его принудительной высылки в Индию он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Решение Европейского Суда по правам человека³¹ по жалобе № 25923/15 «*A.P. против России*» (вынесено и вступило в силу 10 мая

²⁹ См. пункт 4.5 выше.

³⁰ См., в частности, сообщение № 555/2013, *З. против Дании*, Решение, принятое 10 августа 2015 г., пункт 7.7.

³¹ Далее также – Европейский Суд, Суд.

2016 г.), которым отклонены жалобы заявителя на нарушения статей 3, 8 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.³² в связи с объявлением ему официального предостережения ФСБ России о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступления, и аннулированием разрешения на его временное проживание в Российской Федерации, что, по мнению заявителя, создавало для него угрозу разлучения с семьей в результате принудительного перемещения в Республику Таджикистан, где для него существовала угроза пыток.

Заявитель утверждал, что предостережение ФСБ России в отношении него в контексте аннулирования его разрешения на проживание и отклонения других оснований для его пребывания в Российской Федерации создало ситуацию, в которой он неотвратимо подлежал выдворению в Таджикистан, где для него существовала угроза обращения, нарушающего положения статьи 3 Конвенции. Кроме того, обстоятельства дела влекли или могли повлечь за собой нарушение статьи 8 Конвенции. Наконец, заявитель также утверждал, что в обстоятельствах дела он не располагал какими-либо эффективными средствами правовой защиты.

Европейский Суд принял во внимание довод Властей о том, что «...заявитель мог открыто требовать судебного пересмотра решения об аннулировании его разрешения на временное проживание» (пункт 56 решения).

Суд отметил, что «...решение об аннулировании разрешения заявителя на проживание содержало четкое и однозначное требование покинуть Российскую Федерацию, в противном случае он будет депортирован; отказ в удовлетворении его ходатайства о предоставлении статуса беженца также предусматривал, что он должен покинуть Российскую Федерацию... вышеизложенное не обязательно подразумевает, что выдворение заявителя неизбежно и вытекает из обстоятельств дела. Согласно российскому законодательству, решение, требующее выдворения иностранного гражданина из страны, принимается до того, как такой иностранный гражданин может быть выдворен, например, постановление об экстрадиции, решение, предусматривающее наказание в форме административного выдворения за административное правонарушение, или решение о нежелательности пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина и его депортации... и любое подобное постановление о выдворении... может быть обжаловано. В отсутствие какого-либо из таких решений по общему правилу нельзя говорить, что заявитель является «жертвой» потенциального нарушения статьи 3 Конвенции, как в настоящем деле, ввиду риска жестокого обращения в Таджикистане» (пункт 57 решения).

³² Далее – Конвенция.

Европейский Суд подчеркнул, что ему не были представлены «...какие-либо доказательства того, что таджикские власти предпринимали какие-либо действия с целью возвращения заявителя в Таджикистан (например, запрос об экстрадиции или постановление об установлении слежки за заявителем), или что российские власти сообщали таджикским властям о своих подозрениях в отношении заявителя» (пункт 59 решения).

Суд заключил, что «...признаки, позволяющие сделать вывод или допустить, что таджикские власти имеют или вероятно могут иметь «негативную заинтересованность» в заявителе, и что заявитель подвергается риску или страдает вследствие «замаскированной экстрадиции», отсутствуют... [Ж]алоба заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции в настоящее время лишена оснований. Следовательно, в настоящее время в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункты 59-60 решения).

В отношении нарушений статей 8 и 13 Конвенции Суд установил, что «...в отсутствие постановления об административном выдворении доводы заявителя относительно будущих негативных последствий для его «семейной жизни», вытекающие из его выдворения с территории Российской Федерации, были и остаются спекулятивными. Следовательно, в настоящее время в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 63 решения).

Суд пришел к выводу, что «...национальные власти допускали продолжение пребывания заявителя в стране в период различных административных и судебных разбирательств с его участием после аннулирования его разрешения на проживание, а затем также в соответствии с указанием Суда, содержащимся в правиле 39 Регламента Суда. Соответственно, данная часть жалобы, в том виде, в котором она была представлена Суду, является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 64 решения).

См. также нижеприведенные постановления Европейского Суда по жалобам № 58923/14 «*Холмуродов против России*» (вынесено 1 марта 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.) и № 14348/15 «*У.Н. против России*» (вынесено 26 июля 2016 г., вступило в силу 28 ноября 2016 г.)

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Запрет пыток

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Каюм Ортиков против Узбекистана*. Сообщение № 2317/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 26 октября 2016 г.

Тема сообщения: право не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; произвольные аресты и задержания; справедливое судебное разбирательство; право на эффективные средства правовой защиты

Вопрос существа: пытки; пытки – оперативное и беспристрастное расследование; произвольный арест – содержание под стражей; эффективные средства правовой защиты; справедливое судебное разбирательство; справедливое судебное разбирательство – правовая помощь; справедливое судебное разбирательство – право на рассмотрение дела в присутствии обвиняемого.

Правовые позиции Комитета: лица, лишённые свободы, не могут подвергаться каким-либо лишениям или тяготам, помимо тех, которые являются результатом лишения свободы, и что обращение с ними должно быть гуманным и обеспечивающим уважение их достоинства³³. Он также отмечает, что содержание под стражей без связи с внешним миром несовместимо с обязательством обращаться с заключёнными гуманно и с уважением их достоинства³⁴ (пункт 10.4 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о пытках в полицейском следственном изоляторе № 64/1 в Ташкенте с февраля по август 2009 года. Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что после жалобы брата автора от 8 мая 2009 г. Главное управление по вопросам исполнения наказаний провело расследование, однако не обнаружило каких-либо доказательств якобы имевшего место жестокого обращения. Он также отмечает, что в медицинских документах, представленных автором, отмечаются различные увечья, но не указывается их причина и происхождение. Вместе с тем Комитет также отмечает, что государство-участник не представило конкретную информацию о расследовании, проведенном Главным управлением по исполнению наказаний. Оно также не представило Комитету никаких документов в подтверждение своих заявлений о состоянии здоровья автора в момент его перевода в тюрьму и выхода из нее. Комитет также отмечает, что автор

³³ См. Замечание общего порядка № 21 (1992 год) о праве лиц, лишённых свободы, на гуманное обращение, пункты 3–4; и Сообщения № 1780/2008, *Зарзи против Алжира*, Соображения, принятые 22 марта 2011 г., пункт 7.8, и № 1753/2008, *Гезут и Ракик против Алжира*, Соображения, принятые 19 июля 2012 г., пункт 8.8.

³⁴ См. Сообщение № 1781/2008, *Берзиг против Алжира*, Соображения, принятые 31 октября 2011 г., пункт 8.8.

был подвергнут продолжительному содержанию под стражей без связи с внешним миром (почти три месяца), что является фактом, которое государство-участник не оспаривает, и само по себе может представлять одну из форм пыток или жестокого, бесчеловечных или унижающих достоинство обращения и наказания, особенно в тех случаях, когда период такого содержания под стражей без связи с внешним миром не установлен органами правопорядка и является, по сути, бессрочным³⁵. Он... отмечает, что родственники автора направили по крайней мере 12 жалоб (прилагаются к первоначальному представлению) по поводу обращения с автором во время содержания под стражей в различные государственные органы, в том числе в Генеральную прокуратуру, Управление внутренних дел города Ташкента, Службу национальной безопасности и Верховный суд, однако заявителям не было представлено никакой информации о каких-либо следственных мерах, принятых властями в связи с этими жалобами. В свете вышеизложенного, принимая во внимание детальное описание фактов в утверждениях автора о многочисленных актах пыток, которым он был подвергнут в следственном изоляторе № 64/1, а также неспособность государства-участника опровергнуть эти утверждения с помощью надлежащих документальных доказательств и учитывая конкретный контекст длительного содержания автора под стражей в СИЗО в нарушение требований национального законодательства, что не получило разъяснения со стороны государства-участника, а также то, что государство-участник не провело эффективного расследования утверждений автора о применении пыток, Комитет приходит к выводу о нарушении прав автора по статье 7 Пакта, рассматриваемых отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах³⁶ (пункт 10.2 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о нарушении его прав по статье 9 Пакта, так как он содержался в следственном изоляторе полиции с 8 февраля 2009 г. по 7 сентября 2009 г., тогда как согласно статье 54 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан осужденный должен быть переведен из следственного изолятора в тюрьму не позднее, чем через 10 дней после получения СИЗО окончательного судебного приговора. Не получив от государства-участника никаких разъяснений относительно этого утверждения, Комитет приходит к выводу о том, что содержание автора под стражей в СИЗО № 64/1 представляло собой нарушение установленной законом процедуры. Поэтому Комитет

³⁵ См. сообщения № 992/2001, *Бусруаль против Алжира*, Соображения, принятые 30 марта 2006 г., пункт 9.8, и № 2297/2013, *Шани против Алжира*, Соображения, принятые 11 марта 2016 г., пункт 7.3.

³⁶ См. Замечание общего порядка Комитета № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 11.

приходит к выводу о нарушении прав автора по пункту 1 статьи 9 Пакта (пункт 10.3 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о его продолжительном содержании без связи с внешним миром в следственном изоляторе № 64/1 с 8 февраля 2009 г., а также отмечает, что его адвокату было разрешено посетить его в первый раз 4 мая 2009 г. и что его жена встретила с ним лишь 8 октября 2009 г. после его перевода в тюрьму. Государство-участник не опровергло это утверждение автора, однако заявило, что автор отказался от свиданий со своими родственниками. С учетом сделанного ранее вывода об отсутствии надлежащей реакции со стороны государства-участника на утверждения о том, что права автора по статье 7 Пакта были нарушены, Комитет не считает высокой доказательственную силу якобы имевшего место отказа автора от свиданий с родственниками. Он также отмечает, что государство-участник не утверждало, что автор отказался встречаться со своим адвокатом... В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что продолжительное содержание автора под стражей без связи с внешним миром также является нарушением его прав по пункту 1 статьи 10 Пакта (пункт 10.4 Соображения).

Выводы Комитета: представленная информация свидетельствует о нарушении государством-участником прав автора по статье 7, рассматриваемой отдельно и в сочетании с пунктом 3 статьи 2, пунктом 1 статьи 9 и пунктом 1 статьи 10 Пакта (пункт 11 Соображения).

Сообщение: *Жахангир Базаров против Кыргызстана*. Сообщение № 2187/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 21 октября 2016 г.

Тема сообщения: пытки и жестокое обращение в период содержания под стражей; несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: пытки; справедливое судебное разбирательство – правовая помощь; произвольный арест – произвольное содержание под стражей; дискриминация по признаку этнического происхождения.

Правовые позиции Комитета: [п]о поводу обязательства государства-участника надлежащим образом расследовать утверждения автора о пытках Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой уголовное расследование и последующее привлечение к ответственности представляют собой необходимые средства восстановления нарушенных прав человека, таких как права, защищаемые статьей 7 Пакта³⁷ (пункт 6.3 Соображения).

³⁷ См. Замечания общего порядка Комитета № 20, пункт 14, и № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, пункт 18.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает во внимание утверждения автора о том, что в ряде случаев он был подвергнут пыткам и другим видам жестокого обращения. Комитет отмечает, что автор сообщил о пытках как Ошскому областному суду, так и Верховному суду Кыргызстана. Он также принимает к сведению признание государства-участника о том, что автор заявил о применении к нему пыток. Вместо проведения быстрого и беспристрастного расследования компетентными органами³⁸ государство-участник объясняет жалобы автора его желанием избежать наказания за преступное поведение. Комитет также отмечает, что автор и его адвокаты представили судам фотографии со следами пыток, результаты медицинского обследования, подтверждающие признаки пыток, а также показания свидетелей. Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела и, в частности, в свете того, что государство-участник не дало объяснений по поводу заметных следов жестокого обращения, которые неоднократно видели свидетели, утверждениям автора следует придавать соответствующий вес (пункт 6.2 Соображения).

Комитет отмечает, что согласно материалам дела не было проведено расследования утверждений о пытках, несмотря на ряд инкриминирующих показаний свидетелей. Исходя из обстоятельств данного дела Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7 Пакта при рассмотрении ее отдельно, а также совместно с пунктом 3 статьи 2 [Пакта] (пункт 6.3 Соображения).

Комитет... принимает к сведению заявления автора по пункту 1 статьи 9 [Пакта] о том, что он был произвольно задержан с 19 июля по 24 июля 2010 г., когда вопрос о его содержании под стражей был рассмотрен Ошским городским судом. Автор утверждает, что государство-участник подвергло его произвольному задержанию до 24 июля 2010 г., с тем чтобы дать возможность сотрудникам милиции применить к нему пытки. Государство-участник утверждает, что автор был задержан только 24 июля 2010 г. [А]втор утверждает, что в течение нескольких дней его произвольного содержания под стражей его пытали несколько сотрудников милиции, принуждая его к даче признательных показаний. По утверждению автора, эти признательные показания были приняты за основу вынесенного 27 августа 2010 г. обвинительного приговора в нарушение его прав согласно подпункту g) пункта 3 статьи 14 [Пакта]. Принимая во внимание выводы Комитета относительно нарушений статьи 7 и неспособность или нежелание государства-участника расследовать утверждения автора о пытках и непровергнутый факт использования полученных под принуждением признательных показаний автора в качестве доказательства и основы вынесенного ему обвинительного

³⁸ См. Замечание общего порядка Комитета № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14.

приговора, Комитет считает, что также были нарушены права автора в соответствии с пунктом 1 статьи 9 и подпунктом g) пункта 3 статьи 14 Пакта (пункт 6.4 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7 при рассмотрении ее отдельно, а также совместно с пунктом 3 статьи 2, пунктом 1 статьи 9 и подпунктом g) пункта 3 статьи 14 Пакта (пункт 7 Соображения).

Сообщение: *Междуб Шани против Алжира*. Сообщение № 2297/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: применение пыток и произвольное содержание под стражей.

Вопрос существа: пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; произвольное содержание под стражей; свобода передвижения; равные возможности и справедливое судебное разбирательство; лишение защиты закона.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает³⁹, что бремя доказывания... утверждений лежит не только на авторе сообщения, тем более что автор и государство-участник не всегда имеют одинаковый доступ к элементам доказательств и что зачастую лишь государство-участник располагает необходимыми сведениями. Как это косвенно вытекает из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, государство-участник обязано провести добросовестное расследование всех утверждений о нарушении Пакта, выдвигаемых против него и его представителей, и передать Комитету сведения, которыми оно располагает. В тех случаях, когда автор представляет государству-участнику утверждения, которые подкреплены достоверными доказательствами и дальнейшее уточнение которых зависит от информации, имеющейся исключительно у государства-участника, Комитет может признать утверждения автора обоснованными, если государство-участник их не опровергнет, представив удовлетворительные разъяснения или доказательства (пункт 7.2 Соображения).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, в котором он

³⁹ Сообщения № 146/1983, *Бабоерам Адхин и др. против Суринама*, Соображения, принятые 4 апреля 1985 г., пункт 14.2; № 139/1983, *Контерис против Уругвая*, Соображения, принятые 17 июля 1985 г., пункт 7.2; № 202/1986, *Грасиэла Ато дель Авельянал против Перу*, Соображения, принятые 28 октября 1988 г., пункт 9.2; № 30/1978, *Блейер против Уругвая*, Соображения, принятые 29 марта 1982 г., пункт 13.3; № 107/1981, *Мария дель Кармен Альмейда де Кинтерос против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 г., пункт 11; № 992/2001, *Бусруаль против Алжира*, Соображения, принятые 30 марта 2006 г., пункт 9.4.

рекомендует государствам-участникам принять меры в целях запрещения содержания под стражей в режиме строгой изоляции (пункт 7.3 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению жалобы автора согласно статье 7 Пакта. Комитет признает степень страданий, причиненных содержанием под стражей без связи с внешним миром в течение определенного периода времени... [Комитет] отмечает, что автор содержался под стражей в режиме строгой изоляции 20 дней и в течение этого времени был лишен возможности связаться со своей семьей, врачом или адвокатом. Комитет...принимает к сведению утверждения автора о том, что он подвергался пыткам во время своего содержания под стражей в режиме строгой изоляции в период с 17 сентября по 6 октября 2009 г. Он отмечает утверждения автора о том, что сотрудники Департамента разведки и безопасности по пять–шесть раз в день подвергали его допросам, в ходе которых ему систематически давали пощечины, пинали ногами, наносили удары кулаками, плевали в лицо и подвергали удушению; и что они неоднократно заставляли его раздеваться и мочились на него, когда он просил принять душ. Комитет отмечает, что государство-участник ограничилось отрицанием этих утверждений, сославшись на то, что они исходят только от автора, хотя в протоколе допроса обвиняемого по тому же делу, который следователь проводил 18 ноября 2009 г., зафиксированы аналогичные утверждения. Комитет... отмечает, что автор заявлял об актах пыток, которым он неоднократно подвергался в ходе разбирательства. В отсутствие расследования этих утверждений или убедительных доказательств, помимо медицинской справки, которая не позволяет говорить о проведении тщательного медицинского осмотра по истечении срока содержания под стражей и доказательная сила которой была поставлена автором под вопрос, Комитет приходит к выводу о нарушении государством-участником статьи 7 [Пакта], рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 7.3 Соображения).

В отношении статьи 9 [Пакта] Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он был арестован 17 сентября 2009 г. и содержался под стражей в режиме строгой изоляции и без связи с внешним миром, и в частности без контакта с адвокатом или членами своей семьи, и что его содержание под стражей в неизвестном месте проходило без контроля со стороны прокуратуры, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо действий со стороны прокурора до 6 октября 2009 г. – даты окончания срока его содержания под стражей. Комитет отмечает, что, по словам автора, в материалах дела не содержатся ни основания для заключения под стражу, ни разрешение прокурора на заключение под стражу, ни разрешение прокурора на продление содержания под стражей, что свидетельствует о произвольном аресте и заключении под стражу автора. Комитет также отмечает отсутствие расследования государством-

участником предполагаемого произвольного ареста и содержания автора под стражей в режиме строгой изоляции, несмотря на жалобы, поданные автором. Комитет считает, что в связи с непредставлением государством-участником каких-либо разъяснений по поводу отсутствия в судебном деле материалов, касающихся точной даты ареста автора, оснований для его ареста и законности его заключения под стражу, и в связи с непроведением расследования по этим утверждениям государство-участник нарушило статью 9 [Пакта], рассматриваемую отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 7.5 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении статей 7 и 9 Пакта, рассматриваемых отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 8 Соображения).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Вячеслав Бережной против Российской Федерации. Сообщение № 2107/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 28 октября 2016 г.

Тема сообщения: незаконное содержание под стражей несовершеннолетнего и несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: правосудие в отношении несовершеннолетних; опекун/опека; справедливое судебное разбирательство – юридическая помощь, справедливое судебное разбирательство – неоправданная задержка, принуждение к даче показаний.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Пакта каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо «в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть». Комитет напоминает..., что, хотя точное значение слов «в срочном порядке» может различаться в зависимости от фактических обстоятельств, задержка не должна превышать нескольких дней с момента ареста. По мнению Комитета, 48 часов обычно достаточно для транспортировки лица и подготовки к судебному заседанию; любая задержка сверх 48 часов должна носить исключительный характер и оправдываться конкретными обстоятельствами⁴⁰. Особо строгий стандарт срочности, такой как 24 часа,

⁴⁰ См. Замечание общего порядка № 35 (2014) о праве на свободу и личную неприкосновенность, пункт 33.

следует применять в отношении несовершеннолетних⁴¹ (пункт 9.2 Соображения).

Комитет напоминает, что согласно пункту 4 статьи 9 Пакта и его давним решениям помещенному под стражу лицу принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог вынести постановление относительно законности его задержания. При отсутствии законных оснований для дальнейшего содержания под стражей судья должен принять решение об освобождении⁴² (пункт 9.3 Соображения).

Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 17 (1989) о правах ребенка, [З]амечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство и на свои решения, в которых говорится, что обвиняемые несовершеннолетние лица имеют право как можно скорее предстать перед судом в рамках справедливого разбирательства. Пункт 2 b) статьи 10 [Пакта] усиливает для несовершеннолетних требования пункта 3 статьи 9 [Пакта] в отношении скорейшего предания суду задержанных до суда лиц⁴³ (пункт 9.4 Соображения).

Комитет напоминает, что в подпункте 3 b) статьи 14 [Пакта] предусматривается, что обвиняемые лица должны иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранными ими самими защитниками. Это положение является важным элементом гарантии справедливого судебного разбирательства и применения принципа равенства состязательных возможностей⁴⁴ (пункт 9.5 Соображения).

Что касается утверждений автора о том, что его права по пункту 4 статьи 14 [Пакта] были нарушены, Комитет ссылается на статью 24 Пакта и указывает, что в уголовном судопроизводстве несовершеннолетние нуждаются в специальной защите⁴⁵ (пункт 9.7 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению не опровергнутые утверждения автора о том, что он был задержан 16 февраля 1995 г., официально помещен под стражу до суда 18 февраля 1995 г. в соответствии с постановлением прокурора, однако был доставлен к судье лишь через несколько месяцев – в день начала судебного разбирательства. Комитет напоминает, что обязательным элементом надлежащего исполнения судебной власти является проведение разбирательства по соответствующему делу независимым, объективным и беспристрастным судом и что прокурор не может рассматриваться в качестве должностного лица, уполномоченного осуществлять судебную

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, пункт 36.

⁴³ Там же, пункт 59.

⁴⁴ См. Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 32.

⁴⁵ Там же, пункт 42.

власть по смыслу пункта 3 статьи 9 Пакта⁴⁶. Исходя из этого, Комитет приходит к выводу, что вышеуказанные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пункту 3 статьи 9 Пакта (пункт 9.2 Соображения).

Комитет отмечает не получившие опровержения утверждения автора о том, что он незаконно содержался под стражей с 18 мая 1995 г. до начала судебных слушаний 5 марта 1996 г. Комитет также отмечает, что государство-участник не представило никакой информации относительно местонахождения автора в течение этого времени... В данном случае автор не только не был доставлен к судье для вынесения первоначального постановления о заключении под стражу, но и не имел возможности принять участие в разбирательстве его дела в суде с целью оспорить законность своего содержания под стражей, что является прямым нарушением положений пункта 4 статьи 9 Пакта. В этой связи Комитет приходит к выводу, что противозаконное заключение автора под стражу нарушило его права по пункту 4 статьи 9 Пакта. С учетом этого вывода Комитет принимает решение не рассматривать жалобы автора по пунктам 1 и 2 статьи 9 Пакта отдельно (пункт 9.3 Соображения).

Комитет отмечает, что автор был арестован 16 февраля 1995 г. и что его дело не было рассмотрено до 25 марта 1996 г. Комитет также отмечает, что, согласно информации государства-участника, уголовное расследование было завершено и дело было передано в Красноармейский городской суд 27 апреля 1995 г, т.е. почти за год до вынесения окончательного судебного решения. В отсутствие каких-либо соответствующих разъяснений со стороны государства-участника в отношении этой значительной задержки в рассмотрении дела, касающегося содержащегося под стражей несовершеннолетнего, Комитет считает, что права автора на оперативное судебное разбирательство в соответствии с пунктом 2 b) статьи 10 [Пакта] были нарушены. После вывода о нарушении прав автора на вынесение в кратчайший срок судебного решения, как это предусмотрено в пункте 2 b) статьи 10 Пакта, и по тем же причинам, которые указаны выше, Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пункту 3 c) статьи 14 Пакта (пункт 9.4 Соображения).

Что касается права иметь адвоката, то Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он просил встретиться со своей матерью, с тем чтобы она помогла ему выбрать адвоката. Комитет также отмечает, что мать автора, которая, учитывая возраст автора, могла сыграть важную роль в нахождении ему адвоката, была назначена в качестве его законного представителя лишь 8 апреля 1995 г., когда следствие было почти завершено... Учитывая возраст автора на тот момент и его уязвимость, Комитет считает, что автору не было предоставлено достаточного времени и возможностей для подготовки

⁴⁶ Там же, пункт 32.

своей защиты или общения с выбранным им самим защитником и что его права согласно пункту 3 b) статьи 14 Пакта были тем самым нарушены (пункт 9.5 Соображения).

Комитет уже подчеркивал важность оказания надлежащей помощи несовершеннолетним в ходе уголовного разбирательства, в том числе через их родителей или законных опекунов⁴⁷. Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что родители автора были проинформированы «устно» во время его ареста, но при этом отмечает, что мать автора была назначена в качестве его законного представителя лишь 8 апреля 1995 г., т.е. почти через два месяца после его ареста⁴⁸. Комитет считает, что в данном случае, учитывая возраст автора на тот момент, ставящий его в уязвимое положение, беспрепятственный доступ к его родителям или законному опекуну или юридическому представителю могли бы сыграть важную роль в деле защиты его прав в ходе уголовного разбирательства⁴⁹. Эти права, в частности, включают в себя право на помощь адвоката по своему выбору, право на безотлагательное судебное разбирательство, а также право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты. С учетом того, что информация, представленная сторонами, свидетельствует о том, что государство-участник не приняло никаких специальных мер по защите автора по причине его возраста, Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора, предусмотренные пунктом 4 статьи 14 [Пакта], рассматриваемым в совокупности с пунктом 1 статьи 24 Пакта (пункт 9.7 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пунктов 3 и 4 статьи 9, пункта 2 b) статьи 10, пункта 3 b) и c) статьи 14 и пункта 4 статьи 14 [Пакта], рассматриваемых в совокупности с пунктом 1 статьи 24 Пакта (пункт 10 Соображения).

В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить эффективное средство правовой защиты лицам, права которых, предусмотренные Пактом, были нарушены. Соответственно,

⁴⁷ Там же. См. также сообщение № 1390/2005, *Кореба против Беларуси*, Соображения, принятые 25 октября 2010 г., пункт 7.4.

⁴⁸ См. Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 10 (2007) о правах детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, в котором Комитет подчеркивает важность информирования ребенка и его родителей или законных опекунов в отношении уголовного судопроизводства (пункт 48) и предоставления ребенку, который подвергается допросу, доступа к адвокату или иному соответствующему представителю и возможности требовать присутствия своего родителя(ей) в ходе допроса (пункт 58).

⁴⁹ См. Европейский Суд по правам человека, *Блохин против России* (заявление № 47152/06), решение от 23 марта 2016 г., пункт 183, в котором Суд признал, что допрос несовершеннолетнего в отсутствие опекуна, защитника или учителя является мерой «психологического принуждения».

государство-участник обязано, в частности, предоставить Вячеславу Бережному надлежащую компенсацию, в том числе возместить ему судебные, правовые и иные связанные с этим делом издержки. Государство-участник также обязано принять все необходимые шаги с целью предотвращения аналогичных нарушений в отношении несовершеннолетних правонарушителей в будущем (пункт 11 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 51445/09 *«Жеребин против России»* (вынесено 24 марта 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с неоднократным продлением судами срока содержания заявителя под стражей без достаточных на то оснований и без приведения надлежащих мотивов применения названной меры пресечения.

Заявитель жаловался, ссылаясь на пункты 1 и 3 статьи 5 Конвенции, что его содержали под стражей в ходе следствия и судебного разбирательства, несмотря на отсутствие значительных и достаточных оснований.

Европейский Суд отметил, что «...[п]ри обосновании необходимости заключения заявителя под стражу в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в его отношении внутригосударственные судебные власти аргументировали это тем, что он может скрываться или препятствовать отправлению правосудия путем, в том числе, оказания давления на свидетелей» (пункт 57 постановления).

Суд установил, что «...внутригосударственные суды отказались рассматривать личные поручительства, подписанные лицами, согласными поручиться за заявителя, сомневаясь в их подлинности. Они также ссылались, без указания действующих норм уголовного права, на несоблюдение заявителем требования по представлению указанных документов следователю» (пункт 59 постановления)

Европейский Суд подчеркнул, что «...внутригосударственные органы власти при отказе в освобождении заявителя утверждали, что он не представил доказательств, опровергающих предположения обвинения о наличии риска, что он может скрыться или препятствовать отправлению правосудия...[П]ерекладывание бремени доказывания в таких вопросах на задержанное лицо равнозначн[о] уничтожению смысла статьи 5 Конвенции, которая делает заключение под стражу исключительным

случаем отступления от принципа уважения свободы личности, допустимым только в ограниченном количестве строго определенных случаев» (пункт 60 постановления).

Суд указал на то, что «...большинство предыдущих дел длительного содержания под стражей имеют более длительные периоды лишения свободы, в сравнении с которыми [срок содержания под стражей заявителя] можно рассматривать как относительно короткий период содержания под стражей»⁵⁰ (пункт 61 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...не рассмотрев возможность применения альтернативной «меры пресечения» и сославшись, в основном, на тяжесть предъявленного обвинения, а также переложив бремя доказывания на заявителя, власти Российской Федерации продлили срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые, хоть и являются «значительными», не могут считаться «достаточными» для обоснования такой длительности срока...Соответственно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции» (пункты 62-63 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда, а также в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей.

Постановления по жалобам № 80015/12 *«Девтеров против России»* (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), №№ 30454/08, 11655/10 и 19871/10 *«Бражников и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), № 9994/06 *«Поддубный и Бабков против России»* (вынесено и вступило в силу 21 июня 2016 г.), №№ 24649/10 и 8496/13 *«Сюсюра и Овечкин против России»* (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), №№ 7243/10 и 15536/10 *«Евстратов и Рудаков против России»* (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), № 34942/05 *«Колкутин против России»* (вынесено и вступило в силу 12 июля 2016 г.), №№ 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 *«Сергей Денисов и другие против России»* (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), №51311/12 *«Махмуд против России»* (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.), №№ 58104/14, 12566/15, 13335/15, 15383/15, 18943/15, 21219/15 и 23554/15 *«Вальтер и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), №№ 16120/07 и 24021/07 *«Горбатенко и Шейдяков против России»* (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г.).

⁵⁰ Срок содержания заявителя под стражей составил семь месяцев и двадцать дней.

См. также вышеприведенные Соображения Комитета по правам человека по делу *Каюм Ортиков против Узбекистана*; по делу *Жахангир Базаров против Кыргызстана*; по делу *Медждуб Шани против Алжира*.

См. также нижеприведенные Соображения по делу *Марлон Джеймс Нобл против Австралии*.

См. также нижеприведенные постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 «*Сергей Денисов и другие против России*» (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.); по жалобе № 24849/05 «*Сергей Зайцев против России*» (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.).

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам инвалидов

Сообщение: *Марлон Джеймс Нобл против Австралии*. Сообщение № 7/2012. Соображения приняты Комитетом по правам инвалидов (далее – Комитет) 2 сентября 2016 г.

Тема сообщения: право пользоваться правоспособностью наравне с другими.

Вопрос существа: доступ к суду; психическая и интеллектуальная недееспособность; реализация правоспособности; лишение свободы; дискриминация по признаку инвалидности; ограничения прав.

Правовые позиции Комитета: по пунктам 1 и 2 статьи 5 Конвенции [о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г.]⁵¹ государства-участники должны обеспечивать, чтобы все лица были равны перед законом и по нему и имели право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, и для поощрения равенства и устранения дискриминации должны предпринимать все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления. Комитет... напоминает, что дискриминация может быть результатом дискриминационного эффекта нормы или меры, которые не рассчитаны на дискриминацию, но несоразмерно затрагивают инвалидов⁵² (пункт 8.3 Соображения).

Комитет напоминает, что по пункту 2 статьи 12 [Конвенции] государства-участники несут обязанность признать, что инвалиды

⁵¹ Далее – Конвенция.

⁵² См. сообщение № 10/2013, *С.К. против Бразилии*, Решение о неприемлемости, принятое 2 октября 2014 г., пункт 6.4.

обладают правоспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни. По пункту 3 статьи 12 [Конвенции] государства-участники несут обязанность предоставлять инвалидам доступ к поддержке, которая может потребоваться им для реализации своей правоспособности. Комитет также напоминает, что по пункту 1 статьи 13 [Конвенции] государства-участники должны обеспечивать инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы (пункт 8.5 Соображения).

Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенные дискреционные пределы с целью установления процедурных механизмов, дабы позволить инвалидам осуществлять свою правоспособность⁵³, должны соблюдаться соответствующие права данного лица (пункт 8.6 Соображения).

[О]дним из наиболее ценных прав, которыми наделен каждый, является свобода и личная неприкосновенность. В частности, право на свободу согласно статье 14 Конвенции имеют все инвалиды, и особенно лица, страдающие интеллектуальными и психосоциальными расстройствами⁵⁴ (пункт 8.7 Соображения).

Комитет подчеркивает, что государства-участники занимают особое место в плане гарантии защиты прав лиц, лишенных свободы, в силу той степени контроля, который они осуществляют над этими лицами⁵⁵, включая и предотвращение любой формы обращения вопреки статье 15 Конвенции и гарантию прав, установленных по Конвенции. В этом контексте власти государства-участника должны уделять особое внимание конкретным потребностям и возможной уязвимости соответствующего лица, в том числе по причине его или ее инвалидности (пункт 8.9 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает... заявление [автора] о том, что Закон о душевнобольных обвиняемых носит дискриминационный характер, поскольку он применяется лишь к лицам, страдающим когнитивными расстройствами, и в случае предъявления им обвинения в уголовных правонарушениях предусматривает их бессрочный арест без установления вины, тогда как лица, не страдающие когнитивными расстройствами, защищены от такого обращения за счет применения норм надлежащей правовой процедуры и справедливого судебного разбирательства. Комитет также отмечает, что,

⁵³ См. сообщение № 5/2011, *Юнгелин против Швеции*, Соображения от 2 октября 2014 г., пункт 10.5.

⁵⁴ См. руководящие принципы Комитета по статье 14 Конвенции о праве на свободу и личную неприкосновенность инвалидов, принятые на его четырнадцатой сессии (2015 год), пункт 3.

⁵⁵ См. Комитет против пыток, сообщение № 456/2011, *Герреро Ларес против Боливарианской Республики Венесуэла*, Решение, принятое 15 мая 2015 г., пункт 6.4; Комитет по насильственным исчезновениям, сообщение № 1/2013, *Ируста против Аргентины*, Соображения, принятые 11 марта 2016 г., пункт 10.5.

по мнению государства-участника, этот закон не носит дискриминационный характер, а предусматривает легитимное дифференцированное обращение с определенными лицами, страдающими инвалидностью, с соблюдением гарантий с целью обеспечить его соразмерность целям закона (пункт 8.2 Соображения).

Комитет отмечает, что Закон о душевнобольных обвиняемых призван урегулировать ситуацию лиц, страдающих психосоциальными и интеллектуальными расстройствами, которые признаются неспособными предстать перед судом по причине психического расстройства. И поэтому вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, чтобы определить, носит ли дифференцированный режим, предусмотренный по Закону, разумный характер или не приводит ли он к дискриминационному обращению с инвалидами (пункт 8.3 Соображения).

[А]втор был обвинен в 2001 году в сексуальных правонарушениях, которые так и не были доказаны. В марте 2003 года он был признан процессуально недееспособным. Был выдан ордер на арест, и автор содержался в заключении в гринафской окружной тюрьме до 10 января 2012 г., когда он был передан в службу поддержки на предмет адаптации. Комитет отмечает, что на всем протяжении заключения автора в тюрьме вся судебная процедура фокусировалась на его умственной способности предстать перед судом, и ему не было предоставлено никакой возможности заявить о своей невиновности и оспорить инкриминирующие его доказательства. Комитет также отмечает, что государство-участник не предоставило автору поддержки или адаптации, которые требуются ему для реализации своей правоспособности, и не проанализировало, какие меры могли бы быть приняты с этой целью. Наоборот, в результате применения Закона было полностью приостановлено право автора на справедливое судебное разбирательство, что лишило его защиты и равного преимущества закона. И поэтому Комитет считает, что Закон обернулся дискриминационным обращением по делу автора в нарушение пунктов 1 и 2 статьи 5 Конвенции... Комитет отмечает, что по Закону с признанием того или иного лица процессуально недееспособным он или она может содержаться под арестом неограниченный промежуток времени. Он или она будут предположительно считаться по-прежнему психически неспособными предстать перед судом до тех пор, пока не будет доказано обратное. А между тем такое лицо не имеет возможности реализовывать свою правоспособность в судах (пункт 8.4 Соображения).

Что касается утверждений автора по пунктам 2 и 3 статьи 12 и по пункту 1 статьи 13 Конвенции, то Комитет отмечает утверждение автора о том, что решение о его процессуальной недееспособности лишило его возможности реализовать свою правоспособность, дабы заявить о своей невиновности и оспорить инкриминирующие его доказательства, что равносильно нарушению пунктов 2 и 3 статьи 12 Конвенции (пункт 8.5 Соображения).

В настоящем деле решение о процессуальной недееспособности автора по причине его недееспособности интеллектуальной и психической обернулось отказом ему в праве реализовать свою правоспособность, дабы заявить о своей невиновности и оспорить инкриминирующие его доказательства. Более того, властями государства-участника автору не было предоставлено никакого рода адекватной поддержки, дабы позволить ему предстать перед судом и заявить о своей невиновности, несмотря на его явное намерение сделать это. И поэтому ему так и не была предоставлена возможность добиться определения по инкриминируемым ему уголовным обвинениям и потенциально обелить свой статус предполагаемого сексуального правонарушителя. Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенные дискреционные пределы с целью установления процедурных механизмов, дабы позволить инвалидам осуществлять свою правоспособность⁵⁶, должны соблюдаться соответствующие права данного лица. В случае же автора этого не произошло, ибо он не имел возможности и ему не было предоставлено адекватной поддержки или адаптации, чтобы реализовать свои права на доступ к правосудию и на справедливое судебное разбирательство. Ввиду вышесказанного Комитет считает, что рассматриваемая ситуация равносильна нарушению прав автора по пунктам 2 и 3 статьи 12 и по пункту 1 статьи 13 Конвенции (пункт 8.6 Соображения).

Комитет отмечает, что после мартовского 2003 года решения окружного суда Западной Австралии, согласно которому автор был признан процессуально недееспособным, он, после того как в порядке применения Закона о душевнобольных обвиняемых были аннулированы все обвинения против него, был заключен в тюрьму, не будучи осужден за какое-либо правонарушение. Комитет также отмечает утверждение государства-участника о том, что компетентные ведомства приняли это решение из-за отсутствия наличных альтернатив и служб поддержки, хотя они и считали, что тюрьма «не является подходящей средой для автора». И поэтому заключение автора было избрано на основе оценки ведомствами государства-участника потенциальных последствий его интеллектуальной недееспособности в отсутствие всякого уголовного обвинительного приговора, сделав тем самым инвалидность основной причиной заключения. И поэтому Комитет считает, что заключение автора равносильно нарушению пункта 1 b) статьи 14 Конвенции, согласно которой «наличие инвалидности ни в коем случае...» не является «...основанием для лишения свободы» (пункт 8.7 Соображения).

Комитет отмечает, что 10 января 2012 г. автор был выпущен из тюрьмы и передан в службу поддержки на предмет адаптации на 10 условиях. Не вдаваясь в детальный анализ этих условий, Комитет считает, что, поскольку эти условия были определены как прямое

⁵⁶ См. сообщение № 5/2011, *Юнгелин против Швеции*, Соображения от 2 октября 2014 г., пункт 10.5.

следствие заключения автора, которое признается нарушением Конвенции, они тоже равносильны нарушению пункта 1 b) статьи 14 (пункт 8.8 Соображения).

Комитет отмечает утверждения автора о том, что он подвергался частым актам насилия и надругательств, что его инвалидность мешала ему защищаться от таких актов и что власти государства-участника не приняли никаких мер, чтобы наказать и предотвратить их или защитить от них автора. Вдобавок Комитет отмечает, что автор содержался в заключении больше 13 лет безо всяких указаний насчет продолжительности его заключения. Как считалось, его заключение носит бессрочный характер, поскольку, в соответствии со статьей 10 Закона о душевнобольных обвиняемых, «обвиняемый, признанный по настоящему разделу психически неспособным предстать перед судом, предположительно считается по-прежнему психически неспособным до тех пор, пока не будет доказано обратное». Принимая в расчет непоправимые психологические последствия, которыми может обернуться для заключенного бессрочное заключение, Комитет полагает, что бессрочное заключение, которому он был подвергнут, равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. И поэтому Комитет считает, что бессрочное заключение автора и неоднократные акты насилия, которым он подвергался в ходе его заключения, равносильны нарушению государством-участником статьи 15 Конвенции (пункт 8.9 Соображения).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства по пунктам 1 и 2 статьи 5, 2 и 3 статьи 12, 1 статьи 13, 1 b) статьи 14 и по статье 15 Конвенции (пункт 8.10 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобам №№ 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 «*Сергей Денисов и другие против России*» (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым отклонена жалоба заявителей на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с якобы незаконным составом городского суда, вынесшим приговор по делу заявителей и необоснованно длительным рассмотрением уголовного дела в их отношении.

Вместе с тем установлено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с неоднократным продлением судами срока содержания заявителя под стражей без достаточных на то оснований и без приведения надлежащих мотивов применения названной меры пресечения.

Заявители жаловались, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, на то, что состав городского суда, который вынес приговор в их отношении,

не был создан в соответствии с законом и не имел полномочий рассматривать их дело после 1 января 2004 г.

Европейский Суд отметил, что «...жалоба заявителей имеет два аспекта. Во-первых, они оспорили законность назначения народных заседателей, которые вошли в состав суда, рассматривавшего их дело, и продление срока их полномочий; и, во-вторых, они поставили под сомнение их судебские полномочия после 1 января 2004 г.» (пункт 111 постановления).

Суд подчеркнул, что «...[т]от факт, что жалоба в настоящем деле касается народных заседателей, не умаляет ее важности, поскольку, согласно статье 15 Уголовно-процессуального кодекса [РСФСР], в своей должности народные заседатели пользуются всеми правами профессионального судьи» (пункт 113 постановления).

Европейский Суд установил, что «...с 1990 года по 1991 год городской суд выбрал резерв народных заседателей... [Народные заседатели] были должным образом избраны...соответственно сроком на пять лет... [В] 1993 году срок полномочий народных заседателей в России был продлен Указом 1993 года⁵⁷ до вступления в силу закона, регулирующего судебную систему... 31 декабря 1996 г. был принят Закон РФ «О судебной системе», который предусматривал, что народные заседатели сохраняют свои полномочия до истечения срока их службы... Однако, спустя двадцать три дня, Указ 1997 года⁵⁸ продлил срок полномочий народных заседателей в России до вступления в силу закона о народных заседателях... [Н]ебольшая задержка в возобновлении полномочий народных заседателей,...которые занимали эту должность с начала 1990-х годов по 2006 год, являлась незначительным нарушением и не подрывала законность статуса» (пункты 115-118 постановления).

Суд далее отметил, что «...[народные заседатели] начали рассмотрение дела заявителей 1 октября 2001 г., список народных заседателей, содержащий их имена, еще не был утвержден Законодательным собранием г. Санкт-Петербурга и передан в городской суд в соответствии со статьей 2 Закона о народных заседателях⁵⁹... 5 августа 2002 г. судебное разбирательство по делу заявителей еще велось, и [народные заседатели] участвовали в нем..., начиная с 1 октября 2001 г. В соответствии с применимыми положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ... состав суда, рассматривающего дело, должен оставаться

⁵⁷ Указ Президента Российской Федерации «О замещении вакантных должностей федеральных судей» от 25 декабря 1993 г.

⁵⁸ Указ Президента Российской Федерации «О продлении срока полномочий народных заседателей верховных судов республик, краевых, областных судов, московского и Санкт-Петербургского городских судов, суда автономной области, судов автономных округов, районных и военных судов» от 23 января 1997 г.

⁵⁹ Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ (с изм. от 14 ноября 2002 г.) «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

неизменным в течение всего срока судебного разбирательства... [Т]ребование о постоянном составе суда, предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, а позже и Российской Федерации, обеспечивало непрерывное и своевременное рассмотрение дела заявителей и заменяло собой неспособность властей утвердить и распространить списки народных заседателей» (пункты 121-122 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «...[народные заседатели] имели полномочия рассматривать дело заявителей до и после 5 августа 2002 г., а также после 1 января 2004 г., когда положения закона о народных заседателях были отменены. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что состав суда, рассматривавшего дело заявителей, был законным, и в этом отношении не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункт 125 постановления).

Заявители также жаловались на то, что длительность разбирательства по их уголовному делу не соответствовала требованию «разумного срока», установленному пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

Суд подчеркнул, что «...обоснованность длительности рассмотрения дела необходимо оценивать с учетом обстоятельств дела и следующих критериев: сложности дела, поведения заявителя и соответствующих органов власти... предварительное следствие по делу заявителей велось с 10 января 1999 г. по 26 января 2001 г. (два года и семнадцать дней), производство в городском суде длилось с 29 января 2001 г. по 15 февраля 2006 г. (пять лет и восемнадцать дней), а кассационное производство в Верховном Суде [Российской Федерации] длилось с 16 февраля по 21 ноября 2006 г. (девять месяцев и четыре дня)... [Д]лительность предварительного следствия и кассационного производства не была необоснованной, учитывая сложность дела и необходимость для заявителей изучить материалы дела и подготовиться к слушаниям... [С]амый большой перерыв в судебном производстве имел место... когда городской суд откладывал слушание не менее восьмидесяти восьми раз из-за болезни заявителей, неявки адвокатов по состоянию здоровья или по личным или профессиональным причинам, либо без уважительной причины, или же из-за удаления заявителей и их адвокатов из зала суда за поведение, нарушающее порядок судебного заседания» (пункты 131-134 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...судебное разбирательство было сложным, учитывая участие в нем семнадцати подсудимых и количество и суть предъявленных им обвинений... [Н]еоднократная неявка адвокатов в суд существенно замедлила ход судопроизводства... [Э]то происходило не по вине государства... [Г]ородской суд правомерно и систематически откладывал слушания по причинам, которые находились вне контроля внутригосударственных органов власти» (пункты 136-140 постановления).

Суд заключил, что «...длительность уголовного судопроизводства в настоящем деле нельзя считать необоснованной. Следовательно, в данном отношении нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции допущено не было» (пункт 141 постановления).

Также, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, заявители жаловались на то, что они в ряде случаев были удалены из зала суда, и что слушание по их делу, проводившееся в следственном изоляторе не было открытым для общественности.

Относительно удаления заявителей из зала суда Суд установил, что «...заявители и/или некоторые из их адвокатов удалялись из зала суда в ряде случаев за то, что они перебивали председательствующего судью или секретаря суда, обращались к городскому суду, используя непристойную брань, и за другое несдержанное поведение... При таких обстоятельствах, удаление заявителей из зала суда было необходимым для поддержания порядка в зале суда, и не умаляло общую справедливость разбирательства по делу заявителей, которых в их отсутствие представляли их адвокаты (пункт 143 постановления).

Что касается жалобы на закрытость разбирательства, проводившегося в следственном изоляторе, то Европейский Суд отметил, что «...предоставленные... материалы по делу убедительно доказывают, что, несмотря на то, что судебное разбирательство было перенесено в следственный изолятор, оно не было закрытым для общественности (пункт 144 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 24849/05 «*Сергей Зайцев против России*» (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с проведением областным судом закрытого заседания по уголовному делу заявителя.

Одновременно отклонены как явно необоснованные жалобы заявителя на чрезмерную продолжительность судебного разбирательства по его делу, на нарушение принципа презумпции невиновности и иных прав заявителя в ходе процесса, а также исключена из списка подлежащих рассмотрению дел жалоба заявителя на несоблюдение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с чрезмерно длительным содержанием его под стражей ввиду урегулирования властями данного вопроса односторонней декларацией.

Заявитель жаловался на непроведение публичного судебного разбирательства по его уголовному делу в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...решение суда о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании является нарушением справедливого баланса между правом заявителя на проведение публичного

разбирательства по уголовному делу, с одной стороны, и иными важными интересами, с другой стороны» (пункт 29 постановления).

Суд установил, что «...[областной] суд не изложил каких-либо причин в обоснование принятого решения о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании.... В качестве единственного основания для рассмотрения дела в закрытом судебном заседании Власти сослались на необходимость обеспечения безопасности... [П]роблемы с обеспечением безопасности характерны для многих разбирательств по уголовным делам, однако случаи, когда одно лишь наличие таких проблем является основанием для рассмотрения дела в закрытом судебном заседании, тем не менее, весьма редки... [Н]ациональные судебные органы были обязаны обеспечить охрану и безопасность людей, присутствовавших в зале суда... [С]оответствующие меры должны применяться с учетом обстоятельств конкретного дела и соответствовать принципу необходимости. Органам судебной власти следует тщательным образом рассматривать любые возможные альтернативные меры, которые могут использоваться для обеспечения охраны и безопасности в зале суда и отдавать предпочтение тем из них, которые представляются менее строгими в контексте достижения одной и той же цели. Более того, если суд первой инстанции действительно принял во внимание определенную информацию, такую информацию следовало представить сторонам, в частности, заявителю, чтобы обеспечить открытое обсуждение этого вопроса. Вместе с тем, судом первой инстанции указанные действия предприняты не были» (пункты 30-31 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с проведением закрытого слушания по делу заявителя.

Заявитель также жаловался на то, что его заключение под стражу во время предварительного следствия и судебного разбирательства в отсутствие значительных и достаточных оснований являлось нарушением пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Власти подтвердили, что содержание заявителя под стражей являлось нарушением пункта 3 статьи 5 Конвенции и указали на свою готовность выплатить заявителю справедливую денежную компенсацию (пункт 14 постановления).

Европейский Суд остался удовлетворен тем, что сумма предложенной компенсации соответствовала суммам, присужденным в подобных делах (пункт 21 постановления).

Суд посчитал целесообразным исключить данную часть жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению, в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции.

См. также приведенные выше Соображения Комитета по правам человека по делу *Жахангир Базаров против Кыргызстана* и по делу *Вячеслав Бережной против Российской Федерации*.

Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора

Постановление Европейского Суда по жалобе № 58923/14 *«Холмуродов против России»* (вынесено 1 марта 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.), которым установлено, что исполнение решения УФМС России о депортации заявителя либо его иное принудительное перемещение в Республику Узбекистан (в порядке экстрадиции, депортации или иным способом) будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Наряду с этим установлено нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от выявленных нарушений.

Заявитель жаловался на то, что отправка его в родную страну, Узбекистан, подвергла бы его обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, по причине обвинений в уголовных правонарушениях, вынесенных в его отношении в этом государстве

Европейский Суд указал на то, что «...что лица, обвиняемые в Узбекистане в правонарушениях политического и религиозного характера, принадлежат к уязвимой группе, систематически подвергаемой практике жестокого обращения в указанной стране... [Т]акже, если лицо, подлежащее выдворению или экстрадиции в эту страну, может доказать принадлежность к такой группе, он может не доказывать наличие дополнительных особых отличительных признаков, которые выделяли бы лично его, чтобы доказать, что лично он подвергался и продолжает подвергаться опасности» (пункт 64 постановления).

В настоящем деле Суд установил, что «...заявитель обвиняется в Узбекистане, в числе прочего, в посягательстве на конституционный строй, изготовлении и разглашении материалов, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, а также в создании и управлении экстремистскими религиозными организациями, сепаратистскими, фундаменталистскими и другими запрещенными организациями и в участии в таких организациях... [Э]ти обвинения носят, без сомнения, политический и религиозный характер, что причисляет заявителя к группе особенно уязвимых лиц, подверженных риску жестокого обращения в случае возвращения в Узбекистан» (пункт 65 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...дипломатические заверения⁶⁰ сами по себе не являются достаточными. Необходимо, чтобы эти заверения предоставляли в своем практическом применении достаточную гарантию, что заявитель действительно будет защищен от риска применения жестокого обращения... [З]аверения, данные органами власти Узбекистана, не предусматривали дипломатических или основанных на участии наблюдателей механизмов, которые позволяли бы обеспечить объективный контроль за их соблюдением» (пункт 66 постановления).

Суд подчеркнул, что «...одного только существования внутригосударственных норм и ратификации международных соглашений, гарантирующих уважение основных прав человека, недостаточно, чтобы обеспечить соответствующую защиту от риска жестокого обращения, поскольку, как в настоящем деле, достоверные источники подтверждают практику органов власти – или допускаемую ими – явно противоречащую принципам Конвенции» (пункт 67 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...высылка заявителя в Узбекистан подвергла бы его реальному риску жестокого обращения, противоречащему статье 3 Конвенции» (пункт 70 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его жалобы, касающиеся риска ненадлежащего обращения, которому он подвергся бы в случае возвращения в Узбекистан, не были надлежащим образом рассмотрены государственными органами, что, по его словам, нарушало статью 13 Конвенции.

Суд отметил, что «...суды не рассмотрели доводы заявителя, касающиеся риска жестокого обращения, ограничившись обоснованием применения депортации соображениями охраны общественного порядка... [Р]ешение [Управления федеральной миграционной службы России], которым заявителю было предоставлено временное убежище, не содержало ни анализа его личного положения, ни оценки риска, которому он мог быть подвергнут в случае перемещения в Узбекистан, и что оно ограничивалось упоминанием обеспечительной меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента... [Н]и первая, ни вторая из этих процедур не предоставила заявителю внимательного контроля и тщательного рассмотрения, которых требует статья 13, в том, что касается его заявления, в соответствии с которым он подвергался риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае возвращения в Узбекистан» (пункт 77 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...[заявитель] не имел эффективного средства правовой защиты по смыслу статьи 13, чтобы отстаивать свою жалобу по статье 3 Конвенции» (пункт 78 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, что его содержание под стражей не является правомерным.

⁶⁰ Дипломатические заверения, в соответствии с которыми заявитель не подвергнется бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в своей родной стране.

Суд отметил, что «...[прокурор] вынес постановление об избрании меры пресечения в виде заключения заявителя под стражу на два месяца, основываясь на части 2 статьи 466 УПК... [П]остановление № 11 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г.⁶¹ действовало во время событий, внутригосударственные суды... явно ссылались на пункт 21 данного постановления, поскольку они подтвердили решение прокурора» (пункт 88 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет, что, поскольку запрос об экстрадиции сопровождается распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом, прокурор может, в применение части 2 статьи 466 УПК, вынести решение о помещении этого лица под стражу на срок, не превышающий двух месяцев с момента, когда это лицо было задержано (пункт 89 постановления).

Суд указал на то, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет также, что в отсутствие запроса об экстрадиции, распоряжение о помещении под стражу может быть вынесено только российским судом, и что даже после получения запроса об экстрадиции оно может быть продлено только российским судом. Прочтенные совместно пункты 19 и 21 постановления, по-видимому, указывают на то, что толкование, вытекающее из применимого права, заключается в том, что в контексте процедуры экстрадиции прокурор может выносить решение только о первоначальном помещении под стражу и только после получения запроса об экстрадиции – сопровождаемого распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом; если это последнее условие не выполнено, первоначальное решение о помещении под стражу может быть принято только российским судом, который, кроме того, во всех ситуациях является единственным компетентным судом в вопросе продления такой меры...[В] настоящем деле часть 2 статьи 466 УПК не применялась национальными судами в соответствии с этим порядком» (пункт 90 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... не уточняет, как разграничить часть 2 статьи 466 УПК – которая позволяет прокурору вынести постановление о помещении под стражу в целях экстрадиции – и часть 4 статьи 108 этого же кодекса, которая предусматривает, что только российский суд может вынести постановление о применении меры, связанной с лишением свободы» (пункт 91 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...лишение свободы, которому подвергся заявитель... не являлось правомерным в смысле пункта 1 статьи 5

⁶¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания».

Конвенции, в связи с отсутствием правовой основы, которая имела бы требуемые в целях соответствия общему принципу правовой безопасности качества» (пункт 92 постановления).

Заявитель также жаловался, наконец, на то, что он был лишен процедурных гарантий в ходе принятия решения о его депортации, по его мнению, в нарушение статьи 1 Протокола № 7 Конвенции.

Суд подчеркнул, что «...статья 1 протокола № 7 к Конвенции относится явным образом к иностранным гражданам, «на законных основаниях проживающим на территории какого-либо государства»... [Н]ичто в материалах дела не свидетельствует о том, что заявитель правомерно въехал на российскую территорию, чтобы остаться, и что он имел «законно обоснованное ожидание» получить разрешение на пребывание... [И]з материалов дела не следует, что он...имел разрешение на временное пребывание... [З]аявитель имел поддельный паспорт в момент, когда он был задержан российскими органами власти, и...этот факт, в числе прочих, послужил основанием для его последующего осуждения по уголовному делу... [Т]от факт, что заявитель отбывал наказание в виде лишения свободы на территории Российской Федерации на момент принятия постановления о выдворении в его отношении, не делал пребывание заявителя «правомерным» в смысле статьи 1 Протокола № 7 Конвенции» (пункт 97 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...данная жалоба несовместима ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения, с положениями Конвенции в значении пункта 3 статьи 35 и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35» (пункт 98 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 14348/15 «*У.Н. против России*» (вынесено 26 июля 2016 г., вступило в силу 28 ноября 2016 г.), которым установлено, что принудительное перемещение заявителя в Кыргызскую Республику (в порядке экстрадиции либо иным способом) будет являться нарушением ст. 3 Конвенции.

Установлено также нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя возможности добиться судебного пересмотра постановления районного суда о применении к нему в течение определенного судом срока меры пресечения в виде заключения под стражу в целях экстрадиции, несмотря на имевшие место изменения в обстоятельствах, которые могли повлиять на законность соответствующей меры.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то, что в случае его выдачи Кыргызстану он подвергнется пыткам и бесчеловечному

и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежал к узбекскому этническому меньшинству.

Европейский Суд отметил, что он «...неоднократно изучал ситуацию в отношении этнических узбеков, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана в связи с рядом тяжких преступлений, которые они, предположительно, совершили в ходе жестоких межэтнических столкновений между киргизами и узбеками в июне 2010 года. В тех делах [Суд] неизменно постановлял, что, учитывая подтвержденное широко распространенное и привычное применение пыток и иного жестокого обращения со стороны правоохранительных органов в южной части Кыргызстана в отношении членов узбекского сообщества, безнаказанность сотрудников правоохранительных органов, а также отсутствие достаточных гарантий для заявителей в соответствующей стране, имелись существенные основания полагать, что заявители столкнутся с реальной угрозой быть подвергнутыми обращению, предусмотренному статьей 3 Конвенции по возвращению в Кыргызстан» (пункт 38 постановления).

Однако Суд подчеркнул, что «...[к]ак и в предыдущих подобных делах, заявитель безуспешно пытался обратить внимание... на вышеупомянутые обстоятельства в ходе производства по экстрадиции и делам беженцев...[О]снование национальных судов по делу заявителя было более подробным... Однако, их доводы, обосновывающие отклонение требований заявителя, уже были рассмотрены Европейским Судом в его предыдущих постановлениях, и он посчитал их недостаточными... Что касается последнего довода, представленного Европейскому Суду, и на основании того факта, что экстрадиции заявителя добивались за обычные уголовные преступления, в совершении некоторых из которых он признался... Европейский Суд может только напомнить, что поведение заявителя – каким бы нежелательным или опасным оно бы не было – не может отменить запрет на жестокое обращение согласно статье 3 Конвенции... [З]аявитель является этническим узбеком, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана за преступления, совершенные в ходе жестоких столкновений в июне 2010 года... Таким образом, он является членом группы, которая систематически подвергается жестокому обращению» (пункт 39 постановления).

Таким образом, Европейский Суд заключил, что «...принудительное возвращение заявителя в Кыргызстан в форме экстрадиции или иным образом было бы нарушением статьи 3 Конвенции» (пункт 41 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, на отсутствие возможности судебного пересмотра законности его содержания под стражей.

Европейский Суд установил, что он «...уже выявлял нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, когда у заявителя не было возможности добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей в

течение фиксированного периода времени, несмотря на изменения в обстоятельствах в течение этого периода времени, которые могли повлиять на законность его содержания под стражей... В настоящем деле, содержание заявителя под стражей было разрешено на фиксированный период – с 16 января 2015 г. по 23 июля 2015 г. Изменившимися обстоятельствами, которые могли повлиять на законность содержания под стражей, были промежуточная мера Европейского Суда 24 марта 2015 г. и вступление в силу решения [о выдаче] 25 марта 2015 г. Соответственно, чуть меньше четырех месяцев, в течение которых заявитель не мог добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей» (пункт 45 постановления).

В отсутствие каких-либо новых доводов или фактов, Европейский Суд постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

**Управление систематизации законодательства и
анализа судебной практики**